

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 3 6

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

4

С О Ц Э К Г И З

1936

Выше революционную бдительность

Наша социалистическая родина с полным правом отмечает успехи и достижения, имеющие всемирно-историческое значение. Социализм, социалистическая система хозяйства победили в нашей стране окончательно. В великом документе эпохи — в плане второй пятилетки — Всесоюзная коммунистическая партия поставила задачу завершения технической реконструкции страны, построения бесклассового социалистического общества. Сейчас, на исходе 4-го года этой пятилетки, можно с полной определенностью сказать, что хозяйственные задания второй пятилетки будут перевыполнены, более того, по ряду важнейших отраслей и участков она будет выполнена в 4 года. Достаточно напомнить одну цифру, чтобы стало ясно все величие побед, одержанных страной под руководством великого Сталина. В основных производственных фондах страны удельный вес социалистических форм хозяйства составляет 98,5% и лишь 1,5% приходится на долю частного хозяйства. Эти цифры говорят о том, что многоукладность хозяйства ликвидирована, что социализм является безраздельно господствующей системой хозяйства. Все враждебные, капиталистические классы в нашей стране окончательно разгромлены.

4-й год второй пятилетки, по праву называющийся стахановским годом, показывает громадные успехи в деле укрепления и дальнейшего развития социалистического общественного строя. Объединенный пленум ЦК и ЦКК в январе 1933 г., подводя итоги первой пятилетки и давая директивы на будущее, отметил, что в первые годы второй пятилетки неизбежны менее ускоренные темпы роста промышленной продукции, что ускорение темпов может наступить вновь в последние годы этой пятилетки. Что же показывают цифры развития нашей промышленности? Цифры показывают, что на основе успешного освоения новой техники происходит значительное ускорение темпов развития. При громадном абсолютном росте из года в год продукции всей промышленности из года в год происходит также ускорение темпов ее развития. Валовая продукция союзной и местной промышленности выросла в первом полугодии 1933 г., против соответственного полугодия предыдущего года, на 1,2%, в 1934 г. — на 19,7, в 1935 г. — на 19,4, в 1936 г. — на 33,2%! В том числе производство средств производства росло за те же годы второй пятилетки следующим образом: 4,5%, 26,5, 23, 36,7%; производство предметов потребления: — 2,7%, + 10,5, + 13,6 и, наконец, в нынешнем году + 27,7%. Отдельные отрасли: металлообрабатывающая показывает за тот же период нынешнего года свыше 45% роста против прошлого года; цементная промышленность — на 40,4%, трикотажная — 51,5, кожевенно-обувная — 39,1, консервная — 49,7% и т. д. Таковы неоспоримые факты, таковы цифры. Эти цифры и факты свидетельствуют о громадном ускорении темпов развития всей социалистической промышленности. И разве не гнилью пахнут полностью обанкротившиеся предсказания буржуазных ученых и вредителей о «потухающей кривой» развития в СССР! Такой рост, такое ускорение темпов развития стали возможными лишь на базе проведенного

громадного технического перевооружения нашей социалистической промышленности, громадной, невиданной в мире стройки новых первоклассных заводов и фабрик и успешного освоения этой новой техники на благо трудящихся Советского союза, другими словами, на основе успешного решения одной из основных задач второй пятилетки. А это успешное освоение новой техники органически связано с развитием стахановского движения, с неуклонным громадным ростом его вширь и вглубь.

С большим успехом решается основная технико-экономическая задача второй пятилетки — завершение технической реконструкции. В деле завершения технической реконструкции существенным моментом является механизация трудоемких процессов. Социализм, социалистическое производство неразрывно связаны с проводимой в громадных размерах, недоступных для капиталистических стран, механизацией трудоемких процессов. Цифры неуклонного роста механизированной добычи и доставки угля, механизированной добычи торфа, механизированной вывозки леса, а также механизации доменных печей, комбайнизации уборки зерновых, механизации уборки технических культур и т. д. и т. п. показывают, что мы успешно решаем задание второго пятилетнего плана — завершить в основном механизацию трудоемких процессов.

Все это создает все новые и новые резервы, находящиеся в распоряжении наших хозяйственников, стахановцев и всей массы рабочих. Каковы эти резервы, показывает следующий пример: в результате работ отраслевых конференций, с участием стахановцев, наличная производственная мощность тяжелой промышленности повышается минимум на 25—30%, что равноценно возможности получения добавочной продукции на 8—9 млрд. руб. при том же оборудовании¹. Далее, одно проведение значительно большей специализации и кооперирования заводов открывает новые возможности на пути технико-экономического развития страны, на пути дальнейшего ускорения развития.

Тов. Орджоникидзе в своем докладе на Совете промышленности совершенно правильно указал: «Если мы умело сумеем кооперировать силы наших машиностроительных заводов, то мы будем сильнее любого европейского государства».

Мы можем с полным правом сказать, что в деле завоевания технико-экономической независимости Советского союза достигнуты решающие успехи.

Успешное освоение новой техники находит выпуклое выражение в движении производительности труда. Стахановский, 1936, год и в этой области показывает значительные успехи. Выработка на одного рабочего по всем союзным промышленным наркоматам выросла за 5 месяцев на 25,9% против соответствующего периода прошлого года, причем по НКТП она возросла на 30,1%, по НКЛесу — на 20,8, по НКЛП — на 17,2, по НКПищепрому — на 20,1%. По отдельным отраслям тяжелой промышленности выработка выросла за первое полугодие (против первого полугодия 1935 г.): по электростанциям — на 54,7%, по черной металлургии — на 34,4, по железорудной промышленности — на 39,4, по цветной металлургии — на 28,3, по металлообрабатывающей промышленности — на 28, по Главстанкоинструменту — на 46% и т. д. Эти цифры значительного роста производительности труда еще и еще раз свидетельствуют о победе нового, социалистического строя.

¹ См. «Правду» от 30/VIII 1936.

Эти же процессы, говорящие о победном выполнении заданий плана второй пятилетки, ярко выражены в цифрах развития сельского хозяйства, транспорта, товарооборота и т. д. Наш железнодорожный транспорт, под руководством Л. М. Кагановича, из тормоза развития всего народного хозяйства стал передовой отраслью. В нашем сельском хозяйстве — наиболее передовом во всем мире — выражением громадных всемирно-исторического значения побед являются темпы развития, недостижимые ни для одной капиталистической страны, а также несравнимые с темпами развития, которые были до периода сплошной коллективизации. Если за период 1926—1929 гг., когда подавляющая масса хозяйств являлась мелкими отсталыми крестьянскими хозяйствами, среднегодовой прирост продукции составлял лишь 2,7%, то в 1935 г. темп роста валовой продукции сельского хозяйства составил уже 11%. Наиболее отсталая отрасль сельского хозяйства — животноводство — после перелома в развитии, происшедшего в 1934 г., уверенно догоняет остальные отрасли народного хозяйства.

На основе этого невиданного расцвета производительных сил, характеризующего социалистическую систему хозяйства, происходит бурный рост благосостояния трудящихся масс города и деревни. Особенно яркое выражение этот рост благосостояния получил в связи со стахановским движением. «Доходная часть бюджета ленинградских рабочих за этот год выросла на десятки процентов — главным образом, за счет зарплаты главы семьи и вторых зарабатывающих членов семьи... Характерным моментом в бюджете рабочей семьи является то, что расход на приобретение промтоваров, мебели, культуррасходы по темпу обгоняют расходы на питание. Если за год расходы на питание выросли на 21,8%, то расходы на покупку одежды, белья и обуви возросли на 54,2%. Особенно наблюдается рост приобретения шерстяных тканей и шелка» (корреспонденция начальника сектора учета труда Ленинградского УНХУ)¹. «По данным Донецкого областного управления народнохозяйственного учета, полученным в результате обследования 558 горняцких хозяйств, месячный заработок средней горняцкой семьи, состоящей из 4-х человек, в июне текущего года вырос на 20% по сравнению с июнем 1935 года... Потребление сала и яиц в июне этого года, по сравнению с июнем прошлого года, увеличилось в четыре раза, потребление сахара — в два раза»². Для всего СССР по материалам обследования бюджета семейных рабочих, охватывающего рабочих всех квалификаций, как стахановцев, так и нестахановцев, денежный приход рабочей семьи в среднем на душу увеличился в первом полугодии 1936 г. по сравнению с первым полугодием 1935 г. на 25,5%! Важнейшим фактом является рост потребления мяса в среднем на душу на 36%. Значительно увеличилось потребление масла, молока, сахара и т. д. Расход на приобретение одежды, тканей, обуви в первом полугодии 1936 г. по сравнению с прошлым годом вырос на 67%, расход на приобретение мебели, хозяйственных вещей, предметов обстановки — на 65%³. Еще в годы первой пятилетки окончательно ликвидирован в СССР бич капитализма — безработица.

Таковы величайшие достижения рабочих и колхозников великого Советского союза в борьбе за выполнение второй пятилетки, за построение бесклассового социалистического общества. Задача пост-

¹ См. «За индустриализацию» от 29/VIII 1936 г., № 201.

² Там же.

³ См. «Правду» от 30/VIII 1936 г., № 239.

роения бесклассового социалистического общества в основном решена. Сталинский проект Конституции с полным правом в величавых словах подводит итог этим достижениям. «Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком» (ст. 4). Сталинская Конституция провозглашает право на труд каждого трудящегося, право на отдых, право на образование. То, что недоступно ни одной капиталистической стране, что до сих пор в устах буржуазных правительств являлось лишь обманом, в СССР провозглашено как нерушимое право каждого трудящегося и проведено реально в жизнь.

Но именно потому, что наши успехи столь велики, именно в силу полной победы генеральной линии коммунистической партии, гнусные троцкистско-зиновьевские подонки — эти организаторы последней ликвидированных капиталистических классов — перешли к самым неистовым формам борьбы с советской властью, встали на путь политического бандитизма, террора, диверсии, превратившись в прямую агентуру фашизма, в агентов Гестапо.

Капиталистические классы в нашей стране ликвидированы. С ликвидацией многоукладности хозяйства, с успешной ликвидацией самого многочисленного капиталистического класса — кулачества, с ликвидацией эксплуатации человека человеком, с победой и безраздельным господством социалистической системы хозяйства нет никакой социальной базы для какой-либо другой партии, кроме партии коммунистической — этого авангарда трудящихся, руководящего борьбой за социализм. В своей беседе с Рой Говардом товарищ Сталин указал: «У нас нет противопоставляющих себя друг другу партий, точно так же как у нас нет противостоящих друг другу класса капиталистов и класса эксплуатируемых рабочих...» «Но коль скоро нет классов, коль скоро грани между классами стираются, коль скоро остается лишь некоторая, но не коренная разница между различными прослойками социалистического общества, не может быть питательной почвы для создания борющихся между собой партий. Где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса». Поэтому проект Конституции в ст. 126-й, в которой обеспечивается право объединения трудящихся СССР в общественные организации, записывает в величайший и тог всего мирового революционного движения, всей мировой борьбы за социализм: «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в коммунистическую партию СССР, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». В этом заключается основная предпосылка, основное условие победы социализма. Железное единство рядов нашей партии, монолитность ее испытаны и закалены в боях. Глубочайшая любовь к социалистической родине, гордость ею, любовь и глубочайшая преданность вождю народов — Сталину — нашли чрезвычайно яркое выражение при всенародном обсуждении Конституции.

Но означают ли успешное построение в основном бесклассового социалистического общества и отсутствие питательной базы для образования другой партии, что классовая борьба закончена и что можно пойти на боковую? Конечно, нет. Классовая борьба в нашей стране

принимает другие формы. Во всем объеме стоит задача — преодолеть пережитки капитализма в экономике и сознании людей. Задача перевоспитания многомиллионных масс трудящихся в духе социалистической дисциплины труда, социалистического отношения к труду, всемерной охраны социалистической собственности и т. д. является важнейшей задачей настоящего периода. В нашей стране остались еще последние капиталистических классов, жулики, лодыри.

В связи с нашими громадными успехами сопротивление осколков классового врага принимает самый острый характер. Наша страна находится в капиталистическом окружении. В соседстве с СССР находятся страны фашизма — очаги войны. Нюрнбергский балаган еще раз продемонстрировал перед всем миром звериное обличие этих господ. Подготавливая войну против СССР, фашисты нагромождают горы бесстыдной лжи и клеветы против СССР, ведут бешеную борьбу против большевизма, посылают своих агентов внутрь нашей страны, сомкнувшись с троцкистами, с троцкизмом.

Эта общая социально-политическая обстановка определяет общие черты троцкизма на современном этапе. Троцкизм — это организующая «сила» последней разгромленных, ликвидированных капиталистических классов, не имеющая никакой опоры в нашей стране, действующая путем самого подлого обмана, двурушничества, провокации, террора. Троцкизм — это передовой отряд контрреволюционной фашистской буржуазии, агентура фашизма, Гестапо. Программа его одна: за реставрацию капитализма, против социализма, путем террора, политических убийств руководителей партии и правительства. Троцкизм — это самый озверелый враг Советского союза, действующий вкуче и влюбе с Гестапо, вкуче и влюбе с самой отвратительной фашистской сволочью. Троцкий, троцкизм выступил с самого начала зарождения большевизма как его злейший враг, «отличавшийся» от открытых меньшевиков высоким «мастерством» исторического маскарада, «левых» фраз, обмана. Не случайно Ленин называл Троцкого Иудушкой. При возрождении широкого рабочего движения 1910—1912 гг. Ленин, давая характеристику Троцкого, употреблял выражение «тушинский перелет». Совсем не случайно во время мировой империалистической бойни народов, именно в борьбе с Троцким, Ленин формулировал закон неравномерного развития капитализма и вытекающую отсюда возможность построения социализма в одной, отдельно взятой, стране. В 1917 г., когда страна находилась на пороге Великой Октябрьской социалистической революции, снова Иуда-Троцкий выступает против возможности построения социализма в одной стране. Его компаньоны по грязной работе изменников — Зиновьев и Каменев — совсем не случайно выступили тогда против Великой Октябрьской революции, выдавали секреты партии классовому врагу, и Ленин говорил об этих людях, как о людях «кляузной лжи», «безмерной подлости». Не раз хоронил Троцкий, этот предатель рабочего класса, советскую власть («кукушка прокуковала!»), в то время как Ленин доказал, что в нашей стране имеется все необходимое и достаточное для построения социализма, а Сталин блестяще отстоял, развил и претворил в жизнь ленинское учение о построении социализма в нашей стране. Через ломку партийной легальности, ломку советской легальности Троцкий, Зиновьев, Каменев — в силу того, что социализм в нашей стране победил окончательно, враждебные капиталистические классы развеяны, разбиты, что нет никакой почвы для уклонов внутри партии и единство рядов партии крепче,

чем когда-либо,— неизбежно пришли к платформе политического бандитизма вкупе и влюбле с фашистами, с Гестапо.

Прошедший перед глазами многомиллионных масс рабочих и колхозников судебный процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра полностью подтвердил все пункты обвинительного заключения.

Какова была программа троцкистско-зиновьевского террористического центра? Все их платформы, исходящие из невозможности построения социализма в стране, где социализм уже построен, естественно, очутились в мусорном ящике истории. Их программа — это программа врагов социализма, последышей капиталистических классов, агентуры фашистской буржуазии. В своем грязном «Бюллетене» Троцкий защищал оголтелую программу реставрации капитализма — «тезис» о роспуске колхозов, ликвидации совхозов, возвращении кулаков и передаче индустриальных предприятий частному (в том числе иностранному) капиталу. Каменев на процессе признал, что нельзя было рассчитывать на какие-либо серьезные внутренние трудности в стране для свержения партийного руководства, которое с величайшим успехом провело страну через труднейшие этапы, через индустриализацию и коллективизацию. Троцкистско-зиновьевские террористы поэтому пошли путем заговора, путем индивидуального террора. Троцкистско-зиновьевскими бандитами был составлен точный список, кого надлежит, по выражению Троцкого, «убрать», т. е. попросту убить. Процесс доказал, что один из выдающихся руководителей нашей партии Сергей Миронович Киров был убит по прямому решению центра троцкистско-зиновьевских бандитов. Метили они также в великий мозг и горячее сердце нашей революции — в Сталина.

Вопрос о том, можно ли совместить марксизм с индивидуальным террором, эти политические банкроты во главе с Троцким устранили тем, что, мол, эта тема — тема для мещан от марксизма. Действительно, какое дело политическим бандитам и фашистским агентам до марксизма!

Какова опора троцкистов и зиновьевцев в стране? Процесс доказал, что никакой социальной опоры в стране у них нет. Гнев и величайшее отвращение со стороны миллионов рабочих и колхозников, со стороны всех честных граждан СССР сопровождали путь этих врагов социализма, этих агентов Гестапо.

Каковы методы их «работы»? Процесс ярко продемонстрировал эти методы — двурушничество, обман и провокация. На этом пути троцкисты и зиновьевцы переплелись в один кровавый комок с диверсантами и шпионами. Это у фашистов заимствовали они «идею» о том, чтобы впоследствии в целях заматания следов физических уничтожить непосредственных исполнителей террористических актов. Процесс доказал, что троцкисты и зиновьевцы сплелись в один кровавый контрреволюционный комок с фашистами, что они работали на их деньги, выполняя роль агентов фашизма. Троцкисты и зиновьевцы проводили контрреволюционное вредительство на наших фабриках и заводах, на транспорте и в сельском хозяйстве. К этой контрреволюционной банде троцкистов и зиновьевцев, изменников родине, тянулось все враждебное нашей стране и партии, неразоружившиеся оппозиционеры. Один из них — Томский — запутался в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами.

Приговор суда — расстрел этих бандитов, — приговор всего трудового народа, приговор, который с громадным удовлетворением и со-

вздохом облегчения был принят многомиллионными массами рабочих и колхозников. Рабочие и колхозники, все честные граждане Советского союза сплачиваются еще теснее вокруг коммунистической партии, вокруг своего гениального вождя товарища Сталина.

Вполне естественно, что на защиту троцкистско-зиновьевских террористов выступили вожди II социал-демократического Интернационала — все эти Ситрины, де-Брукеры, Адлеры, Шевенельсы. У этих «вождей» хватило нахальства пытаться опорочить наше советское судебное разбирательство. Поистине неисчерпаемой дозой политического лицемерия нужно обладать, чтобы в защите политических убийц и фашистских бандитов ссылаться на героическую Испанию, где народ с таким упорством и невиданным подъемом отстаивает свою свободу от нападения фашистских генералов. Этим «вождям» II Интернационала не впервые защищать предательство и измену делу международного рабочего движения. Они уже «набили руку» в изощренной защите империализма и мировой бойни народов во славу капитала. Но эти господа разоблачены перед мировым рабочим классом, как презренные защитники троцкистско-зиновьевских террористов, идущих вкупе с фашистами против СССР.

Основной вывод, основной урок из процесса заключается в том, чтобы всемерно повысить революционную бдительность, научиться распознавать классового врага, как бы он ни маскировался. «Революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам» (Сталин).

Троцкистам и зиновьевцам удалось проникнуть в ряд наших научных институтов. Здесь, на теоретическом фронте, требуются сугубая бдительность и непримиримость к малейшим отступлениям от марксизма-ленинизма.

Теоретическая работа все еще отстает от громадного конкретного материала, от громадного опыта социалистического строительства. Стахановское движение внесло и вносит много нового, что опрокидывает ряд установившихся до сих пор научных выводов. Между тем в области научно-исследовательской работы все еще имеют место косность, консерватизм, недостаточная самокритика. Но «наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики» (Сталин).

Советская печать недавно обсуждала дело академика Лузина, который, проводя в области математики вредительство, проявлял раболепие перед буржуазной наукой. Советская научная общественность единодушно осудила это проявление раболепия перед буржуазной наукой, изблещила акад. Лузина как врага в советской маске, как вредителя. И на экономическом фронте имел за последнее время место случай проявления подобного раболепия со стороны профессора Лященко. Профессор Лященко, давая предисловие к иностранному переводу своей работы по сельскохозяйственной экономике, полностью вычеркнул из области теоретических обобщений по экономике сельского хозяйства решающий и важнейший материал — сплошную коллективизацию крестьянского хозяйства, осуществленную в СССР и впервые в истории человечества окончательно покончившую с идиотизмом деревенской жизни, и ликвидацию кулачества как класса. В этом предисловии профессор Лященко пытался возродить старые разговоры буржуазных ученых о том, что-де политическая экономия, изучая капиталистическое хозяйство, являлась всегда теорией промышленности экономики. Повторяя буржуазный хлам и рассказывая бур-

жуазные пошлости, профессор Лященко утверждает, будто теоретическая экономия сельского хозяйства не разработана, отсутствует. Профессор Лященко не нашел даже нужным упомянуть работы Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, являющиеся решающими для теоретической сельскохозяйственной экономии. Вместо Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина он ссылается на Зомбарта, посылно впрягшегося в колесницу германского фашизма, и превозносит представителей немецкой новоисторической школы, отличающейся полной теоретической беспомощностью и вульгарностью своих «научных» обобщений.

В случае с профессором Лященко мы имеем также проявление раболепия перед буржуазной наукой и отсутствие гордости за свою великую родину, где впервые и в области теории и практики под великим сталинским руководством решены крестьянский вопрос и проблема сельского хозяйства.

На экономическом фронте предстоит на основе указаний Ленина и Сталина, провести громадную работу по теоретическому обобщению громадного конкретного материала, рисующего пути, методы и закономерности нового, социалистического общественного строя.

Больше, чем когда-либо, мы должны руководствоваться основным указанием товарища Сталина о том, что «теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем».

Эти указания товарища Сталина о неразрывной связи теории и практики, о величайшем значении теории, обобщающей эту практику, должны лечь в основу повседневной работы многочисленного отряда работников научных институтов экономического фронта.

Задача на научном фронте должна заключаться в том, чтобы, неустанно борясь за марксистско-ленинское учение, отстаивая и проводя во всех научных дисциплинах метод Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, руководствуясь указаниями нашего вождя товарища Сталина, — научиться лучше распознавать классового врага, под какой бы маской он ни скрывался, чтобы повысить свою революционную бдительность и поднять еще выше большевистскую принципиальность и непримиримость к малейшим отступлениям от великого учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Право на труд

Сталинская Конституция является документом огромной исторической важности.

Рожденная французской буржуазной революцией XVIII в. «Декларация прав гражданина и человека» отражала лишь один из этапов, правда важных, пред истории и человечества. Сталинская же Конституция в чрезвычайно четких и ярких чертах отражает вступление в доподлинную историю человечества.

Сталинский проект Конституции Союза ССР является конституцией нового общества, основанного на свободном, творческом, коллективном труде. Вот почему одной из важнейших статей Конституции Союза ССР является статья о «праве на труд».

В стране социализма никто не имеет права переключать труд на плечи других, жить за счет других. «Труд в СССР является обязанностью каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест» (ст. 12). Труд является не только обязанностью, но и правом каждого гражданина. «Граждане СССР имеют право на труд — право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством» (ст. 118).

Но это не те всеобщность труда и право на труд, о которых мечтали утописты. Это не всеобщность труда и право на труд на острове «Утопия», обеспеченные мудростью основателя «Утопии» короля Утопа. Это не бесплодная фантазия, лишенная социальной и материальной базы. В Советском союзе «право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, отсутствием хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы» (ст. 118). Право на труд в СССР обеспечивается реально существующей и безраздельно господствующей социалистической организацией народного хозяйства, гигантским ростом производительных сил, освобожденных от оков капиталистических производственных отношений. Право на труд в СССР обеспечивается бесповоротной ликвидацией кризисов и безработицы. Впервые в истории могло быть осуществлено и уже осуществлено право на труд.

Идея всеобщности труда и права на труд в течение многих веков была мечтой социальных утопистов. И Мор, и Кампанелла, и Мелье, и Морелли и другие утописты в различных формах и с различным социальным содержанием в зависимости от различных исторических условий выражали ее.

XVI век — век зарождающегося капитализма, век первоначального капиталистического накопления. Создавалась свободная — свободная от феодальной зависимости и от средств производства — рабочая сила. Капитализм наступал, выбрасывая на улицу дружинников феодалов, ремесленников, крестьян. Разорялись деревни. Росли толпы нищих. Помещики захватывали крестьянские земли, превращали их в пастбища для овец. Нужна была шерсть для нарождающейся капиталистической промышленности. Нужны были свободные рабочие руки.

Так мирные, кроткие овцы превратились в прожорливых и неукротимых зверей, поедающих людей, разоряющих поля, дома.

Великий гуманист этого времени Томас Мор чутьем уловил сложный переплет противоречий феодального общества и приходящего ему на смену капитализма. Его «Утопия» продиктована страданиями масс. Эмигрируя в «Утопию» из неприглядной действительности, Мор подверг эту действительность резкой критике. Многие черты его «Утопии» оказались гениальным предугадыванием черт будущего общества, еще не имевшего базы в современном Мору обществе. Он видел основное зло в частной собственности. «Поэтому я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности»¹.

В его «Утопии» осуществлены право на труд и всеобщность труда. Особое должностное лицо — сифогрант — следит за тем, чтобы никто не сидел праздно. Обязаны работать и мужчины и женщины. Каждый занимается таким ремеслом, которое больше всего отвечает его способностям и физическим силам. В «Утопии» — шестичасовой рабочий день. Всеобщность труда, по мнению Мора, дает возможность осуществить такое сокращение рабочего дня. «Именно, если только шесть часов уходит на работу, то отсюда можно, пожалуй, вывести предположение, что следствием этого является известный недостаток в предметах первой необходимости. Но в действительности этого отнюдь нет...» «Это будет понятно и вам, если только вы поглубже вдумаетесь, какая огромная часть населения у других народов живет без дела; во-первых, почти все женщины, половина общей массы, а если где женщины заняты работой, то там обычно взамен их храпят мужчины. Вдобавок к этому, какую огромную и какую праздную толпу представляют священники и так называемые чернецы. Прикинь сюда всех богачей, особенно владельцев поместий, которых обычно именуют благородными и знатью, причисли к ним челядь, именно весь этот сброд ливрейных бездельников»².

Осуществление принципа всеобщности труда является основой сокращения рабочего дня в «Утопии». Шестичасовой рабочий день дает возможность всем утопийцам вести достойную человека жизнь, а не утомляться «подобно скоту», как утомляются «рабочие почти повсюду, кроме утопийцев». Утопийцы свободное время уделяют науке или изучают ремесла.

Идеи Томаса Мора питались критикой действительности. Положительные выводы его базировались на мысленном уничтожении классовых противоречий того времени, а не на реальных возможностях. Производительные силы были еще слабо развиты, пролетариат как класс только формировался. Томас Мор иногда устранял противоречия между своими идеями и развитием производительных сил тем, что сужал круг потребности людей, приспособляя их к наличному уровню производительных сил. Он уничтожал ряд материальных потребностей, а некоторые материальные потребности ограничивал. Например он одевал утопийцев на время работы в небрежно накиннутые шкуры или кожи, которых может хватить на 7 лет.

«Город солнца» Кампанеллы, созданный в XVII веке, также про-

¹ Томас Мор, Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии, изд. «Академии», 1935 г., стр. 91.

² Там же, стр. 112.

диктован протестом против бедственного положения трудящихся масс. В «Городе солнца» также осуществлены всеобщность труда и право на труд. «Рабов, развращающих нравы, у них нет: они в полной мере обслуживают себя сами и даже с избытком. Но у нас, увы, не так: в Неаполе семьдесят тысяч душ населения, а трудится из них всего какие-нибудь десяток или пятнадцать тысяч, истощаясь и погибая от непосильной и непрерывной работы изо дня в день»¹.

Но в «Городе солнца», где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно»².

Начало XIX века. Машинное производство было более или менее развито только в Англии. В других странах крупное, машинное производство лишь начинало свое наступление на мануфактуру и ремесла. «Утописты» этого периода, видя недостатки современного им общественного строя, искали возможности уничтожения этих недостатков в проповеди создания нового, совершенного человеческого общества. И так как они не находили элементов нового общества в современности, в которой эти элементы еще недостаточно ясно вырисовывались, то их проекты нового общества были чисто головной конструкцией, отдельные детали которой были даже продиктованы прошлыми отношениями, отступающими перед бурно наступающим капитализмом.

Икартия Этьена Кабэ, это «карманное издание нового Иерусалима» (Маркс), также является протестом против тяжелого положения трудящихся масс. В Икартии осуществлены всеобщность труда и право на труд. «Все являются национальными рабочими и работая для республики. Все мужчины и женщины без исключения занимают каким-нибудь ремеслом или каким-нибудь искусством, или какой-нибудь профессией, предписанной законами»³. «Мы все одинаково работаем для республики и для общности»⁴.

Труд в Икартии не только обязанность, не только право, но и потребность икартийцев. Соревнование играет огромную роль в развитии хозяйства Икартии. «Хотя воспитание уже почти достаточно внушает всякому желание быть более полезным общности, все же, чтобы возбудить полезное соревнование, всякий рабочий, который делает в своей профессии полезное открытие, пользуется особым почетом или получает публичное отличие, или даже национальные почести»⁵. Но и этот протест является беспомощным протестом. Кабэ не понимает движущих сил истории, он не замечает происходящей классовой дифференциации общества, он не видит растущего пролетариата, единственного класса, несущего освобождение трудящимся. Мелкобуржуазная сущность утопии Кабэ резко проявляется в характеристике распределения, господствующего в Икартии. Идеалом является полная уравниловка. «Мы все одинаково работаем для республики или общности. Она одна собирает все продукты земли и промышленности и делит их поровну между нами, она

¹ Фома Кампанелла, Город Солнца, изд. «Академии», 1934 г., стр. 57.

² Там же, стр. 58.

³ Этьен Кабэ, Путешествие в Икартию, изд. «Академии», 1935 г., стр. 188—189.

⁴ Там же, стр. 187.

⁵ Там же, стр. 192.

одна нас кормит, одевает нас, дает нам жилище, учит нас и доставляет всем нам в равной мере все, что нам необходимо»¹.

Это тот же мелкобуржуазный примитив, которым отличается ряд утопий, существовавших задолго до появления «Путешествия в Икарию» Кабэ. Он мало чем отличается от идеала таборитов (XV век), который получил яркую характеристику в стихах поэта XIX века Альфреда Мейснера.

Все живут в одинаковых домах,
Вблизи друг друга, готовые всегда притти
друг другу на помощь;
Об'единенные стоят они рядом
За одним столом, в одинаковой одежде,
Там нет «моего» и нет «твоего»...
Все принадлежит всем...

В своих утопиях, подвергая жестокой критике современность, утописты искали выхода на путях восстановления якобы нарушенного естественного права человека, права, дарованного ему природой. Люди, говорили они, от природы равны, им дано одинаковое право свободы, наслаждения, труда и т. д. Начиная с древних утопистов, кончая Фурье, они мечтали о возврате человека в Эдем. Они не понимали железного хода истории. Они не понимали прошлого, они не видели действительного будущего. Их мечты были эмиграцией из настоящего под влиянием бедственного положения трудящихся масс, они были протестом против этого положения. Буржуазная французская революция XVIII века также стала на защиту поправленных «естественных прав человеческих». В грохоте революции на смену феодализма приходил капитализм. Он окружал священным ореолом частную собственность. Он, нуждаясь в рабочей силе, провозгласил «свободу труда», т. е. освобождение рабочих не только от личной зависимости, но и освобождение рабочих от средств производства и следовательно от средств существования. Он дал рабочим свободу продавать свою рабочую силу.

Революция 1848 г. выдвинула вновь требование права на труд. Но теперь это требование было выдвинуто пролетариатом. Одним из пунктов «программы французского народа», расклеенной на стенах Парижа, было: «Право на труд. Обязательство государственной власти доставлять работы и в случае надобности необходимый для существования минимум всем членам общества, которых частная промышленность не сможет занять». Правительство под давлением парижского пролетариата взяло на себя обязательство обеспечить работу всем гражданам. Но это было лишь маневром с целью обмана пролетариата. Орудием этого обмана были Луи Блан и Альбер. Обязательство обеспечить работу всем гражданам дано было лишь с целью охладить нарастающее революционное настроение пролетариата, чтобы оно не получило направления, угрожающего уже тогда сложившемуся социальному строю — капитализму. Пролетариат требовал права на труд, организации труда, образования особого министерства труда. Но борьба пролетариата не была еще направлена против самого существования капитализма. Рабочие «старались отстаивать свои интересы рядом с буржуазией»². Комиссия под председательством Луи Блана и Альбера, которая должна была найти средства улучшения положения трудящихся, была бессильна. И реально действующими «министерствами труда» были министерства финансов, торговли, об-

¹ Этьен Кабэ, Путешествие в Икарию, изд. «Академии», 1935 г., стр. 187.

² Маркс, Классовая борьба во Франции (1848—1850), Партиздат, М. 1933, стр. 39.

щественных работ, но они были буржуазными министерствами труда.

Право на труд пролетариат мог осуществить только за гранью капиталистического общества, а не внутри его. Луи Блан и Альбер, эти, как их называл Маркс, первосвященники социалистической синагоги—Люксембургской комиссии, могли только обещать, что откроют землю труда. Но они были Колумбами, лишенными кораблей; корабли находились в руках капиталистов, и последние определяли направление движения.

Но Люксембургская комиссия, комиссия под председательством Луи Блана и Альбера, сыграла немалую роль в истории рабочего движения. «За Люксембургской комиссией, этим созданием парижских рабочих, останется та заслуга, что она с высоты европейской трибуны провозгласила тайну революции XIX столетия: освобождение пролетариата»¹.

Только победоносная пролетарская революция может осуществить право на труд.

В условиях капитализма нет и не может быть права на труд. «Право на труд» при капитализме играет роль демагогического лозунга, целью которого является прикрытие ужасающего бесправия, вроде принудительных работ фашистской Германии.

Социальная демагогия — одно из оружий фашизма. Это — ширма, за которой они творят свою расправу с рабочим классом. Защищая от смертельной опасности капитализм, расправляясь с рабочим классом массовыми казнями, концентрационными лагерями, принудительными работами, каторгой, тюрьмами, фашизм прикрывает это так называемое «национальное освобождение рабочих» демагогической оболочкой: «социальным долгом», «интересами нации» и даже «социализмом». Сама необходимость прибегать к такой демагогии говорит о том, насколько непрочны корни фашизма в трудящихся массах. Даже самый беглый, поверхностный анализ этой демагогии вскрывает ее сущность.

«Хартия труда» итальянского фашизма рассматривает труд лишь как обязанность (конечно только рабочих), социальный долг, «труд во всех его формах — интеллектуальных, технических и физических — является социальным долгом. Именно поэтому он пользуется охраной государства». Труд является обязанностью, лишь для работников, а не для работодателей (капиталистов). Из всех называемых хартией труда факторов производства (работодателей, работников) «корпоративное государство смотрит на частную инициативу (т. е. на капиталистов.—*М.К.*) в области производства, как на наиболее действительное и наиболее полезное для интересов нации орудие» (ст. VII). И «охрана труда» государством сводится к охране капиталистов, этого «наиболее полезного для интересов нации орудия». Это обстоятельство получает отражение и в законах о труде, которые применяют статьи уголовного процессуального кодекса только к работникам, нарушившим договор, а не к работодателям (ст. 18 закона от 26 апреля 1926 г.). Это обстоятельство получает отражение и в ухудшении материального положения рабочего и в карательных санкциях, применяемых к рабочим.

Ухудшение положения рабочего класса, которое является законом капитализма, в условиях фашистского рабства достигает чрезвычайных размеров. Несмотря на то, что официальная статистика скрывает действительность, что унифицированная печать по приказу «фюрера»

¹ Маркс, Классовая борьба во Франции (1848—1850), стр. 41.

и «дуче» раскрашивает ее «истинно-национальными» красками, неприглядная действительность говорит ярко о себе выразительным языком фактов. «Право на труд», о котором говорит фашистская печать, в фашистской Германии означает концентрационные лагеря, принудительные работы, около 5 млн. зарегистрированных и незарегистрированных безработных, обнищание активной армии труда, поставленной в условия постоянной полицейской опеки. Приведем несколько цифровых данных, характеризующих положение рабочего класса в фашистской Италии. В 1933 г. уже в целом ряде отраслей промышленности зарплата рабочих за несколько лет понизилась на 30 и больше процентов (горная — 30%, шелковая — 38, хлопковая — 40% и т. д.). В последующие годы шло дальнейшее понижение заработной платы.

В Италии в 1921 г. (за год до прихода фашистов) постоянный рабочий в сельском хозяйстве получал в год 4 800 лир, случайный рабочий в день — 2,40 лиры, а в 1932 г. постоянный рабочий получал 2 940 лир в год, а временный — 1,25 лиры в день. Предприниматели на одном сокращении заработной платы между 1927 и 1934 гг. сэкономили по меньшей мере около 10 млрд. лир. Эти цифры с достаточной ясностью вскрывают сущность «охраны труда» фашистским государством.

В условиях капитализма «право на труд» есть право на эксплуатацию чужого труда, основанное на частной собственности на средства производства, охраняемое официальной наукой капитализма, религией и вооруженной силой государства.

В условиях СССР навсегда уничтожено право на эксплуатацию чужого труда. В условиях СССР все граждане имеют право на труд, право на получение гарантированной работы, на оплату труда в зависимости от количества и качества труда. В СССР осуществлен великий принцип всеобщности труда, никто не имеет права перекладывать труд на чужие плечи, жить за счет чужого труда — и в том смысле, что уничтожены эксплуататорские классы, и в том смысле, что в СССР ведется борьба против рвачества, разгильдяйства, стремления работать меньше, а получать больше.

В условиях капитализма необходимость труда для одних составляет основу паразитического существования других.

Десятки миллионов работающих людей в городах и деревнях богатейшей страны в мире — США — имеют годовой доход, совпадающий (а иногда стоящий и ниже) лишь с уровнем крайней бедности. Мы уже не говорим о миллионах безработных, которые лишены всяких средств существования. И в то же время в США насчитывается более 15 тыс. миллионеров. Это конечно очень незначительная величина по сравнению с многомиллионной массой пролетариата, с теми, кто работает на миллионеров и живет на уровне почти крайней бедности. (Guy Tugwell и Howard Hill, Our Economic Society and its problems, New York 1934). Возьмем лишь часть их: 4 000 семейств, живущих в Парке Авеню. Остановимся только на их некоторых расходах и сопоставим их с расходами, которые должна произвести семья служащего или рабочего, даже живущего на уровне некоторого комфорта — 2 500 долларов в год (см. табл. на стр. 17).

Эти цифры являются далеко не исчерпывающей иллюстрацией права на чужой труд, существующего в странах капитализма. Но и они являются достаточным основанием для обвинительного акта, направленного против самого существования капиталистической системы хозяйства. Они ярко подчеркивают сущность одних из важнейших статей сталинской Конституции, Конституции нового мира, ут-

Статьи расходов	Величина расходов (в млн. долл.)	Сколько семейств могло бы прожить на эту сумму на уровне комфорта
Туалеты женщин	85	34 000
Одежда мужчин	18	7 200
Квартира и отделка	58	23 200
Питание	32	12 800
Драгоценности	20	8 000
Автомобили и гаражи	16	6 400
Путешествия	15	6 000
Косметика	8	3 200
Яхты	7	2 800
Цветы, конфеты, подарки	10	4 000

верждающих всеобщность труда, право на труд, уничтожение паразитизма, уничтожение права на чужой труд.

В СССР рабочий на фабрике, колхозник на социалистических полях и т. д. уверены в завтрашнем дне, ибо в СССР навсегда ликвидирована безработица, ибо каждому гражданину СССР обеспечен труд, гарантирована оплата в зависимости от количества и качества труда. Эта форма оплаты получает свое яркое выражение в сдельной оплате на фабриках и заводах, в трудоднях — на колхозных полях.

Десятки миллионов людей, составляющих современную армию безработных в капиталистическом мире, лишены или почти лишены средств существования, почти потеряли надежду на получение работы. Если рабочий, работающий на производстве в капиталистическом обществе, не уверен в своем завтрашнем дне, ибо он каждый день может быть выброшен в ряды безработных, то большинство современных безработных постепенно приобретает печальную уверенность в невозможности найти работу. Их семьи живут впроголодь, если кто-нибудь из членов семьи даже имеет небольшой заработок, и в буквальном смысле слова голодают, если таких не имеется. Жизнь их семейств ставится в зависимость от случайных филантропических подачек.

Вот отрывки из человеческих документов — писем жен безработных. Одна из этих жен (муж не работает уже 10 лет, 11 человек детей, получает очень незначительное пособие) пишет: «Мне хочется тем, в чьих руках власть, передать на время мою семью, чтобы они посмотрели, могу ли я за эти деньги прокормить ее...» Другая пишет: «Сказать вам, как мы живем? Я сказала бы: мы медленно умираем». Третья: «Я совсем не покупаю мяса. У нас нет никогда масла, и дети едят сухой хлеб. Никогда нет денег для покупки рыбы или свежего молока». Таких документов и даже еще более страшных — миллионы.

Миллионы безработных живут еще хуже, чем только что описанные семьи. И это в условиях капитализма является неизбежным. Особенно положение безработных, как и всего рабочего класса в целом, катастрофически ухудшилось в период всеобщего кризиса капитализма. Резервная армия труда достигла невиданных размеров и превратилась в хроническую постоянную армию безработных. Всякие попытки устранить или смягчить безработицу, например организация общественных работ, являются лишь слабым паллиативом. Безработица может быть устранена только вместе с капиталистическим обществом, неизбежно порождающим ее.

Каждый работник социалистического хозяйства прочно уверен в своем завтрашнем дне. Завтрашний день им рассматривается не под углом зрения возможности потери работы и, следовательно, потери возможности существования. Он знает, что сегодня он живет лучше, чем вчера, завтра он будет жить лучше, чем сегодня. Его личная жизнь с каждым днем становится более зажиточной. Он, думая о завтрашнем дне, думает о новых возможностях, которые перед ним открываются. Завтрашний день он рассматривает под углом зрения задач, которые стоят перед всем коллективом. Он думает о выполнении плана, о внесении коррективов, улучшений в работе и т. д. Личные интересы тесно связаны с интересами общественными. Они составляют единство.

Право на труд неразрывно связано и с изменением характера содержания труда. В условиях капитализма, где труд является процессом эксплуатации рабочего, он лишен творческих элементов, лишен содержания, обезличен, труд является заторным, тяжелым бременем. Этим объясняется не только пренебрежительное отношение к труду, но и к носителю его — рабочему. Труд — лишь источник обогащения нетрудящихся. Рабочий и жизнь его — лишь средство, приводящее в движение этот источник. Это пренебрежение к труду, к жизни рабочего превращается в откровенный, ничем не замаскированный цинизм.

Бернард Аллен рассказывает о вымирании негров-рабочих на туннельных работах. Никаких мер предосторожности не было принято — ни вентиляции, ни масок. Агент одной компании заявил продавцу масок, что «он не дал бы двух с половиной долларов за всех работающих негров». Компания не приняла нужных мер не потому, что не знала пагубного действия этих работ, но потому, что она надеялась, что работы будут закончены прежде, чем болезнь начнет проявлять себя. Этот же агент говорит: «Я знал, что они собираются убить этих негров в течение пяти лет, но не думал, что они их убьют так скоро» («New Masses», 1935).

В условиях капитализма средства производства являются насосом, который выкачивает живой труд и превращает его в стоимость. Рабочий подчиняется машине, не вносит и не заинтересован в том, чтобы вносить коррективы в ее работу. В СССР право на труд является правом на творческий труд. Рабочий, чувствуя себя хозяином процесса производства, работая на все общество, зорко следит за работой механизмов и вносит коррективы в их работу. Особенно рельефно этот процесс получил свое выражение в стахановском движении, когда рабочий овладел передовой техникой и погнался за ней вперед.

Социалистическое соревнование, высшим этапом которого является стахановское движение, говорит о коренном изменении характера труда. Труд, который был заторным и тяжелым бременем, стал делом чести, делом славы, делом доблести и геройства. Это говорит о том, что труд стал не только обязанностью каждого, но все больше становится первой жизненной потребностью. Границы личной жизни расширяются. Уничтожаются межи, проложенные классовым обществом, антагонистически разделяющие личную жизнь и процесс труда. Ибо процесс труда был процессом эксплуатации производителя и стремился поглотить его личную жизнь. Процесс труда в условиях СССР стал основой умственного и материального обогащения личной жизни.

В капиталистическом обществе накопленный овеществленный труд есть цель, живой труд есть средство. Там живое подчиняется мертвому, «вчера» господствует над «сегодня». В коммунистическом обществе накопленный труд есть средство расширения и обогащения личной жизни производителя. В нем живое господствует над мертвым.

Если в условиях капитализма рабочий является живым придатком к машине, господствующей над ним, то в условиях СССР рабочий подчиняет ее себе. Стахановское движение ярко говорит о том, как рабочий класс СССР подчиняет себе машину. Он не только является коллективным владельцем ее, но и творчески ее осваивает.

Право на труд в СССР неизбежно является правом на творческий труд. Пафос строительства первой пятилетки, пафос создания новой техники, оснащения ею всего нашего народного хозяйства был дополнен во второй пятилетке пафосом освоения новой техники. Этот пафос получил свое яркое выражение в стахановском движении.

Товарищ Сталин на выпуске академиков Красной армии говорил: «Техника без людей, овладевших техникой,— мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса... Вот почему старый лозунг — «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники,— должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все»¹.

И мощно растущее стахановское движение говорит о том, что у нас появились и количественно и качественно растущие кадры, решающие все, кадры, овладевшие техникой. Техника, оседланная этими кадрами, творит чудеса. Стахановцы ломают старые нормы, старые производственные мощности, вносят коррективы в хозяйственные планы, «дополняют и поправляют инженеров и техников» (С т а л и н). Производственные рекорды, о которых нам ежедневно сообщают газеты, перестали быть рекордами одиночек, ибо это — рекорды, достигнутые не на основе случайного счастливого стечения обстоятельств, а на основе глубокого творческого освоения новой техники. Сотнями, тысячами сейчас насчитываются стахановцы, перевыполняющие нормы в 2---3 раза. Растет движение двухсотников. На ХТЗ, ХЭМЗ и на ряде других заводов их насчитывают сотнями. Мастеров угля в Донбассе насчитывается более 6 000 человек и т. д.

Во всех областях народного хозяйства отряды стахановцев, отряды борцов за высокую социалистическую производительность труда, вскрывают новые возможности, новые резервы производительности, смело пролагают путь, по которому должен пойти весь рабочий класс СССР. Они производят революцию в промышленности, революцию, которая в конечном счете должна привести к созданию материальных условий для перехода в царство изобилия для всех трудящихся, в царство коммунизма. Они куют оружие, которое играет решающую роль в схватке двух миров,— оружие высской производительности труда.

И не случайно, что даже некоторые органы буржуазной печати не могут не отметить этого характера стахановского движения. Так, Рисс («Spectator», 10/1 1936 г.) пишет, что то обстоятельство, что Дуся и Мария Виноградовы, работавшие обычно на 20 станках, смогли перейти на 100 и затем на 144, «является революцией не только в технике, но и в человеческом обществе».

¹ Речь товарища Сталина на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г., Партиздат, 1935 г., стр. 12.

Право на труд, завоеванное Октябрьской революцией, реализованное в процессе пролетарской революции, творчески осваивается рабочим классом СССР, наполняется огромным творческим содержанием.

Право на труд и обязанность труда, составляющие в СССР органическое единство, являются основой превращения труда в первейшую жизненную потребность. Труд как первейшая жизненная потребность предполагает уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом, в условиях капитализма превратившейся в пропасть между ними. Стахановское движение является первым шагом по пути уничтожения этой противоположности.

В условиях капитализма рабочее время стремится поглотить всю жизнь рабочего. Капитализм стремится время отдыха рабочего максимально сократить, превратить его лишь в промежуток, необходимый для восстановления рабочей силы, без чего рабочий не сможет работать на капиталиста. Труд рабочего является основой полного материального благополучия капиталиста, освобождает его от необходимости труда, создает возможность пожизненного отдыха капиталиста, т. е. пожизненного безделья.

Право на труд, которое является у нас правом на творческий труд, неизбежно дополняется правом на отдых и правом на образование. В СССР самый короткий рабочий день. Маркс подчеркивал, что свободное время рабочего на основе короткого рабочего дня является необходимым условием скачка из царства необходимости в царство свободы. Этим царством является коммунизм.

В СССР социализм окончательно победил, разворачивается дальнейшее социалистическое строительство, прокладываются пути в светлое царство коммунизма. Социализм победил в самой жестокой классовой борьбе.

Троцкистско-зиновьевский фашистский блок, пытавшийся организовать осколки разбитого классового врага, чтобы нанести удар победоносному делу социализма, подлым убийством задумавший обезглавить революцию, изобличен перед рабочим классом и трудящимися всего мира как блок политических убийц и бандитов. Руководители этого блока, представшие перед пролетарским судом, сметены с лица земли, и имена их войдут в историю, станут нарицательными, как имена величайших предателей рабочего класса, провокаторов, перед которыми бледнеет имя Азефа.

Страна советов под руководством партии Ленина — Сталина, под руководством своего гениального вождя, вождя мировой революции товарища Сталина, победоносно строит великое дело, дело освобождения трудящегося человечества.

Право на труд, право на отдых, право на образование являются одними из важнейших, ярчайших статей сталинской Конституции СССР — Конституции нового общества, начинающего подлинную историю человечества; общества, которое приходит на смену капиталистическому индивидуализму, подавляющему творческую индивидуальность; общества, в котором действительно созданы условия могучего расцвета творческой индивидуальности, не направленной против коллектива работников, а растущей в коллективе и вместе с коллективом. Ибо только в коллективе, творящем подлинную историю человечества, личность может быть свободна. Сталинская Конституция вписывает новые важнейшие страницы доподлинной истории человеческого общества.

Советская Конституция и формы собственности в СССР

Сталинский проект Конституции четко устанавливает, что экономической основой СССР являются социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства. В этом коренное отличие нашей Конституции от всякой буржуазной конституции, ибо в основе всякой буржуазной конституции лежит противоположный принцип — принцип «священной» частной собственности.

Приведем для примера только некоторые данные о конституциях английской, французской и германской (веймарской).

Английские конституционные акты имеют весьма древнее происхождение. В Великой хартии (1215 г.) имеется ряд пунктов, которыми ограничивается право королевской власти налагать подати на население без согласия королевского сената, т. е. парламента того периода. То же подтверждается в статуте «О неналожении податей». Это документ также весьма древний — 1227 г.

«1. Никакие подати или сборы не должны быть налагаемы или взимаемы нами или наследниками нашими в нашем королевстве без общей воли и согласия архиепископов, епископов и других прелатов, графов, баронов, рыцарей, горожан и других свободных людей нашего королевства.

2. Никакой чиновник наш или наших наследников не должен захватывать хлеб, шерсть, кожу или какое-либо иное имущество без воли и согласия того, кому принадлежат эти предметы» (из статута «О неналожении податей»).

Впоследствии буржуазия использовала эти акты в борьбе за «священную» буржуазную собственность. Что касается Франции, то мы имеем прямые формулировки о «священности» частной собственности в известной «Декларации прав человека и гражданина» (1789 г.): «Собственность, как неприкосновенное и священное право, не может быть отнята ни у кого иначе, как в силу очевидно и законно удостоверенной необходимости и под условием справедливого и предварительного вознаграждения». В германской (веймарской) конституции, принятой в 1919 г., т. е. принятой германской социал-демократией, «священность» частной собственности так же твердо зафиксирована: «Собственность гарантируется конституцией». Одним словом, какую бы буржуазную конституцию мы не взяли, мы находим в ней в том или ином виде соответствующие пункты о «священности» права частной собственности.

О том, как буржуазия боится всякого намека на ущемление этого права «священной» частной собственности, говорит известное решение верховного суда США, который отменил даже некоторые мероприятия президента Рузвельта, направленные к регулированию частного хозяйства. Суд мотивировал свое решение тем, что такое регулирование частного капитала со стороны государства ограничивает

право собственности, установленное в конституции как священное и неприкосновенное.

Этим вековым положениям, которые действуют во всех капиталистических странах и зафиксированы во всех буржуазных конституциях, наша Конституция, соответственно характеру нашего государства как государства социалистического, противопоставляет принцип социалистической собственности и формулирует этот принцип, как экономическую основу общественного строя Советского союза. Наша Конституция при этом совершенно точно определяет, что у нас составляет социалистическую собственность и каковы ее формы.

Основное и главное в соответствующих пунктах проекта новой Конституции — это то, что «экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком» (статья 4). Сталинский проект Конституции СССР не только фиксирует факт ликвидации капиталистической собственности в нашей стране, но и не допускает наличия в СССР капиталистической собственности и соответственно этому эксплуатации человека человеком.

Проект Конституции указывает на наличие двух форм социалистической собственности — формы государственной собственности (всеобщее достояние) и формы колхозно-кооперативной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений). Наряду с социалистической собственностью, с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, законом допускается мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда. Законом охраняется личная собственность граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства.

Можно ли было раньше фиксировать подобным образом пункты о социалистической собственности, как это фиксировано в теперешнем сталинском проекте Конституции? Можно ли было это записать таким же или подобным образом в первоначальной нашей Конституции? Конечно, нет. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая была принята в начале 1918 г., в первой Конституции РСФСР и затем в Конституции Советского союза, принятой в 1924 г., еще нельзя было формулировать подобным образом эти понятия. Конечно и в тот период социалистическая собственность была ведущей в народном хозяйстве. Однако наряду с ней существовало мелкотоварное хозяйство, а также и частное капиталистическое хозяйство, эксплуатировавшее наемный труд. Тогда существовали еще мелкие частнокапиталистические промышленные предприятия, существовали еще кулацкие хозяйства, эксплуатировавшие чужой труд, существовала частная торговля. Словом, существовал еще частнокапиталистический сектор, хотя и тогда его удельный вес в целом был небольшим. В сельском хозяйстве преобладало единоличное мелкое товарное крестьянское хозяйство. Если бы в тот период мы записали формулировку о колхозно-кооперативной собственности, как части социалистической собственности, то мы могли бы говорить реально об очень незначительных величинах, ибо в тот период колхозы со-

ставляли меньше 1% крестьянских хозяйств. Их удельный вес и значение для хозяйства были еще незначительны.

Вот почему, хотя в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», являющейся частью действующей поныне Конституции, имеется ряд пунктов о социалистической собственности, об уничтожении эксплуатации человека человеком, но они даются не как фиксация достигнутого, как мы это делаем теперь, в проекте новой Конституции, а как перспектива, как задача. Там так прямо и говорится: «Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком» и т. д. Таким образом то, что ставилось в действующей Конституции как задача, ныне уже достигнуто. Поэтому и стало необходимым выработать и принять новую Конституцию.

Победа социалистической собственности в СССР достигнута в процессе ожесточенной классовой борьбы. Партия, разгромив правых и «левых» оппортунистов, разгромив контрреволюционный троцкизм, осуществила ликвидацию капиталистических классов и в результате ожесточенной классовой борьбы обеспечила полную победу социализма.

Известно, что земля, банки, железные дороги были национализированы в первые же месяцы существования советской власти: капиталистическая собственность в отношении земли, железных дорог и банков была ликвидирована очень быстро и полностью. Важнейший декрет о национализации крупной промышленности 1918 г. передал в руки пролетарского государства основные отрасли крупной промышленности и нанес решительный удар капиталистической частной собственности. Но капиталистические элементы в промышленности еще оставались,—они ликвидировались постепенно. Например в 1920 г. частный капитал в ценовой промышленности еще давал примерно 10% продукции. В 1924/25 г. частный капитал имел уже всего 2% продукции, а в 1926/27 г.—1,9%. Если же взять всю промышленность, и крупную и мелкую, то в 1920 г. частный капитал имел в своих руках 26,6% продукции, а в 1925/26 г.—около 15%. За период первой пятилетки происходит процесс резкой и быстрой ликвидации капиталистических элементов в промышленности, и в 1930 г. доля частного капитала в выпуске продукции составляла уже только 0,1%. Можно сказать, что примерно в 1930 г. частный капитал в промышленности был фактически ликвидирован и промышленность наша стала целиком социалистической уже к концу первой пятилетки (без учета производства мелких некооперированных кустарей).

Довольно долго держался частный капитал в торговле. В 1922/23 г. он охватывал 75% всего розничного оборота. В 1924/25 г. его доля составляла еще 42%, в 1926/27 г.—37%. В 1929/30 г., т. е. в период развернутого наступления на капиталистические элементы по всему фронту, этот процент упал до 6—7, а в последующие 1931 и 1932 гг. частный капитал и в области торговли был полностью ликвидирован.

В сельском хозяйстве в эти же годы также успешно была проведена ликвидация эксплуататорских кулацких хозяйств на базе сплошной коллективизации. В 1928 г. колхозы охватывали всего 1,7% крестьянских хозяйств, в 1932 г. было охвачено уже 61,5% и на 1 апреля 1936 г.—89%. Эти данные говорят о том, что капиталистические элементы в нашей стране ликвидированы и социалистические формы собственности стали преобладающими и безраздельно господствующими. Наряду с социалистической формой собственности на средства производства сохранились только индивидуальное единоличное крестьянское хозяйство и мелкие кустари, не эксплуатирующие чужого

труда. Но дальнейшее развитие коллективизации несомненно приведет к тому, что нынешние единоличные крестьянские хозяйства также вступят в колхозы.

Ниже мы остановимся на структуре государственной и кооперативной собственности, для того чтобы определить, какой удельный вес занимают эти оба вида социалистической собственности в нашем хозяйстве. Здесь же перейдем к вопросу о различии между собственностью государственной и кооперативно-колхозной.

Различные формы социалистической собственности, как правильно говорит т. Стецкий в своей статье в № 11 «Большевика», не выдуманы нами, а выросли из хода борьбы за социализм в нашей стране и из различных хозяйственных условий, в которых находятся промышленность и сельское хозяйство.

Государственная собственность (всенародное достояние) возникла вначале путем конфискации крупной капиталистической собственности. Эта собственность, как указывал В. И. Ленин, была подготовлена к обобществлению всем развитием капитализма. «Возьмите нефтяное дело. Оно «обобществлено» уже предшествующим развитием капитализма в гигантских размерах. Пара нефтяных королей — вот кто ворочает миллионами и сотнями миллионов, занимаясь стрижкой купонов, собиранием сказочных прибылей с «дела», у же организованного фактически, технически, общественно в общегосударственных размерах, уже ведомого сотнями и тысячами служащих, инженеров и т. д.»¹. Далее Владимир Ильич говорит, что поэтому национализация нефтяной, как и других отраслей крупной промышленности, возможна сразу.

Рабочий класс СССР конфисковал крупную капиталистическую собственность — фабрики, заводы, шахты, железные дороги, банки — и превратил ее в собственность государственную, всенародную. В дальнейшем в результате успешного строительства социализма, в результате осуществления ленинско-сталинской политики социалистической индустриализации страны пролетариат СССР эту собственность умножил в несколько раз.

Колхозно-кооперативная собственность, в отличие от государственной, возникает путем кооперирования крестьянства, путем добровольного объединения середняков и бедняков в колхозы. Это был длительный и сложный процесс. Здесь чрезвычайно важен был показ преимуществ крупного социалистического хозяйства перед хозяйством единоличным, а также финансовая и организационная поддержка социалистических хозяйств со стороны государства.

Колхоз — это полная перестройка методов хозяйствования, перевод в хозяйстве крестьянина, не говоря уже о том, что это — перевод его с позиции мелкого собственника, собственника продуктов своего труда, на положение колхозника, который получает доход по труду. До тех пор, пока крестьянин не имел достаточного показа преимуществ крупного хозяйства, этот переход в колхозы вызывал огромные трудности.

На протяжении последних двух пятилеток на основе укрепления диктатуры пролетариата, на основе роста социалистической индустрии, в результате неуклонного осуществления генеральной линии нашей партии, мы получили тот решающий рост коллективизации, который и привел к тому, что теперь в сельском хозяйстве социалистическая собственность является господствующей формой собственности.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 169.

Обратимся к анализу двух форм социалистической собственности. Прежде всего что общего между этими двумя формами собственности, т. е. между государственной, всенародной собственностью и между колхозно-кооперативной? Главное — и в том и в другом случае средства производства являются не частной, а общественной социалистической собственностью. Но в отношении государственной собственности хозяином является государство в целом и в лице различных своих органов, которые осуществляют функции хозяйствования, а в отношении колхозной собственности этим хозяином является сам колхоз, т. е., иначе говоря, колхозники, которые сами решают основные вопросы своего хозяйства (или кустари в промартели).

Возьмем например такой вопрос, как хозяйственное расширение государственного предприятия и колхоза. Кто решает вопрос о хозяйственном расширении, скажем, автозавода имени Сталина? Этот вопрос решает государство, а не рабочие этого завода. Государство в лице своих органов решает вопросы строительства, расширения, финансирования, передачи государственных средств из одной организации в другую и т. д. Государство может в интересах народного хозяйства взять прибыль из одних предприятий и передать ее другим предприятиям, которые прибыли не имеют, но которые нужно расширять в первую очередь. То же самое и в совхозе и МТС, являющихся государственной, всенародной, собственностью.

Государство планирует и колхозное производство: посевные площади, урожайность, развитие животноводства и т. д. Однако в пределах государственного плана на основе устава каждый отдельный колхоз в лице своего общего собрания или в определенных случаях в лице правления может самостоятельно решать вопросы хозяйственного развития данного колхоза. По выполнении определяемых государством обязательств колхоз на основе устава свободно распоряжается своей продукцией. Часть ее может быть выделена для продажи государству или на колхозном рынке. Колхоз является полным хозяином своей прибыли. Государство не может передавать прибыль одного колхоза другому колхозу, совхозу или какому-либо другому предприятию.

Государственная собственность не может продаваться одним предприятием другому. Если в каком-нибудь предприятии имеются излишние средства производства и соответствующим органом управления признано, что целесообразно это ненужное данному предприятию имущество передать другому государственному предприятию, то передача производится не в порядке купли и продажи, а в порядке списания с баланса на баланс.

В этом различие между собственностью государственной и колхозно-кооперативной.

Собственность всех видов кооперативных организаций относится к группе колхозно-кооперативной собственности, и государство не может распоряжаться средствами этих организаций. Это конечно ни в коем случае не ограничивает общего планирования колхозов со стороны государства. «Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности» (ст. 11 проекта Конституции).

Между зарплатой и трудоднем, между этими двумя видами оплаты имеются различия, но имеется несомненно и общее. Оно заключается

в том, что как при определении зарплаты, так и при определении оплаты трудодней применяется принцип, установленный Конституцией: «каждому — по его труду». Однако между зарплатой и трудоднем имеются и различия.

Зарплата рабочего точно зафиксирована в соответствии с результатами его труда на короткий промежуток времени. Заработная плата рабочего не зависит от того, реализовало предприятие произведенный им продукт или не реализовало, получило оно прибыль или не получило. Конечно, если предприятие работает лучше, оно имеет возможность дополнительно улучшить положение своих рабочих (премирование, жилищное строительство и т. д.).

В колхозе оплата трудодня устанавливается иначе. Она определяется полностью в зависимости от хозяйственных результатов данного колхоза. Если урожай плохой, организация труда в колхозе плохая, то и оплата трудодня будет значительно ниже, наоборот, при хорошем урожае оплата трудодня выше.

Совершенно недопустимо перенесение на колхозы методов управления и оплаты труда, свойственных госпредприятиям. Наша партия всегда боролась и борется против вреднейшей теории «совхозизации» колхозов.

Земля, на которой ведется хозяйство колхозов, является государственной собственностью, всенародным достоянием, навечно закрепленной за колхозом. Колхоз навечно пользуется своим участком земли, но это не собственность колхоза. Землю нельзя продавать. Далее, значительная часть колхозов в своей производственной работе обслуживается государственными машинно-тракторными станциями. Таким образом, значительная часть орудий производства, обслуживающих колхоз, является собственностью государственной, а не колхозной.

Все эти обстоятельства и лежат в основе того, что колхозно-кооперативную собственность товарищ Сталин в проекте Конституции и в предыдущих своих выступлениях (беседа с Рой Говардом) выделяет как особую форму социалистической собственности. Основное и главное заключается в том, что это — форма социалистической собственности. Но форма эта имеет такого рода отличительные черты, которые делают необходимым на данной ступени помнить об этих различиях, не забывать, что государственная собственность и колхозная собственность — это не одно и то же. Соответственно этому сохранились некоторые различия между рабочим и крестьянином, хотя коренные различия между ними уже сгладились.

Мы не будем останавливаться на этом вопросе подробно, так как это потребовало бы более детального освещения вопроса о классах в СССР. Укажем лишь, что одно из отличий колхозника от рабочего зафиксировано в проекте Конституции, по которой каждый колхозный двор имеет в личном пользовании приусадебную землю и в личной собственности подсобное хозяйство. Он имеет посеы на этой приусадебной земле и может держать продуктивный скот и птицу. Колхозник вправе самостоятельно распоряжаться продукцией этих посевов, а также продукцией животноводства. Он может ее продавать на рынок, причем он может продавать не только продукцию со своей приусадебной земли и своего скота, но и ту продукцию, которую он получает в порядке оплаты за трудодень.

Таким образом колхозник может выступать и выступает на рынке как продавец своей продукции. У рабочего этого нет. Конечно огороды есть и у отдельных рабочих, и они иногда что-нибудь продают с этих огородов, но это исключение, а не правило. В отношении

же колхозников это правило. Эта собственность колхозника на свои посевы, мелкий инвентарь, как и аналогичная собственность единоличника, не является капиталистической, так как элемент найма рабочей силы, элемент эксплуатации здесь исключен.

Собственность колхозника в отношении его личного хозяйства отличается от собственности единоличника тем, что личное хозяйство является для колхозника подсобным хозяйством, а колхозное хозяйство основным. Хозяйство колхозника дополняет колхозное хозяйство при правильном ведении дела.

Все рассмотренные нами четкие сталинские формулировки форм собственности, зафиксированные в проекте новой Конституции, с полной ясностью и определенностью показывают, во-первых, господство социалистической собственности и социалистической системы хозяйства и полную ликвидацию капиталистической собственности и, во-вторых, наличие некоторых видов частной некапиталистической собственности. Чтобы иметь возможность зафиксировать такое положение в проекте Конституции, партия должна была проводить ожесточенную борьбу как с остатками капиталистических классов, так и с их агентурой внутри партии. Эта борьба достаточно всем памятна. Напомним например гнусный контрреволюционный тезис троцкистов и зиновьевцев, отрицающий социалистический характер наших государственных промышленных предприятий и нашей государственной системы хозяйства. Зиновьевец Сокольников считал госкапиталистической и нашу внешнюю и внутреннюю государственную торговлю, а также государственный банк и денежную систему.

Товарищ Сталин вдребезги разбил эти «теории» троцкистско-зиновьевских бандитов, ставших головным отрядом контрреволюции, не брезгующих никакими средствами в борьбе против социалистического государства.

Товарищ Сталин отстоял великий кооперативный план Ленина против бешеных атак контрреволюционных троцкистов, зиновьевцев и правых капитулянтов. Он доказал, что наши государственные предприятия являются последовательно-социалистическими, а кооперация в сочетании с социалистической промышленностью — социалистической формой хозяйства.

Борьба против левацких заскоков выражена в статьях товарища Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам». Одной из форм левацкого заскока была линия на массовый перевод колхозов в коммуны. В аспекте рассматриваемого нами вопроса о формах собственности в СССР это означает, что «леваки» пытались ликвидировать в принудительном порядке собственность колхозников на продуктивный скот, птицу, жилые постройки и т. п., на все то, что ныне зафиксировано во втором абзаце ст. 7-й сталинского проекта Конституции. «Леваки» хотели перескочить через артельную форму в сельском хозяйстве, через колхозную форму собственности, допускающую, как подсобную, личную собственность колхозников в пределах колхозного устава. Партия круто выправила эти перегибы. Сталинский колхозный устав стал основным руководством в организации работы наших колхозов. Артель является в сельском хозяйстве на данном этапе единственно-правильной формой колхозного движения. Коммуны занимают сейчас совершенно незначительное место.

Правые капитулянты отрицали политику сплошной коллективизации, пытались срывать ее, не признавали колхозы «столбовой дорогой» к социалистическому развитию деревни, ставили ставку на ку-

лацкие элементы села. Политика правых тем самым вела к разоружению партии, к реставрации капитализма. И в борьбе против правых партия одержала полную победу под знаменем сталинского ЦК партии.

Товарищ Сталин с полным правом заявил еще в 1929 г. в статье «Год великого перелома»: «Рухнули и рассеялись в прах утверждения правых оппортунистов (группа т. Бухарина) насчет того, что а) крестьяне не пойдут в колхоз, что б) усиленный темп развития колхозов может вызвать лишь массовое недовольство и размычку крестьянства с рабочим классом, что в) «столбовой дорогой» социалистического развития в деревне являются не колхозы, а кооперация, что г) развитие колхозов и наступление на капиталистические элементы деревни может оставить страну без хлеба. Все это рухнуло и рассеялось в прах, как старый буржуазно-либеральный хлам»¹.

Реставраторы капитализма—правые—разгромлены, а колхозная социалистическая собственность окончательно победила, растет и крепнет.

Переходим к вопросу о структуре социалистических форм хозяйства, т. е. к вопросу об удельном весе собственности государственной, всенародной и собственности колхозно-кооперативной. Начнем с промышленности.

Основные фонды государственной промышленности составляли²:

На 1 января 1928 г.	16 млрд. руб.	(по крупной промышленности)
На 1 января 1933 г.	28,5 »	» (по всей госпромышленности)
На 1 января 1936 г. (по предварительным расчетам . . . . .)	48 »	» » » »

Наряду с государственной социалистической собственностью имеется еще собственность кустарно-промысловой кооперации. Это тоже социалистическая собственность, но кооперативная. Мы имеем в этой группе следующие фонды:

На 1 января 1934 г.—700 млн. руб. (вместе с инвалидной кооперацией)
На 1 января 1936 г.—800 млн. руб.

Вот соотношение между двумя формами социалистической собственности в области промышленности — 48 млрд. руб. и 800 млн. руб. Иначе говоря, удельный вес кустарно-кооперативной собственности в промышленности составляет около 2⁰/₁₀₀.

Иные отношения конечно в сельском хозяйстве. Все фонды социалистического сектора в сельском хозяйстве на 1 января 1936 г. составляли 18,5 млрд. руб., в том числе:

Совхозы имели	5,8 млрд. руб.
МТС	» 2,3 » »
Колхозы	» 8,0 » »

Если мы сложим эти цифры, то итога в 18,5 млрд. не получим, ибо имеются еще орсы и другие организации, данные по которым ввиду их дробности мы здесь не приводим.

В 1930 г. все фонды социалистического сектора в сельском хозяйстве составляли только 2,5 млрд. руб. За шесть лет мы имеем огромный рост этих фондов. Колхозам в 1936 г. принадлежит около 40⁰/₁₀₀ всех фондов социалистического сектора сельского хозяйства. Но если мы посмотрим на темпы роста основных фондов МТС, то отме-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 295, изд. 10-е.

² Материалы к народнохозяйственному плану на 1936 г., изд. Госплана СССР.

тим в социалистическом сельском хозяйстве тенденцию более интенсивного роста этой формы государственной, всенародной собственности. В 1930 г. фонды МТС составляли всего 3% фондов колхозов, а в 1936 г. их удельный вес уже 29%. Это значит, что основные фонды МТС растут гораздо быстрее, чем основные фонды колхозов.

В Конституции фиксируются приусадебная земля и посеы колхозников. По отношению ко всей посевной площади в стране приусадебная земля составляет в 1936 г. 3%. Колхозники имеют на своих приусадебных землях 4 млн. га посевов. Немного больше, 4,5 млн. га, или 3,3%, посевных площадей, падают на всех единоличников. Сопоставление этих цифр весьма характерно. Мелкое частное хозяйство единоличных крестьян, которое допускается нашей Конституцией, имеет за собой столько же посевной площади, сколько имеется в приусадебных землях колхозников.

В отношении скота положение другое. В то время как колхозы в 1935 г. имели 12,5 млн. голов крупного рогатого скота, колхозники имели 23 млн., а единоличники — 5 млн. голов. Коров колхозы имели 3,4 млн. голов, а колхозники — 10,7 млн. голов. Эти цифры являются отражением политики партии, направленной к тому, чтобы у каждого колхозника был скот: в 1935 г. у колхозников имелось примерно в 2 раза, а по коровам почти в 3 раза больше скота, чем у колхозов.

В совхозах, орасах и других государственных организациях в том же 1935 г. было 5 млн. голов крупного рогатого скота, в том числе 1,8 млн. голов коров.

Значителен удельный вес кооперативной собственности также и в области торговли. Соотношения государственной и кооперативной торговли здесь складываются следующим образом. На протяжении последних лет мы имеем колоссальный рост государственного сектора. Так, в 1928 г. по товарообороту соотношение было такое: госсектор занимал 16%, кооперативный сектор — 61%, частный — 23%. В 1932 г. частник в торговле был уже полностью вытеснен, и государственный сектор имел 36,6%, а кооперативный — 63,4%. В 1936 г., после того как в городах потребительская кооперация была ликвидирована, товарооборот госторговли составляет уже 76%, а кооперации — 24% (не считая базарной торговли). С 1928 г. государственный сектор повысил свой оборот с 2,5 млрд. до 70 млрд., а удельный вес его поднялся с 16 до 76%. Оборот кооперации повысился с 9,3 млрд. руб. до 21 млрд. руб., а удельный вес ее понизился до 24%.

Для полного анализа нашего товарооборота надо учесть еще колхозную торговлю, в которой как продавцы выступают колхозы, колхозники и единоличники. Оборот колхозной торговли подсчитать довольно трудно, но, по ориентировочным данным, он составляет около 15 млрд. руб., т. е. около 15% государственного и кооперативного оборота. Это означает, что в области торговли на долю кооперативной собственности, а также и на долю колхозников и единоличников выпадает значительная часть, наличие которой однако не подрывает, а подкрепляет государственную торговлю.

Различие, которое существует между собственностью государственной, всенародной, и собственностью колхозно-кооперативной, в будущем будет все больше стираться. Мы видели, как растет в сельском хозяйстве удельный вес основных фондов МТС. Роль и влияние МТС на колхозы будут неуклонно расти и на какой-то стадии развития встанет вопрос о том, чтобы две формы социалистической собственности — государственная и колхозно-кооперативная — были слиты

в единую форму коммунистического хозяйства. Таким образом мы постепенно придем к уничтожению различий двух форм социалистической собственности — формы государственной и формы колхозно-кооперативной. Это будет конечно только на высоком уровне развития нашего производства, на высоком уровне развития социализма, при переходе ко второй, высшей фазе коммунизма. Перестройка эта будет сопровождаться соответствующей переделкой психологии работников социалистического хозяйства. Те различия между рабочими и крестьянами, которые сейчас еще существуют, все больше будут стираться.

Путь к коммунизму открыт. На этом пути мы прошли уже немало труднейших этапов, немало трудностей еще впереди. Коммунизм не свалится к нам с неба. Мы должны его создать в упорной борьбе. Под знаменем ленинско-сталинской партии, под руководством великого вождя народов Сталина мы уверенно идем по этому пути.

Распределение при социализме и колхозный трудовой день

Когда партия крепко ударила по существовавшей у нас в ряде наших государственных предприятий и в колхозах уравниловке и повела упорную борьбу за социалистическую сдельщину, за оплату труда по количеству и качеству его, буржуазные и оппортунистические критики марксизма-ленинизма «возвестили» конец коммунизма, крушение принципов марксизма, возврат к буржуазному распределению и торжество методов капиталистического хозяйствования. Буржуазные «теоретики» подняли вокруг «крушения марксистских принципов распределения» суетливую возню, которая являлась либо плодом полного невежества, либо умышленной фальсификацией учения марксизма его врагами.

В марксистско-ленинском учении о распределении при коммунизме нет места уравниловке. Реальным содержанием пролетарского требования равенства Энгельс называл требование об уничтожении классов. «Всякое требование равенства,— писал Энгельс,— идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепостям»¹. В «Критике Готской программы» Маркс дал основные контуры распределения в условиях низшей и высшей фазы коммунизма.

О распределении при социализме Маркс писал: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое, поэтому, во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай»². Маркс четко, научно обоснованно доказывает, что в условиях социализма распределение может основываться только на принципе — за равный труд равная плата. Этот принцип не имеет ничего общего с «поедоцкой уравниловкой», предполагающей равную оплату за неравный труд.

Разъясняя положение Маркса о распределении при социализме, Ленин писал: «Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества («социализм» в обычном словоупотреблении) не устраняет недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое продолжает господствовать, поскольку продукты делятся «по работе»³. Узкий горизонт буржуазного права будет совершенно прео-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 97, изд. 1931 г.

² К. Маркс, Критика Готской программы, стр. 25, Партиздат, 1932 г.

³ Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 434.

долен лишь в высшей фазе коммунистического общества. Но и здесь принципом распределения будет не уравниловка, а осуществление коммунистического лозунга: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Конечно этот принцип распределения также ничего общего не имеет с уравниловкой.

В ответ на «уравниловскую» интерпретацию, которую этот принцип получил со стороны некоторых «теоретиков», товарищ Сталин на XVII съезде ВКП(б) дал исчерпывающую характеристику коммунистического принципа распределения. «Марксизм,— говорил он,— исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма»¹.

Разоблачая уравниловцев, товарищ Сталин показал, что корнями и источником уравниловки является крестьянский образ мышления. «Уравниловка,— говорил товарищ Сталин в беседе с Людвигом,— имеет своим источником крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма». Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом»².

Укрепить колхозы политически, экономически и организационно было бы невозможно без установления в них правильной, соответствующей социалистической природе колхозов, оплаты труда колхозников. В 1928—1929 гг. в ряде колхозов практиковались совершенно чуждые социализму формы распределения колхозного дохода. Применялись такие формы распределения, как распределение в зависимости от размеров внесенных колхозниками паев. Буржуазный экономист Конюков в своей книге открыто предлагал широко внедрить этот явно буржуазный принцип распределения в наши колхозы. Буржуазные экономисты пытались таким путем наполнить социалистическую колхозную форму буржуазным содержанием. Практиковалось в некоторых колхозах и распределение по надельной земле. Этот метод распределения, совершенно оторванный от учета количества и качества труда колхозников, не содействовал повышению производительности труда колхозников и также являлся буржуазным извращением распределения колхозных доходов.

В колхозной практике и на страницах журналов выдвигались кое-где и предложения о введении в колхозах твердой заработной платы, подобно тому как это имеет место на наших государственных предприятиях. Такого рода теории и практика, совершенно не учитывающие различия между предприятиями государственными и кооперативно-колхозными, способны были привести лишь к подрыву колхозного строительства.

Но особенно живучими и опасными являлись теория и практика уравнилельного распределения в колхозах. Затесавшиеся в колхозы вредительские элементы упорно стремились внедрить в колхозы уравниловку. Поедоцкая уравниловка подрывала в колхозах дисциплину труда, не создавая у колхозников никакой экономической заинтересованности в повышении выработки. Уравниловка расшатывала те колхозы, в которых она укоренилась, и естественно, что кулачество использовало этот метод распределения в качестве орудия своей подрывной антиколхозной деятельности. При этом следует отметить, что

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 583, изд. 10-е.

² Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 13, Партиздат, 1933 г.

уравниловка применялась в колхозах в самых разнообразных формах, иногда скрытых и замаскированных. Так например в некоторых колхозах формально распределение производилось по трудодням, однако авансы колхозникам в натуральной или в денежной форме выдавались по едокам.

Искоренение уравниловки в колхозах имело таким образом огромное принципиальное и практическое значение. Товарищ Сталин гениально развил марксистско-ленинское учение о распределении при социализме и в частности о распределении в кооперативно-колхозных социалистических предприятиях. В целом ряде выступлений товарищ Сталин вновь и вновь возвращается к проблеме распределения в условиях социализма и доказывает, что распределение колхозного дохода по трудодням является единственно правильной формой оплаты труда колхозников.

В специальном постановлении ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1932 г. «Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов» даются ясная и четкая теоретическая установка и практическая директива «о внедрении сдельщины, улучшении учета и об оценке труда каждого колхозника в трудоднях в зависимости от количества и качества произведенной им работы».

Борьба за трудодень энергично велась и раньше. Но в 1932 г. (и в последующие годы), когда партия с особой силой поставила задачу укрепить организационно-хозяйственно колхозы, партийные организации по всему СССР провели особенно большую работу по внедрению в колхозы правильного социалистического принципа распределения доходов по трудодням, всюду искореняя поедоцкую уравниловку и другие антисоциалистические методы распределения. За истекшие с тех пор годы трудодень как форма социалистического распределения в колхозе целиком себя оправдал. Повсеместно в колхозах нашей страны из года в год растет полновесность трудодня. Распределение по трудодням явилось могучим стимулом повышения дисциплины и производительности труда в колхозах, рычагом их организационно-хозяйственного укрепления.

Колхозники на собственном опыте убедились, что с ростом производительности их труда растет и полновесность их трудодней. И чем больше вес трудодня, тем быстрее расцветает в советской деревне зажиточная и культурная жизнь колхозников.

Каких же результатов добились наши колхозы за последние годы в борьбе за высокий вес трудодня? Сравним доходы колхозников, полученные ими по трудодням, в итоге 1935 г. с их доходами в 1932 г., когда правильное распределение по трудодням только начиналось, а также с доходами, которые нынешние колхозники получали тогда, когда они были еще единоличниками — бедняками и середняками. В 1932 г. безенчукские колхозники писали в своем письме к товарищу Сталину:

«До революции в нашем районе среднегодовой доход бедняка составлял 177 рублей, середняка — 408 рублей, а в 1932 г. средний доход на хозяйство в колхозе «Коминтерн»... составлял 495 рублей, в колхозе «Искра» — 560 рублей, в колхозе им. Чапаева — 311 рублей, в колхозе «Гигант» № 2 — 355 рублей, в колхозе им. Ленина — 460 рублей».

Это письмо безенчукских колхозников показывает, что уже в 1932 г. средний доход колхозников в ряде колхозов типичного района полеводческого направления близко подошел, а в некоторых колхозах

превысил доход середняка до революции. Таковы были первые результаты распределения по трудодням в 1932 г. С тех пор доходы колхозной деревни намного возросли. Приведем несколько примеров, характеризующих доходы колхозников в передовых колхозах за последний с.-х. год. Вспомним прежде всего яркое письмо трудящихся советской Грузии к вождю народов великому Сталину. В этом письме сообщается, что колхоз Орсантия Зугдидского района получил 1 500 тыс. рублей дохода, колхоз им. Берия Акбулахманчийского района получил 2 300 тыс. рублей дохода, колхоз им. Ворошилова Кобулетского района — 1 800 тыс. рублей, колхоз села Гуриента Махаразетского района — 1 030 тыс. рублей, Нетаненский колхоз — 1 500 тыс. рублей, колхоз им. Тельмана Лагодехского района получил 1 млн. рублей дохода и т. д.

Сколько же пришлось на долю каждого колхозника и на каждый трудодень, начисленный колхозникам в этих колхозах Грузии? На этот вопрос письмо трудящихся Грузии отвечает в яркой стихотворной форме:

Трудодень дает в колхозах, получивших все права,
 Полтора червонца часто, а нередко — даже два.
 В среднем в год двенадцать тысяч, да еще прикнинь на счет,
 Что дают дворам посевы, виноградник, огород.
 В Лагодехи Батишвили, мастер пашни и полей,
 Заработал в тридцать пятом восемь сотен трудодней.
 Глаз хозяйский не обманет, у него рука верна —
 Десять тысяч взял деньгами, до двухсот пудов зерна.
 Рядом Гамезордашвили увеличил оборот:
 Трудодней набрал он за год свыше тысячи трехсот.
 Он семь тысяч килограммов хлеба ссыпал в закрома,
 Денег взял пятнадцать тысяч, что теперь ему зима?
 Вот еще Миминошвили, среди гурийцев первый он.
 Золотистой кукурузы ссыпал до двухсот пудов,
 Денег взял шестнадцать тысяч годовым своим трудом.
 Так колхозною работой богатеет каждый дом.

Столь высокая полновесность трудодня в ряде передовых колхозов советской Грузии далеко не является исключением. В различных республиках и районах нашей страны колхозники получили не менее высокие доходы. На Дальнем Востоке близ Хабаровска несколько лет назад организовался колхоз им. Кантонской коммуны, большинство членов которого — китайцы, бывшие раньше в Китае рикшами. В этом колхозе на трудодень пришлось в 1933 г. 13 р. 50 к. и 4,5 кг овощей, в 1934 г. — 19 рублей деньгами и 10 кг овощей и в 1935 г. — 23 рубля деньгами и около 12 кг овощей. В Таджикистане в лучшем колхозе Ленинабадского района «Большевик» фонд распределения между колхозниками составил в истекшем году 3 млн. рублей. Каждая семья в этом колхозе получила в среднем 10 тыс. рублей дохода. Семья лучшего ударника Салихбан Дадабаева, выработавшая 1 593 трудодня, получила 22 302 рубля дохода. Столь же крупные доходы получил ряд колхозов Андижанского района в Узбекистане. В этом районе в колхозах им. Молотова, им. Ахум Бабаева для колхозников строятся в настоящее время целые кварталы образцовых домов с центральным отоплением, электричеством и радио. Улицы деревень этих колхозов замощены, а тротуары обсажены туловыми деревьями. В Акимовском районе Днепропетровской области колхозник И. Чикан из колхоза «Единый труд» получил на трудодни 10 тыс. рублей, а колхозник П. Жеребец — 10 900 рублей. Председатель колхоза «Красный

боец» Приморско-ахтарского района т. Томаровский сообщает, что на один колхозный двор в его колхозе средний доход по трудодням составил свыше 7 тыс. рублей. В Якутии, в Усть-алданском районе ударник колхоза «Бетте» т. Сивцев получил на свои трудодни 550 пудов хлеба и 12 пудов масла. Анкета, проведенная Буденновским райкомом ВКП(б) на Северном Кавказе в 13 колхозах района, показала, что за последние три года денежная доля трудодня увеличилась в этих колхозах в 10—15 раз. Колхозник артели «Новая жизнь» Калининского района, Московской области О. С. Козлов заработал за истекший год 1 187 трудодней и получил на них 1 602 рубля деньгами, 6 173 кг зерна, 4 748 кг картофеля, 800 кг сена, 230 литров молока. В Азербайджане десятки колхозов получили свыше 1 млн. рублей дохода. Цветущие колхозы с огромным доходом — таков новый тип хозяйств, олицетворяющих зажиточность и богатство социалистической деревни.

Колхозники, прочно ставшие на путь зажиточной и культурной жизни, с восторгом отзываются о колхозном строе. Настроение колхозников прекрасно выражает следующее типичное письмо колхозника Степана Стречана — члена колхоза «Красный октябрь» Гульрипшского сельсовета, опубликованное в газете «Советская Абхазия».

«Мне 55 лет,— пишет Степан Стречан,— но я чувствую себя полным сил и энергии, словно ко мне вернулась моя молодость. Я переживаю новую, счастливую, радостную жизнь, какой не видел никогда раньше и о какой не мог никогда мечтать. За год я выработал 350 трудодней. Я получил около 5 тыс. рублей деньгами. Это мой доход только по трудодням. Когда, при каких других условиях я мог иметь столько денег, жить так хорошо?».

Мы привели выше данные о трудодне в отдельных передовых колхозах. Число подобных примеров можно было бы бесконечно умножить. Анализ трудодня в колхозах типичных районов страны показывает, что значительный рост веса трудодня является характерным не только для лучших колхозов, но что высокий уровень трудодня в 1935 г. наблюдался в колхозах самых различных отраслей сельского хозяйства.

Проанализируем реальный вес трудодня по массовым данным колхозов Кирсановского района Воронежской области.

Средняя оплата одного трудодня по колхозам Кирсановского района в 1935 г. составила 48 коп. деньгами и натурой: 2,86 кг зерновых и бобовых, 0,21 кг масличных культур, 1,34 кг картофеля, 0,32 кг огородных и бахчевых культур, 1 кг кормовых корнеплодов, 0,16 кг сена, 7,71 кг соломы озимой и яровой, 0,60 кг мякны. Если всю эту полученную на один трудодень продукцию исчислить в среднегодовых ценах колхозной торговли на Кирсановском рынке, то денежное выражение натуральной части трудодня в районе составит 5 р. 78 к. Таким образом вес трудодня в целом вместе с 48 коп., полученными деньгами, равняется 6 р. 26 к. Таков вес среднерайонного трудодня.

Рассмотрим теперь вес трудодня в одном из колхозов того же Кирсановского района. В колхозе «Красный пахарь» Чутановского сельсовета на трудодень было выдано в итоге 1935 г. 64 коп. деньгами и различной продукции на 8 р. 50 к. по среднегодовым ценам колхозной торговли. Общий вес трудодня составляет здесь следовательно 9 р. 14 к. В среднем на одного трудоспособного в колхозе выработано 219 трудодней. Годовой доход колхозника без дохода членов семьи по трудодням (не считая его дохода от подсобного хозяйства)

составляет таким образом в среднем по колхозу 2 001 р. 66 к. Доходы колхозников-ударников в этом же колхозе значительно превышают эту сумму.

Доход колхозников-ударников колхоза «Красный пахарь» Чутановского сельсовета

Ф а м и л и я	Выработано трудодней	Причит. за натуру (по ценам кол- хозной тор- говли)	Деньгами в рублях	Всего
Бурцев, Кир. Алекс.	1 171	9 954	749	10 703
Насонов, Григ. Вас.	881	7 488	564	8 052
Мотов, Иван Ник.	800	6 800	512	7 312
Ермаков, Ем. Ант.	774	6 579	495	7 074
Говохин, Илья Ив.	757	6 435	484	6 919
Галкин, Илья Ив.	713	6 061	456	6 517
Попов, Семен Ил.	712	6 052	456	6 508

Доходы всей семьи этих колхозников конечно значительно выше, поскольку в каждой семье имеется по несколько трудоспособных. Приведенные данные о доходах колхозников типичного полеводческого района разбивают миф о том, что только овощные колхозы или колхозы, производящие технические культуры, имеют высокий полновесный трудодень, и показывают, что уровень среднего дохода колхозника и в колхозах зернового направления уже сейчас близок к уровню дохода рабочего и служащего в наших городах.

Средние данные о трудодне по всем колхозам СССР свидетельствуют о повсеместном росте и укреплении колхозов. В среднем по всем колхозам Союза выработка трудодней по одному колхозному двору возросла в 1935 г. по отношению к 1934 г. на 13% (с 335 до 378 трудодней), а выработка одного трудоспособного — на 15%. Наряду с этим довольно значительным увеличением числа выработанных трудодней на колхозную семью значительно возросла оплата трудодня в среднем по Союзу как натурой (на один колхозный двор в 1935 г. приходится по трудодням 8,8 ц одних только зерновых и бобовых), так и особенно деньгами, что является результатом возросшей товарности колхозного производства.

Денежный доход всех колхозов Союза, по данным Госбанка, составил в истекшем году свыше 10 млрд. рублей. Это превышает денежный доход 1934 г. на 67%. Распределение столь значительно возросшего денежного дохода колхозов было произведено в соответствии с новым колхозным уставом, согласно которому доля отчислений в неделимые фонды не может превышать 20% денежного дохода колхозов. В результате проведения в жизнь нового колхозного устава и других мероприятий партии и правительства и самих колхозов (о чем ниже) денежная оплата трудодня в среднем по всем колхозам Союза возросла на 141%. Средние данные о трудодне по всем колхозам при всех различиях, существующих между передовыми и отсталыми колхозами, свидетельствуют об общем продвижении и могучем укреплении всего нашего колхозного строя, о неуклонном росте зажиточности всего колхозного крестьянства в целом.

Рост трудодня за последние годы был обеспечен прежде всего ростом урожайности и продуктивности в колхозах, являющимся в свою очередь следствием технической реконструкции нашего сельского хозяйства, значительных агротехнических улучшений и преимуществ коллективного труда. Важнейшей причиной укрепления колхозов и возрастания трудодня являются также улучшение и укрепление руководства колхозами. Однако не только эти основные факторы сыграли крупную роль в возрастании веса трудодня. Энергичная борьба за высокую ценность трудодня является специальной задачей, которую наша партия ставит перед колхозами. При отсутствии этой борьбы за высокую ценность трудодня вес последнего может снижаться даже в условиях значительного возрастания урожайности. Если в колхозах трудодни разбазариваются, расхищаются, неправильно начисляются и т. д., то при самой высокой урожайности вес трудодня может оказаться незначительным. Борьба с разбазариванием трудодней, особая упорная борьба за высокий вес трудодня — такова одна из важнейших задач, которая стоит перед руководителями колхозов и перед всей колхозной массой.

Об эффективности борьбы за полновесность трудодня можно судить по практике колхозов Кирсановского района. Дело в том, что хотя колхозы Кирсановского района в 1935 г. работали значительно лучше, чем в предшествующие годы, но из-за неблагоприятных метеорологических условий урожайность (зерновых) в районе повысилась незначительно — с 9,4 ц с га в 1934 г. до 9,9 ц в 1935 г. Между тем вес трудодня в 1935 г. превышает вес трудодня 1934 г. в среднем по району на 53,5%. Этот значительный рост веса трудодня в 1935 г. по сравнению с 1934 г. при почти одинаковой урожайности в эти годы является здесь результатом борьбы партии, государства и самих колхозов за высокую ценность трудодня.

Рассмотрим некоторые важнейшие стороны этой борьбы и выясним, какие мероприятия партии, правительства и самих колхозов содействовали росту трудодня.

Огромную роль в повышении ценности трудодня играют помощь и руководство государства в лице МТС — руководителей и организаторов колхозного производства. Механизация работ в колхозах, обслуживаемых МТС, значительно более широкое применение в них агротехнических мероприятий, помощь МТС в планировании производства, в организации труда и т. д. — вся эта деятельность МТС отражается на весе трудодня в обслуживаемых МТС колхозах.

Оплата трудодня в Кирсановском районе (в рублях)

Форма оплаты	В колхозах, обслуживаемых МТС	В колхозах, не обслуживаемых МТС	В среднем по району
Деньгами	0,57	0,34	0,48
Натурой (по ценам колхозного рынка)	6,00	5,44	5,78

Из таблицы видно, что в колхозах, обслуживаемых МТС, и натуральная и денежная часть трудодня значительно выше, чем в остальных колхозах района. Денежная оплата трудодня в обслуживаемых

МТС колхозах на 67,6% выше, чем в остальных. Стоимость натурy, выданной в этих колхозах по трудодням, на 10,3% выше. При этом состав натуральной выдачи на трудодень здесь выше по качеству продуктов, что видно из следующей таблицы (в %):

	В колхозах, обслуживаемых МТС	В колхозах, не обслуживаемых МТС	В среднем по району
Зерно	61,6	73,4	65,9
Масличные	10,1	5,8	8,4
Продукты огородничества	2,0	0,4	1,4
Картофель	7,3	6,6	7,1
Продукты животноводства	0,3	0,4	0,4
Корма	18,7	13,4	16,8

В трудодне колхозов, обслуживаемых МТС, как показывает таблица, значительно выше удельный вес масличных, огородных и кормовых культур. Увеличенная выдача кормовых культур улучшает состояние и личного подсобного хозяйства колхозников в обслуживаемых МТС колхозах.

Значительную роль в повышении веса трудодня в 1935 г. сыграла помощь, оказанная государством колхозам путем списания задолженности колхозов государству (постановление Совнаркома СССР от 23 декабря 1934 г.). Этот акт советского правительства явился новым выражением огромной заботы советского государства о колхозах. Указания основоположников марксизма-ленинизма о том, что новый коллективный строй может возникнуть и окрепнуть лишь при государственной помощи, являются руководящими указаниями для советского правительства на протяжении всех лет колхозного строительства. Реализация постановления Совнаркома СССР о списании задолженности колхозов государству повысила денежную оплату трудодня в среднем по колхозам Кирсановского района на 5,2%.

Росту трудодня в 1935 г. содействовал также установленный сталинским колхозным уставом новый порядок дальнейшего погашения задолженности колхозов. Этот порядок состоит в том, что ныне задолженность погашается из неделимых фондов, а не из общего денежного дохода колхоза. Благодаря этому мероприятию вес трудодня в колхозах района в среднем вырос на 3,4%.

В полеводческих колхозах на вес денежной части трудодня оказывает огромное влияние развитие других отраслей сельского хозяйства. В частности, как показывает практика Кирсановского района, на возрастание веса трудодня очень значительно влияет развитие животноводства. В приводимой ниже таблице колхозы Кирсановского района, в которых преобладает полеводческое направление, сгруппированы по степени обеспеченности их продуктивным скотом. Из таблицы видно, что чем выше степень обеспеченности продуктивным скотом в полеводческих колхозах, тем выше и оплата трудодня (см. табл. на стр. 39).

В первой группе колхозов, фактически не имеющих животноводческих ферм (точнее, имеющих лишь до 5 переводных, обобществленных голов продуктивного скота в колхозе), денежная оплата трудодня составляла лишь 49,4% среднерайонной. В колхозах же с развитым животноводством (имеющим в фермах свыше 50 голов продуктивного

Оплата трудодня в группах колхозов с разной обеспеченностью продуктивным скотом

Группы колхозов по обеспеченности продуктивным скотом	Денежная оплата трудодня	
	копеек	в % к среднерайонному итогу
До 5 (в переводе на рогатый скот) голов . .	23,8	49,4
5,1—25 » » » » » . .	43,7	90,7
25,1—50 » » » » » . .	54,1	112,3
Свыше 50 » » » » » . .	72,2	149,8
В среднем по району . .	48,2	100,0

скота) денежная оплата трудодня составила 149,8% среднерайонной.

Такое же, а нередко и еще большее влияние на вес трудодня оказывает развитие в колхозах различных подсобных отраслей хозяйства — плодоводства, пчеловодства, огородничества, мелкого животноводства и птицеводства, рыбного хозяйства и различных подсобных несельскохозяйственных отраслей — маслобоя, гончарного производства, крупорушек, лозоплетения, различного рода мастерских и т. д.

Увеличению веса трудодня в 1935 г. значительно способствовало также введенное по предложению товарища Сталина ограничение отчислений в неделимый фонд колхозов, которое, согласно особому пункту нового колхозного устава, должно составлять от 10 и не свыше 20% денежных доходов колхозов. Как известно, в комиссии по выработке устава на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников высказывались мнения в пользу значительного увеличения процента отчисления в неделимые фонды. Товарищ Сталин в своем выступлении на заседании этой комиссии решительно выступил в защиту пункта, запрещающего превышать отчисления в неделимые фонды сверх 20% от денежных доходов, доказывая, что ключом укрепления колхозов является сочетание общественных интересов колхозов с личными интересами колхозников.

Как же отразилось на весе трудодня введение в устав сельскохозяйственной артели пункта, ограничивающего накопление в неделимые фонды? Следующая табличка, показывающая соотношение между оплатой трудодня и капитальными затратами в колхозах Кирсановского района, позволяет видеть влияние нового порядка отчислений в неделимые фонды на вес трудодня (см. табл. на стр. 40).

Как видно из таблицы, особенно велики капитальные затраты в 1934 г., когда они составили 45,7% всех денежных доходов колхозов. Это в сильной степени отражалось на величине оплаты трудодня. В 1935 г. удельный вес капитальных затрат (23,0%) в сумме денежного дохода колхозов все еще превышает процент отчислений в неделимые фонды, установленный уставом с.-х. артели (не свыше 20%). Это превышение является результатом введения в практику колхозов так называемых «займов» у колхозников, на анализе которых мы ниже еще остановимся. Все же в 1935 г. удельный вес капитальных затрат в сумме денежного дохода колхозов почти вдвое ниже, чем в 1934 г.,

Оплата трудодня и капитальные затраты

Годы	Оплата трудодня деньгами в рублях	Капитальные затраты на 1 двор		Капитальные затраты в % к сумме денежных доходов (без остатка и заемных средств)
		рублей	в % к предыдущему году	
1932 . . .	0,30	47	—	15,9
1933 . . .	0,33	143	304,3	36,6
1934 . . .	0,21	151	105,6	45,7
1935 . . .	0,48	101	66,9	23,0

что в огромной степени содействовало возрастанию денежной оплаты трудодня.

Динамика денежного дохода колхоза и колхозника

Годы	Денежный доход колхоза на 1 колхозный двор		Денежный доход колхозника на 1 двор	
	рублей	в % к предыдущему году	рублей	в % к предыдущему году
1932 . . .	277	—	59	—
1933 . . .	391	141,2	80	135,6
1934 . . .	331	84,7	62	77,5
1935 . . .	438	132,3	157	253,2

Таблица свидетельствует о том, что, в то время как денежный доход колхоза на один колхозный двор вырос в 1935 г. по отношению к 1934 г. всего на 32,3%, денежный доход колхозников по трудодням (на 1 двор) вырос на 153,2%. Ценность трудодня таким образом увеличилась благодаря новому порядку отчислений в неделимые фонды. Соответствующее увеличение денежной оплаты трудодня характерно для всех колхозов страны. Выше уже отмечалось, что, в то время как денежный доход всех колхозов СССР в 1935 г. возрос на 67% по отношению к доходу 1934 г., денежная оплата трудодня в среднем по всем колхозам Союза возросла на 141%, а денежный доход на 1 колхозный двор, полученный по трудодням, возрос в 1935 г. по отношению к 1934 г. в среднем по Союзу на 170%.

На увеличение веса трудодня повлияло также снижение в 1935 г. по сравнению с предыдущим годом административно-хозяйственных и производственных расходов. Следующая таблица показывает раз-

меры производственных и административно-хозяйственных расходов в колхозах Кирсановского района за годы 1932—1935.

Производственные и административно-хозяйственные расходы

Годы	Производственные расходы				Административно-хозяйственные расходы			
	на 1 колхоз (в руб.)	на 1 га посева (в руб.)	На 100 рублей		на 1 колхоз (в руб.)	на 1 га посева (в руб.)	На 100 рублей	
			денежного дохода	валовой выручки			денежного дохода	валовой выручки
1932 . .	9 556	26,0	39,7	25,8	518	1,4	2,15	1,40
1933 . .	12 885	32,4	35,5	21,0	953	2,4	2,62	1,55
1934 . .	12 771	27,8	39,4	23,7	868	1,9	2,68	1,61
1935 . .	14 243	27,5	28,7	17,2	1 118	2,2	2,19	1,31

Мы видим, что производственные и административно-хозяйственные расходы в районе в абсолютном выражении выросли в связи с общим ростом хозяйства колхозов, но относительно они сократились. Производственные расходы (текущий ремонт, покупка семян, удобрений и т. д.) составили в 1935 г. по отношению к денежному доходу колхозов 28,7%, в то время как в 1934 г. они составили 39,4%. Административно-хозяйственные расходы составили в 1935 г. к денежному доходу колхозов 2,19%, в то время как в 1934 г. они составляли 2,68%. Относительное сокращение административно-хозяйственных и производственных расходов, означающее борьбу за экономию в колхозах, является одной из важнейших экономических предпосылок увеличения трудодня.

Тенденция к сокращению административно-управленческих расходов наблюдается во всех колхозах Союза. По всем колхозам СССР административно-хозяйственные расходы уменьшились, составив в 1935 г. 2,4% от денежных доходов колхозов, в то время как в 1934 г. они составили 3,3%. Следует однако отметить, что достигнутое снижение административно-хозяйственных расходов еще недостаточно. По уставу с.х. артели эти расходы не должны превышать 2% денежных доходов колхозов.

В практике распределения доходов в колхозах еще 2—3 года назад имело место следующее явление: на долю основных производственных работников колхозов полеводческого направления (плугарей, бороновальщиков, сеяльщиков и т. д.) приходилось относительно меньше трудодней, чем на долю административно-управленческого персонала и работников подсобных отраслей.

В 1935 г. и в этом отношении в колхозах наблюдается некоторый, пока еще недостаточный перелом. Распределение всех выработанных трудодней в колхозах Кирсановского района между колхозниками различных отраслей колхозного хозяйства показывает следующая таблица:

Годы	Структура выработанных трудодней (в % к итогу)				
	Растение- водство	Животно- водство (продуктив- ное)	Строитель- ство	Администр.- управл. персонал	Промыш- ленные предприя- тия
1932 . .	51,2	7,4	3,2	9,0	3,0
1933 . .	60,7	5,5	5,7	6,5	2,0
1934 . .	61,5	5,0	6,5	6,6	2,6
1935 . .	61,7	6,6	5,9	6,2	2,4

Количество трудодней, приходящихся на административно-управленческий персонал, сократилось. В то время как на долю административно-управленческих работников (председателей колхозов, бригадиров, счетоводов, сторожей и т. д.) приходилось в 1932 г. 9%, в 1935 г. их доля трудодней сократилась до 6,2%. Это оздоровление, происходящее в области распределения, также содействовало в 1935 г. росту веса трудодня.

Еще несколько лет назад на иждивении колхозов находилось значительное количество лиц (работники потребкооперации, сельсовета, школ и т. д.), не участвовавших в колхозном производстве. Борьба за высокую ценность трудодня требует сведения числа этих лиц в колхозах к минимуму. За последние годы отчисления в спецфонды колхозов резко снижаются.

Так, в колхозе им. Максима Горького для образования спецфонда списывалось с каждого трудодня в 1932 г. 0,659 кг зерна, в 1934 г. — 0,133 кг, а в 1935 г. — всего 0,082 кг. В колхозе «Красный пахарь» доля отчислений в спецфонды с каждого трудодня снизилась с 0,409 кг в 1932 г. до 0,085 кг в 1935 г. Аналогичная картина наблюдается и в других колхозах.

Благодаря борьбе нашей партии с разбазариванием трудодней, борьбе за рост ценности трудодня полновесность его растет из года в год. Трудодень становится все в большей степени рычагом превращения всех колхозников в зажиточных, рычагом экономического и политического укрепления колхозов.

Внедрение в колхозы социалистического принципа распределения по трудодням и систематический рост веса трудодня оказали огромное влияние на процесс ликвидации пережитков капитализма в экономике и сознании колхозников. В весе трудодня, в количестве выработанных трудодней отражаются процессы формирования нового типа работников социалистического с.-х. производства, с новым отношением к труду, с новыми показателями производительности труда, с новым культурным уровнем и политическим горизонтом.

Прежде всего бросается в глаза значительное возрастание трудового участия колхозников в производстве. Отлынивание от работы, характерное для тех времен, когда в ряде колхозов практиковался жулацкий поедоцкий принцип распределения, ныне с укреплением тру-

додня уже не имеет места. Следующая таблица показывает динамику трудового участия колхозников в колхозах Кирсановского района.

Г о д ы	Выработано трудовых			
	На 1 колхозный двор		На 1 трудоспособного	
	абсол.	в % к предыдущему году	абсол.	в % к предыдущему году
1932	200	—	105	—
1933	244	122,0	125	119,1
1934	289	118,4	148	118,4
1935	336	116,3	174	117,6

Из таблицы видно, что в среднем по Кирсановскому району количество выработанных на колхозный двор трудовых возросло в 1935 г. по отношению к 1932 г. на 68%. Рост количества трудовых на одного трудоспособного за те же 4 года составил 66%.

В некоторых колхозах, например в колхозах «Серп и молот», «Новый быт», участие колхозников в колхозном производстве и соответствующая выработка трудовых возросли больше чем на 200%.

В росте числа трудовых на колхозную семью отражается, во-первых, процесс борьбы с сезонностью колхозного производства. Большая выработка трудовых на семью является результатом «раздвижки» хозяйства колхозов, результатом того, что колхозники все в большей степени работают не только в наиболее горячие дни сева и уборки, но благодаря развитию животноводства и подсобных отраслей хозяйства колхозный труд все более равномерно распределяется по всем месяцам года.

Увеличение числа трудовых на колхозную семью свидетельствует, во-вторых, о том, что большее количество членов колхозной семьи принимает участие в колхозном производстве. Этому содействуют как развитие и рост нового большевистского сознания в колхозной массе, так и ряд материально-бытовых улучшений в колхозах, в особенности ряд мероприятий, облегчивших условия труда женщин-колхозниц: устройство в колхозах яслей, школ, предоставление колхозницам декретного отпуска по беременности и родам и т. п.

Если произвести группировку трудоспособных в колхозах по количеству выработанных ими трудовых, то можно увидеть, насколько возросла в колхозе группа колхозников, из года в год повышающая выработку трудовых (см. табл. на стр. 44).

Таблицы выявляют закономерный рост выработки колхозников. Число колхозников, выработавших до 100 трудовых, в 1932 г. составляло например в колхозе им. Максима Горького около 72% к общему числу трудоспособных колхозников, а в 1935 г. эта группа значительно сократилась, составив лишь 45,8%. В то же время число кол-

Группировка трудоспособных пяти колхозов Кирсановского района по числу выработанных трудодней

Название колхозов	Г о д ы	Число трудоспособных с выработкой трудодней (в % к общему числу трудоспособных колхозников)		
		до 100 трудодней	101—250	свыше 250 трудодней
Им. Максима Горького Уваровщинского с/сов.	1932	71,9	23,7	4,4
	1933	60,2	34,5	5,3
	1934	51,1	43,4	5,5
	1935	45,8	36,4	17,8
«Красный пахарь» Чутановского с/сов.	1932	64,5	26,9	8,6
	1933	49,8	41,6	8,6
	1934	43,6	41,9	14,5
	1935	38,2	36,3	25,5
«Серп и молот» Вячкинского с/сов.	1933	42,2	52,5	5,3
	1934	39,4	44,3	16,3
	1935	32,8	44,9	22,3
«Мировой слет» Вячкинского с/сов.	1933	36,0	53,2	10,8
	1934	36,8	47,8	15,4
	1935	33,4	42,5	24,1
«Новый быт» Кобяковского с/сов.	1933	70,8	29,2	—
	1934	51,1	39,0	9,9
	1935	22,9	48,5	28,6

хозников, выработавших 250 трудодней, составлявших в этом колхозе в 1932 г. всего 4,4%, увеличилось в 1935 г. до 17,8%.

Растущая экономическая заинтересованность колхозников в высокой производительности труда и рост их большевистского сознания привели к тому, что в колхозах из года в год уменьшается необходимость административного воздействия на отлынивающих от работы, на опаздывающих и т. д. Штрафы за невыходы на работу, за опоздание, еще года два назад бывшие распространенным явлением, почти вовсе исчезли. В колхозе «Красный пахарь» Чутановского сельсовета в 1934 г. было 5 штрафов за неявку на работу, а в 1935 г. — всего 2 штрафа. В колхозе им. Максима Горького в 1933 г. было 12 штрафов за невыход на работу, в 1934 г. — 5 штрафов, а в 1935 г. — ни одного. В колхозах, с каждым годом становящихся все более зажиточными и большевистскими, необходимость штрафов с каждым годом уменьшается.

Процесс большевизации колхозов ярко отражается в росте ударничества. Число ударников в ряде колхозов Кирсановского района

В 1935 г. по сравнению с 1933 г. увеличилось в 3 раза. Так например в колхозе им. Сталина Уваровщинского сельсовета в 1933 г. лишь 4% всех колхозников были премированными ударниками, а в 1935 г. уже 11,7% всех колхозников являлись передовыми ударниками, премированными за хорошую и отличную работу. В колхозе им. Максима Горького в 1932 г. ударниками были 8% колхозников, в 1935 г.—14%. В колхозе «Красный пахарь» 5% колхозников были в 1933 г. ударниками, а в 1935 г.—около 10%.

Борьба партии за внедрение в колхозы марксистско-ленинского принципа распределения по трудодням, борьба за высокую ценность колхозного трудодня привела уже на данном этапе, как видно из вышеизложенного, к крупным победам и достижениям в колхозном производстве. Однако борьба эта далеко еще не закончена, и еще немало энергии и усилий необходимо приложить партийным организациям, земельным органам, руководящим работникам колхозов и самим колхозникам для дальнейшего укрепления и роста трудодня.

В практике распределения трудодней существует еще немало извращений и недостатков. Одним из крупнейших недостатков в этом отношении является господствующая еще в ряде колхозов «побригадная уравниловка». По новому уставу колхозов, как известно, лучшим бригадам в колхозе следует начислять до 10% общего числа трудодней, выработанных бригадой, а с худших бригад соответствующее количество трудодней списывать. Как же выполняется этот пункт устава на практике? По данным Кирсановского района, лишь в 24% всех колхозов распределение доходов производилось в соответствии с этим требованием устава, в остальных же 76% колхозов района в распределении между бригадами еще до сих пор господствует уравниловка. Правда, это отчасти объясняется тем, что в 1935 г. во многих колхозах вводился севооборот, в результате чего многим бригадам приходилось сеять рожь по ржи, пшеницу по пшенице и т. д. Правления колхозов чувствовали себя не в праве штрафовать бригаду за недостаточно высокий урожай в таких условиях. Однако эта причина является далеко не единственной причиной относительно низкого урожая на полях отдельных бригад. Основной причиной «побригадной уравниловки» была плохая постановка учета работы бригад.

В самом деле, можно ли было учесть результаты работы бригад, если во время уборочной кампании сплошь и рядом производилась ломка бригад, нарушался принцип постоянства производственной бригады, если для уборки урожая (особенно при молотье, для которой создавались особые «бригады по молотье») колхозники, работающие в одной бригаде, перебрасывались в другую? Ломка состава бригад и нарушение пункта устава о премировании лучших бригад являются крупнейшим недостатком в распределении доходов в колхозах.

Это явление наблюдается не только в Кирсановском районе, но и во многих других. С «бригадной уравниловкой» и с обезличкой колхозных работ в результате ломки состава бригад необходимо закончить.

Другим недостатком, общим почти всем колхозам Кирсановского района, является плохое планирование величины трудодня. Так, по-

колхозным сметам в Кирсановском районе денежная выдача на трудодень в 1935 г. была запланирована в размере одного рубля, фактически же она составила 48 коп. В результате столь неудачного планирования размера трудодня в колхозах возникал ряд недоразумений. Авансы колхозникам выдавались естественно соответственно сметной величине трудодня. Ряд колхозников получил авансы в размере 50% сметного трудодня, т. е. по 50 коп. на трудодень. В конечном счете такое неудачное планирование размеров трудодня привело к большим осложнениям при окончательном распределении доходов. С одной стороны, многие колхозники оказались должниками колхозов, с другой стороны, колхоз в свою очередь оказался в долгу перед многими колхозниками, не получавшими аванса. Все это чрезвычайно усложнило и запутало расчеты с колхозниками. Совершенно очевидно, что составление предварительных смет по оплате трудодня должно быть значительно улучшено.

В большинстве колхозов Кирсановского района до сих пор практикуется «срезка трудодней» (т. е. отчисление части трудодней с колхозников) для оплаты этими «срезанными трудоднями» различных внеколхозных работ, производимых по заданиям рика и других организаций (сбор корья, вывоз швырка и т. д.). В некоторых колхозах в связи с этим срезают до 8 трудодней с каждого трудоспособного. Эта практика срезки трудодней является по сути дела замаскированным разбазариванием трудодней и приводит к снижению доходов колхозников.

Довольно широкое распространение имеет в колхозах практика «займа у колхозников». Правление колхозов производит у колхозников заем для разного рода строительных нужд, для покупки автомобилей и т. д. Выражается этот заем в том, что колхозникам выдается не вся сумма причитающихся им по трудодням денег. Часть денег удерживается для производства указанных расходов. На деле эти «займы» ведут к тому, что трудодни оплачиваются колхозникам неполностью, и за счет трудодней происходит фактическое повышение отчислений в неделимый фонд сверх полагающихся по уставу 20% денежных доходов. При этом надо отметить, что в ряде колхозов правления удаются провести общие собрания колхозников постановлением «о списании задолженности колхозов перед колхозниками». Этим путем правление маскирует фактическое повышение отчислений в неделимые фонды сверх полагающихся по уставу.

Со всеми этими извращениями в распределении дохода колхозов по трудодням нужно вести решительную борьбу, с тем чтобы впредь эти извращения не имели места.

Социалистическое распределение в колхозах по трудодням, теоретически обоснованное Лениным и Сталиным и прекрасно оправдавшее себя в практике нашего колхозного строительства, является мощным орудием в борьбе за организационно-хозяйственное и политическое укрепление колхозов.

Полновесный трудодень — основной и главный путь к зажиточной жизни колхозников. Колхозная практика уже доказала колхозникам, насколько прав был Ленин, когда он, обращаясь еще в 1903 г. к деревенской бедноте, писал:

«Покуда богатые остаются богатыми, покуда они держат в своих руках большую часть и земли, и скота, и орудий, и денег,— до тех пор не только бедноте, но и средним крестьянам никогда из нужды не выбиться. Один — другой средний мужик пролезет в богатые при помощи этих улучшений, да коопераций, а весь народ и все-средние мужики еще глубже в нужде застрянут. Чтобы всем средним мужикам в богатые пролезть,— для этого надо самих богатых убрать, а убрать их может только союз городских рабочих с деревенской беднотой»¹.

Ныне этот боевой призыв великого Ленина осуществлен в колхозном строительстве, руководимом мудрым и гениальным вождем, товарищем Сталиным.

«Развернув колхозное строительство, мы добились того, что уничтожили эту кутерьму и несправедливость, разбили кулацкую кабалу, всю эту массу бедняков вовлекли в колхозы, дали им там обеспеченное существование и подняли их до уровня середняков, могущих пользоваться колхозной землей, льготами в пользу колхозов, тракторами, сельскохозяйственными машинами...

Но это только первый наш шаг, первое наше достижение на пути колхозного строительства.

Было бы неправильно думать, что мы должны остановиться на этом первом шаге, на этом первом достижении. Нет, товарищи, мы не можем остановиться на этом достижении. Чтобы двинуться дальше и окончательно укрепить колхозы, мы должны сделать второй шаг, мы должны добиться нового достижения. В чем состоит этот второй шаг? Он состоит в том, чтобы поднять колхозников,— и бывших бедняков, и бывших середняков,— еще выше. Он состоит в том, чтобы сделать всех колхозников зажиточными»².

Практика показывает, что мы уже сделали значительные успехи в осуществлении этой, поставленной товарищем Сталиным, задачи. Наша колхозная деревня год от году делается все зажиточнее, культурнее. У нас уже немало таких колхозов, как например колхоз им. Ленина в Кирсановском районе. Колхозники живут здесь в новых домах с электрическим освещением, с центральным отоплением. В этом колхозе несколько автомобилей. Все дома радиофицированы. Колхозники все без исключения ликвидировали неграмотность. В колхозном клубе есть звуковое кино. В клубе активно работают кружки и команды велосипедистов, лыжников, конькобежцев, футболистов, теннисистов, музыкантов, драмкружок и т. д. Команда лыжников этого колхоза заняла пятое место на всесоюзных состязаниях. Телятницы, доярки, полеводы в нерабочее время прекрасно одеты. На клубных вечерах, в ярко освещенных электричеством залах, они охотно танцуют.

А на западе... Крестьяне экономят на соли, на спичках и освещают свои хаты лучинами.

Рассказывая о своей жизни, польские крестьяне пишут в книге, изданной Варшавским институтом социальной экономики:

«Нищета в деревне ужасающая. Из бедных крестьян только немногие имеют хлеб, а мясо едят только на рождество и на пасху, и то не всегда. Дети чахнут и обрастают грязью».

«Ныне,— сообщается в письме другого польского крестьянина,— мы отказываем себе решительно во всем. Сахару мы не потребляем, разве

¹ Ленин, Соч., т. V, стр. 285—286.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 531—532, изд. 10-е.

только что большими праздниками. На соли экономим. Она очень дорогая. Женщины приносят огонь из дома в дом в железных горшках... Избы освещаются просто лучинами...».

В письме одного польского крестьянина говорится: «Крестьянину уже безразлично, умереть ли медленной смертью или сразу итти на смерть».

Кошмаром капиталистической действительности веет от этих строк.

Право на труд и на его оплату в соответствии с количеством и качеством труда, записанное в сталинском проекте новой Конституции СССР, прочно и навсегда завоевано лишь в нашей социалистической стране под руководством великой партии Ленина — Сталина. Колхозное крестьянство советских деревень, избавленное от эксплуатации, безземелья, классового расслоения, пауперизма, кризисов и беспросветной тупости старого деревенского быта, бодро идет по пути зажиточной, культурной и счастливой социалистической жизни.

Новейшие тенденции в развитии станкостроения

Стахановское движение, открывшее новую полосу нашего хозяйственного развития и культурно-технического подъема, обеспечивает решение коренной задачи социализма — достижение производительности труда, высшей, чем при капитализме. Об этом говорят блестящие итоги первой половины стахановского года: в тяжелой промышленности за первое полугодие 1936 г. производительность труда показывает примерно 30,3% роста против 15,5% в 1935 г., т. е. удвоение темпов.

Тов. Орджоникидзе в своей речи на Совете при наркоме 29/VI 1936 г. во весь рост поставил задачи борьбы за новые успехи, при этом намеченные им перспективы далеко выходят за пределы плана 1936 г. и подводят нас вплотную к задачам третьей пятилетки. Предостерегая работников тяжелой промышленности против успокоения на достигнутых успехах, обращая их внимание на то, что «техника непрерывно движется вперед, берет все новые и новые высоты», т. Орджоникидзе требовал более глубокого изучения мировой техники и мировых нормативов, чтобы на деле реализовать великие лозунги Ленина и Сталина — догнать и перегнать передовые в техническом отношении капиталистические страны. «Мы находимся на подступах практического разрешения великой проблемы, поставленной великим вождем Лениным, — догнать передовые страны и перегнать их. Кое в чем Европу мы уже перегнали и перегнали довольно хорошо, довольно основательно. Но от Америки мы еще далеки».

В этой связи большое внимание было уделено на Совете вопросам дальнейшего развития станкостроения, этой ведущей отрасли машиностроения. Необходимость больших скоростей и мощностей, агрегатирование станков, выпуск новейших производительных станков для нашей авто- и авиопромышленности и других отраслей, стандартизация, кооперирование производства как могучий рычаг увеличения производственных мощностей станкостроения — вот те задачи, которые выдвигались перед станкостроителями на Совете при наркоме тяжелой промышленности, собравшемся для подведения итогов и проверки выполнения решений декабрьского пленума ЦК ВКП(б) о развитии стахановского движения.

Передовые стахановцы машиностроения уже выдвинули перед станкостроителями предложение — создать новый «стахановский станок», имеющий большие мощности и скорости, соответствующие высоким стахановским режимам резания металла, с максимальной автоматизацией всех операций и заменой ручного труда. Перед нашим станкостроением таким образом стоит задача наряду с критическим освоением достижений техники станкостроительной промышленности передовых капиталистических стран проложить

путь к самостоятельному развитию социалистической техники в этой отрасли.

1. Новые мощности и скорости, новые режимы работы станка

В области развития станкостроения мы добились исключительных успехов. За годы первой и второй пятилеток создана заново советская станкостроительная промышленность. Об этом говорят красноречивые цифры роста продукции этой отрасли.

Выпуск станков (в штуках)¹

1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г. (план)
1 783	3 798	7 062	16 675	18 124	18 612	21 131	24 500	32 000

Наряду с количественным ростом выпуска непрерывно улучшается качественный состав станков в сторону увеличения удельного веса квалифицированных станков, наиболее отвечающих современному уровню техники, как-то: автоматов, полуавтоматов, шлифовальных, зуборезных и фрезерных.

Крупнейшим достижением является успешное выполнение решений XVII партсъезда об освоении за второе пятилетие 200 новых типов-размеров станков. Этот план все время перевыполняется.

Находилось в производстве типоразмеров

Г о д ы	План	Фактически
1932	—	48
1933	69	80
1934	132	151
1935	173	214

Освоение техники в станкостроительной промышленности имеет особо важное значение в деле освобождения от иностранной зависимости и решения задачи догнать и перегнать передовые страны Европы и Америки. Исключительная роль станкостроения в этом деле характеризуется тем, что из всего ввезенного за годы первой пятилетки импортного оборудования для промышленности подавляющая часть приходится на металлообрабатывающие станки.

Мы достигли решающих результатов в деле полного освобождения от иностранной зависимости. Об этом говорят следующие цифры:

Удельный вес внутреннего производства и импорта в общем количестве установленных за данный год станков (в %) ²

Г о д ы	Внутреннее производство	Импорт
До 1917	28,8	71,2
1918—1928	41,5	58,5
1929—1931	50,3	49,7
1932	56,3	43,7
1933	63,9	36,1
1934 (с 1/I по 1/IX)	62,7	37,3

¹ 1927/28 — 1934 гг. по данным ЦУНХУ; 1935 — 1936 гг. по данным Главстанкоинструмента.

² По данным ЦУНХУ.

Внутреннее производство станков из года в год все более крепнет, роль импорта падает. Однако количественные размеры нашего выпуска далеко еще не достаточны. Особенно дает себя чувствовать наше отставание в области высокопроизводительных и крупных станков: шлифовальных, автоматов, зуборезных, расточных, карусельных, протяжных.

Однако кроме количества большое значение имеет конечно соответствие станков современному уровню техники. Мы живем в эпоху «больших скоростей», и первейшими качествами станка должны быть быстроходность и мощность.

Нет пожалуй другой отрасли, в которой за последние годы имели место такие технические сдвиги, как станкостроение. Да это и понятно: являясь ведущей отраслью, определяющей технологию изготовления всех других машин, станкостроение отражает технические сдвиги, условия развития и потребности всех прочих отраслей машиностроения.

Нагляднее всего это видно на американском станкостроении. Последнее, занимая первое место в мире, дает богатый и поучительный материал как в области технических тенденций, так и в отношении перспектив развития для нашей молодой станкостроительной промышленности.

Годы кризиса и депрессии особого рода были для американских промышленников годами усиленной работы над усовершенствованием конструкции станков. Таким путем американские капиталисты пытались выбраться из кризиса и готовились к новым сверхприбылям. До какой низкой точки упала загрузка станкостроительных заводов в США, видно из того, что количество новых заказов в 1932 г. составляло лишь 12% количества заказов 1929 г.

Все развитие станкостроения за последние несколько десятков лет проходило под знаком непрерывного роста скоростей, а с ними и мощностей станка. Революционизирующую роль здесь играл инструмент, который неоднократно вызывал перевооружение всего станочного парка, для того чтобы последний соответствовал возможности полного использования свойств новых быстрорежущих инструментов. Так было при появлении быстрорежущей стали (1900 г.), которая позволила увеличить скорости в 2—4 раза и для которой старые станки, построенные во времена углеродистой стали, были уже тихоходными и маломощными. Большое влияние оказал появившийся позже (1907 г.) быстрорежущий сплав — стеллит, допускаявший скорости вдвое большие, чем резцы из быстрорежущей стали. Но особенно сильное действие имели появившиеся 9 лет назад (1927 г.) сверхтвердые быстрорежущие сплавы в виде вольфрамово-карбидных сплавов (выпускаемых в отдельных странах под различными названиями: «видий» — в Германии, «карбой» — в Америке, «победит» — в СССР). Эти сверхтвердые сплавы превосходили быстрорежущую сталь по скорости резания в 4 и более раз. Станкостроение немедленно реагировало на это постройкой новых мощных и быстроходных станков, причем процесс этот, продолжающийся до настоящих дней, получил особо сильное развитие за последнее пятилетие.

Непрерывно растущая роль быстрорежущего инструмента и его влияние на конструкции станков были продемонстрированы на мировых станкостроительных выставках в Лондоне (конец 1934 г.) и в Кливленде (США — сентябрь 1935 г.).

Журнал «American Machinist» (25/V 1935) считает, что производительность многих станков за десятилетие 1925—1935 гг. увеличилась больше чем в 10 раз. Если взять отдельные группы станков, то средние токарные станки уже имеют скорость от 3 тыс. до 6 тыс. оборотов в минуту, в то время как несколько лет назад обычно скорость равнялась 600 оборотам в минуту. Автоматические токарные станки, по мнению журнала «Machinery» (октябрь 1934 г.), увеличили за последние годы скорости от 4 до 6 раз и больше.

Журнал «Product Engineering» (сентябрь 1935 г.), посвященный Кливлэндской выставке, описывает станки «керни-тренажер», которые 10 лет назад имели подачи до 16 дм (400 мм) в минуту и скорости до 350 оборотов в минуту, а теперь подачи 60 дм (1 500 мм) в минуту и скорости до 1 500 оборотов в минуту. Таким образом можно констатировать увеличение в 4 раза по каждому из этих факторов в отдельности, что должно дать общее увеличение «условной производительности» в 16 раз (условная производительность = произведению скорости на подачу).

Для разрешения задачи высоких скоростей приходят на помощь электричество, пневматика, гидравлика. Так например строгальные станки «биллетер» и «клунц», имеющие электромагнитный привод вместо механического, достигли скорости в 67 м в минуту и обратного хода в 100 м в минуту. Таких скоростей механические приводы раньше не давали. Сверлильные станки фирмы Герберт достигли при помощи пневматики рекордной скорости 60—80 тыс. оборотов в минуту.

Все это дает непрерывное увеличение производительности станков. Так например фрезерные станки обрабатывали в 1926 г. 110 шатунов в 1 час, а в 1932 г.—250 шатунов. Производительность шлифовальных станков — по внутренней шлифовке отверстий шестерен — составляла в 1920 г. 20 штук в час, а в 1935 г.—120 штук («Machinery», 9/I 1936 г.).

Роль больших скоростей не ограничивается только увеличением производительности станка, но отражается на качестве обрабатываемой поверхности, которая получается более ровной и гладкой. Журнал «Automobile Engineering» (июнь 1935 г.) удачно сравнивает влияние высоких скоростей на отделение металлической стружки с действием ружейной пули, пробивающей отверстие в листе стекла благодаря скорости своего движения.

Однако технические сдвиги, которые достигнуты за последнее время в мировом станкостроении, особенно в американском, пока не нашли достаточного отражения в нашем станкостроении. Основная масса изготавливаемых нами станков еще относится к тем типам, которые мы копировали с лучших зарубежных образцов 4—5 лет назад и даже раньше, но которые теперь уже являются отсталыми. Так например наши токарные станки с максимальными скоростями еще только осваиваются Ижевским заводом. Эти станки (тип «161с» и «161л») небольших размеров, имеют 3 000—3 200 оборотов в минуту, назначены для обработки мелких деталей из легких металлов и в 1935 г. еще не имели серийного выпуска. Максимальная скорость фактически выпущенных станков — это 1 180 оборотов в минуту для станков типа «161», которых было изготовлено в 1935 г. всего лишь 73. Подавляющая масса выпускаемых нами токарных станков имеет наибольшую скорость 600—700 оборотов в минуту. Между тем новейшие зарубежные станки имеют для мелких станков скорости до 5—6 тыс.

оборотов в минуту, а для средних — 3 тыс. оборотов в минуту и выше. Большие скорости имеют также крупные станки. Кроме того по мощности эти станки сильнее наших.

По автоматам характерен тип «индекс» (12 мм) с 4 тыс. оборотов в минуту, который лишь в 1935 г. стал выпускаться нами серийным порядком (75 штук). Между тем на Лондонской выставке (конец 1934 г.) тот же станок уже имел 7 500 оборотов в минуту, т. е. вдвое большую скорость. Это характеризует быстрые темпы изменения конструкций станков. По фрезерным станкам мы, правда, уже начинаем осваивать конструкции с числом оборотов выше 500, но в среднем наши скорости и подачи в 2—3 раза меньше новейших показателей.

Приведенные данные по основным группам станков показывают, какие быстрые темпы требуются для освоения новейшей техники станкостроения и какие потери несет наша страна от замедления этих темпов. Так, наши токарные станки, имеющие недостаточные скорости, уже не годятся для изделий малого диаметра, при работе резцами из сверхтвердых сплавов, где требуется большое число оборотов (так как с уменьшением диаметра изделия скорость резания при том же числе оборотов уменьшается). В результате небольшие диаметры сплошь и рядом обрабатываются на пониженных скоростях, что ведет к понижению производительности.

Следует еще принять во внимание, что увеличивающееся применение легких металлов (алюминия, магния и др.) для авто-авио- и военной промышленности требует увеличения числа оборотов в станках, так как эти мягкие металлы допускают обработку со скоростями в несколько раз большими по сравнению с чугуном и сталью. Это еще один немаловажный фактор, требующий форсирования скоростей наших станков.

Стахановское движение со всей силой выдвинуло вопрос о режимах работы станка. Высокие скорости резания, более смелые подачи, большее сечение снимаемой стружки, одновременная работа несколькими режущими инструментами, словом, более полное использование мощности станка — все это характерно для работы стахановцев-станочников всех отраслей, стремящихся выжать из техники максимум возможного. Стахановцы сплошь и рядом увеличивали скорости резания, подачи и глубину резания в 2—3 раза, показывая например скорость резания вместо 60 м в минуту 120 м и больше.

Во многих случаях режимы могли быть усилены без каких-либо изменений в станке, просто ломкой и исправлением отсталых технических норм и паспортов. Все же в большинстве случаев применение повышенных режимов и более широкое внедрение твердых сплавов в связи со стахановским движением потребовали некоторой модернизации станка, обновления, замены и усиления многих его частей: сменных шестерен, шкивов, ремней, моторов, особенно последних. Да это и понятно, если учесть, что недостаточная мощность является одним из слабых мест нашего парка станков и что новые режимы резания и применение твердых сплавов требуют соответствующего увеличения мощности моторов станка.

Однако для полного использования сверхтвердых сплавов во всевозможных случаях металлообработки одна только модернизация действующего уже парка оборудования окажется недостаточной. Наша станкостроительная промышленность должна приступить к выпуску новейших, более совершенных быстроходных и мощных станков. Нужны новые конструкции, рассчитанные на большую на-

грузку соответственно высоким режимам работы: новые более прочные механизмы (особенно шестерни), новые антифрикционные подшипники (шарико- и роликоподшипники и др.), надежная смазка (автоматическая смазка под давлением), устойчивость против вибрации, выверенные и сбалансированные детали (имеющие значительные вращающиеся массы и высокие числа оборотов), не говоря уже о мощных моторах.

В этом направлении нами уже предпринят ряд мероприятий. Так, разработана конструкция быстроходного токарного станка с числом оборотов 2 тыс. в минуту (завод «Красный пролетарий»). За этими первыми станками должны последовать другие, еще более быстроходные. Вместе с тем увеличивается мощность вновь осваиваемых нами станков. Так, средняя мощность новых осваиваемых типов составляла в 1933 г. 5,3 л. с., в 1934 г.—8,6 л. с. и в 1935 г.—10 л. с.

В условиях бурно развивающегося социалистического хозяйства мы имеем неограниченные возможности для применения новейшей техники и для обновления нашего парка станков все большим числом мощных и быстроходных конструкций. Американское станкостроение, несмотря на значительные достижения техники, не может их реализовать. Кризис и тяжелая депрессия задерживают обновление оборудования. Число старых металлообрабатывающих машин (с возрастом выше 10 лет) растет: так, в 1930 г. таких машин было 48%, а в 1935 г. уже 65% («Machinist», 25/V 1935). За последние пять лет обновление станочного парка США составляет лишь 9,6%, между тем как у нас лишь за трехлетие, 1932—1935 гг., парк станков металлообрабатывающей промышленности увеличился за счет новых станков больше чем на 25%.

2. Усовершенствование управления и автоматизация станка

Увеличение скорости и мощности станка позволило работать при высоких скоростях резания и больших сечениях стружки, что привело к уменьшению машинного времени, необходимого на обработку изделия. Однако полное время обработки изделия состоит кроме машинного времени, т. е. времени непосредственной работы станка, еще из вспомогательного времени, куда входят установка и снятие изделия, инструмента и приспособлений, пуск станка, переключение скоростей, остановки, измерения и т. п. По данным некоторых иностранных источников, машинное время составляет не более 30—40% всего времени обработки. Таким образом подавляющая доля падает на вспомогательное время, и сокращение последнего открывает огромные резервы использования оборудования. Уменьшение машинного времени со всей резкостью выдвинуло задачу сокращения вспомогательного времени, составляющего значительную величину.

Современная техника достигла больших успехов в деле сокращения вспомогательного времени путем различных механизмов и усовершенствований в конструкциях, способствующих механизации и автоматизации движений станка и сокращающих ручные операции станочника. Для нас этого рода технические усовершенствования представляют тем больший интерес, что, будучи основаны на электрификации станка и автоматизации его рабочих функций, они повышают культуру труда и открывают перспективу для того изживания противоположности между умственным и физическим трудом, о котором говорил товарищ Сталин на совещании стахановцев.

Достижения современного станкостроения в области автоматизации и сокращения вспомогательного времени очень значительны. По удачному выражению журнала «Machine Design», станок испытал за последнее время «атаку на вспомогательное время». Некоторые видные станкостроители, изучавшие Кливлэндскую выставку, считают, что экономия по линии вспомогательного времени (за счет ускоренных холостых движений подачи, упрощения управления и централизации его) получается от 25 до 75%¹.

Автоматизация доходит иногда до охвата полного цикла работы станка. Так, на одном американском вертикальном плоскошлифовальном станке вся обработка (шлифовка торцов цилиндрических предметов размерами 25 × 45 мм) происходит без всякого прикосновения к изделию. Полностью автоматизированы операции подачи, закрепления, обработки, снятия, а также измерения обработанного изделия.

Развитие автоматизации находит свое выражение в том, что станки общего назначения — обычные токарные и револьверные — все более приближаются по принципам своей работы к автоматам, что позволяет одному рабочему управлять несколькими станками. Такие станки в большом количестве демонстрировались на американской выставке в Кливлэнде².

Электричество вообще играет выдающуюся роль в усовершенствовании управления станком. Автоматизм на электрической основе открывает неограниченные возможности увеличения производительности станка как сокращением машинного, так и вспомогательного времени. Электричество делает возможным осуществление самых сложных циклов работы и обеспечивает надежность и автоматический контроль операций. Создается новый тип труда, освобожденного от грубой мускульной работы, но зато обладающего высокой квалификацией и техническими знаниями, необходимыми для управления сложной и тонкой аппаратурой электрифицированных автоматов.

Наиболее полное выражение эти принципы получили в таких станках, как «пауэр-пэк» фирмы Ингерсол миллинг, или в станках типа «Келлер». В новогоднем номере журнала «Iron Age» (2 января 1936 г.) Губбард (G. Hubbard) в статье «Пятилетняя революция в конструкциях станков» дает следующее описание этих новых методов работы: «Оператор управляет станком подобно капитану большого корабля, даже лучше, потому что его приказы выполняются электромеханизмами, не допускающими никаких ошибок, а не человеческими существами, слишком часто ошибающимися». Далее автор останавливается на новых станках фирмы «Монарх», представляющих совмещение токарного станка с автоматическим управлением при помощи копира «Келлер». Этот станок производит обточку по шаблону таким образом, что копир, идя по шаблону, воздействует на реле, включающее электромагнитные муфты. Последние дают необходимые движения резцу. По этому поводу Губбард замечает: «Поскольку в этих станках шаб-

¹ «Iron Age», 31/X 1935.

² Примером может служить новый токарный станок «санстрэнд». Изделие закладывается в самоцентрирующий зажимный патрон. Рабочий, нажимая на педаль, помещенную внизу, включает пневматический зажим. Кнопочным управлением на переднем суппорте станок пускается в ход. Станок работает автоматически. После окончания операции суппорт возвращается в исходное положение, при этом ток автоматически выключается и электротормоз останавливает шпиндель.

Наш завод «Красный пролетарий», выпускающий аналогичные станки МТ-20 и МТ-30, должен учесть такие нововведения.

лон при помощи электричества очень точно контролирует работу инструмента, можно сказать, что эти машины делают как бы прямой скачок от чертежа к готовой детали».

Точно так же на Лейпцигской выставке 1936 г. в Германии был выставлен станок, который автоматически фрезерует лопасти пропеллеров непосредственно с чертежа посредством фотовизора, проходящего по линии чертежа и управляющего движением резцовой головки.

Электричество таким образом проникло в самые различные части и механизмы станка и охватило самые разнообразные функции его работы. Для иллюстрации многообразных форм применения электричества можно указать на следующие области электрификации станка и примеры незаменимого действия электричества:

1. Многоскоростные и регулируемые моторы упрощают механическую шестеренную систему изменения скоростей, а часто совершенно упраздняют сложные шестеренные коробки скоростей.

2. Кнопочное управление упрощает управление станком, осуществляя включение и выключение станка, регулирование числа оборотов, изменение направления вращения, закрепление изделия в зажимных патронах и т. д. Кроме того кнопочное управление позволяет обслуживать и управлять станком с одного места, а также облегчает и ускоряет эти операции, устраняя более трудную работу рычагами и маховиками.

3. Автоматические включения и выключения механизмов станка, зависящие непосредственно от хода технологического процесса обработки, например автоматические остановы в нужном месте, в нужное время, подвод и отвод инструмента, изменение скорости на ходу, регулирование времени работы (через реле времени) — все это автоматизирует операции, вплоть до полных автоматических циклов работы станка.

4. Фотоэлементы для автоматического управления, контроля, измерения, сигнализации и регулирования операций.

5. Синхронизация (согласованность) работы отдельных шпинделей и механизмов, имеющих самостоятельные моторы.

6. Взаимная электроблокировка механизмов и моментальное автоматическое выключение предотвращают возможность одновременного включения механизмов. Электроблокировка, являясь ценным устройством в станке, получает широкое применение.

Все эти преимущества электричества приводят ко все большему вращению электродвигателя в станок. Станок, электродвигатель, пусковые, соединительные и регулирующие приборы представляют собою одно органическое целое. Электрическая энергия как бы подводится к самому резцу. Отсюда все растущая тенденция сделать мотор составной частью станка таким образом, что шпиндель представляет ротор мотора, а корпус бабки — статор. Таковы станки фирмы Вард, Вернер Свази, Леблонд, Герберт и др.

Область электрического регулирования в станках все более расширяется за счет регулирования механического. Все это дает основание Губбарду в упомянутой выше статье прийти к заключению, что «применение децентрализованной электроэнергии в виде отдельных моторов совершенно покончило со сложными и громоздкими механическими способами передачи энергии и управления».

Электрификация станка, заменяя механические соединения и передачи, облегчает также вес и уменьшает габарит станка.

Немалое значение в усовершенствовании и облегчении управления станком имеет также гидравлика, получающая все большее применение в качестве привода для самых различных станков. Кроме того широкое распространение получают гидравлические вспомогательные устройства в виде патронов для зажима изделий и др. О размерах распространения гидравлики можно судить по тому, что из общего количества в 900 станков на Кливлэндской выставке в США можно было насчитать не менее 10%, имеющих в том или ином виде гидравлику¹.

Выдвинутое стахановцами предложение о выпуске нового «стахановского станка» отражает настойчивую необходимость вооружить стахановцев новейшей техникой. Интересны требования, предъявляемые стахановцами к новому станку. Это 1) замена шестеренной коробки гидравлической или регулируемым мотором; 2) автоматическое увеличение скорости вращения шпинделя по мере приближения реза к центру; 3) тормоз для быстрого останова шпинделя; 4) автоматические остановы; 5) приборы для измерения деталей на ходу станка; 6) быстродействующие установочные и зажимные приспособления и др.

Мы выше уже видели, что этим требованиям как раз и отвечают новейшие станки.

Остановимся на некоторых характерных для работы стахановцев моментах, которые во весь рост ставят перед нашим станкостроением задачу — снабдить в кратчайший срок наши станки новейшими приспособлениями и усовершенствованиями, сокращающими вспомогательное время.

Стахановцы стараются максимально уплотнить время работы станка как за счет машинного времени, так и за счет вспомогательного времени. Это достигается новыми режимами резания, сокращением холостых ходов станка, экономией на ручных операциях, внесением многочисленных стахановских поправок, «подгоняющих» работу станка.

Вот пример работы т. Гудова (завод им. Орджоникидзе):

Тов. Гудов изготовлял стальные муфты длиной 150 мм, имеющие на боковой поверхности 3 выточки шириной по 20 мм. Он учел, что фрез, проходя над выточками, будет делать холостой ход и что продолжительность этого холостого хода можно резко сократить, если вручную прогонять столы в моменты подхода фрезы к выточкам. На каждой детали он сэкономил этим до 6 минут. Эта экономия машинного времени шла целиком за счет того, что он не сидел в ожидании, пока фрез вхолостую пройдет самоходом, а стоял у станка и очень быстро подавал стол вручную. Таким образом он сокращал холостые ходы фреза, заменяя медленную самоходную подачу ручной. Кроме того т. Гудов смело форсирует режимы резания.

Заметим, что на Кливлэндской выставке был показан станок, вполне соответствующий методам работы т. Гудова и не нуждающийся в ручной «подгонке». Это фрезерный станок «санстрэнд-электромия» для фрезеровки деталей, имеющих такую форму, где между обрабатываемыми поверхностями имеется промежуток холостого хода. Станок этот имеет при фрезеровке поверхности одну скорость, но по окончании фрезеровки и до другой обрабатываемой поверхности он идет быстрым ходом. Подойдя же к следующей обрабатываемой

¹ См. «Американская техника и промышленность» № 10, 1935 г., статья И. Маркова.

поверхности, он уменьшает скорость. Для осуществления такого режима работы на столе станка имеются специальные рычажки, которые действуют на выключатели и тем самым включают разные скорости и обратный ход. Такие же меняющиеся скачкообразные подачи введены в станках Горьковского завода «симплекс» и «дуплекс».

Бьющая ключом инициатива стахановцев, добившихся форсированных режимов резания и усовершенствования вспомогательных операций, уже оказала свое влияние на развитие нашего станкостроения. Главстанкоинструментом приняты меры к устройству автоматических остановов в станках, к переводу револьверных станков на работу по упорам и намечены другие мероприятия по усовершенствованию управления в станках.

Горьковский завод фрезерных станков дает пример внедрения электричества, благодаря чему уже в 1935 г. достигнуты значительные результаты в упрощении станков: упраздняются фрикции, муфты и сложные механические переключения станка.

Другим примером может служить наш завод «Комсомолец», где электрификация станка «534» значительно упростила управление, облегчила станок (около 20 деталей оказались ненужными) и повысила его производительность. Последняя выше по своей производительности однотипного заграничного станка «Барбер-Кольман». Кроме того станком может управлять менее подготовленный рабочий.

Надо однако сказать, что работа по автоматизации и электрификации станка у нас только в самом начале. Наши средства управления станком еще крайне примитивны. Существующие у нас зажимные приспособления — трехлапчатые патроны Муромского завода — не обеспечивают прочности крепления деталей и тормозят работу стахановцев на высоких скоростях резания. Отраслевая конференция станкостроения по пересмотру норм и мощностей (февраль 1936 г.) предложила Главстанкоинструменту усилить производство пневматических патронов.

Надо отметить отставание нашей электропромышленности, не обеспечивающей снабжения станков электроаппаратурой, современными приводами и электроавтоматическими устройствами. Недопустимо медленно выполняется приказ НКТП еще от 1/VI 1932 г., ставящий перед станочной промышленностью задачу «приспособления конструкций для работы с инструментом из современных твердых сплавов и применения современного электропривода и электроавтоматизации».

3. Станки из стандартных агрегатов и их значение

Из новейших тенденций современного станкостроения большой интерес представляет одна твердо выявившаяся организационно-техническая и конструктивная форма — гибкость и приспособляемость конструкции станка. Эта тенденция настолько важна и богата перспективами не только для станкостроения, но и для других отраслей машиностроения, что усиленно подчеркивается всеми внимательными наблюдателями развития станкостроения.

Гибкость и приспособляемость станка проявляются в самых различных формах, но особенно крупным шагом в этом направлении было появление в самое последнее время станков, собранных из стандартных агрегатов, т. е. состоящих из подвижных, взаи-

мозаменяемых, самостоятельных частей. Эти части часто функционируют в виде стандартных головок — сверлильных, фрезерных, расточных, нарезных, но наиболее полное отражение эти новые конструкции получили в системе силовых головок «пауэр-пэк», появившихся в 1933 г.

Агрегаты, составляющие такой комбинированный станок, могут быть собраны в любых сочетаниях и комбинациях, могут принять самое различное положение как по отношению к обрабатываемому предмету, так и друг к другу. Такие стандартные агрегаты могут обрабатывать предметы самых различных форм и размеров и с большой производительностью выполнять разнообразные операции. Эта универсальность новых станков позволяет применять их даже в случаях часто меняющихся условий производства, когда подвергаются изменению конструкция или размеры всей изготавливаемой машины или ее отдельных частей. Именно благодаря этой гибкости и приспособляемости эти станки приходят на смену сложным специальным станкам, приспособленным лишь к обработке деталей определенного размера и формы и по твердо установленному кругу операций. Частая смена конструкций изготавливаемых машин, происходящая под влиянием быстрого развития техники, с одной стороны, и подгоняемая в странах капитала жестокой конкуренцией — с другой, делает крайне невыгодным и обременительным сохранение в производстве сложных специальных станков узкого назначения.

Специальные станки узкого назначения, обычно употребляемые в станкостроении (например многошпиндельные сверлильные, расточные, фрезерные для обработки блоков цилиндров и т. п.), являются станками сложными и дорогостоящими, изготавливаются небольшими партиями, иногда даже в единичных экземплярах, в то время как стандартные агрегаты уже по своему названию говорят об их изготовлении серийным порядком со всеми преимуществами организации стандартного производства. Кроме того станки из стандартных агрегатов легко могут быть приспособлены не только к условиям массового производства, но и к небольшому размеру партий, так как их переналадка и перестройка стоят сравнительно недорого.

Идея гибкого сочетания взаимозаменяемых элементов находит применение не только в металлорежущих станках, но и в других видах оборудования. Примером может служить конструкция составных взаимозаменяемых матриц в тяжелых штампах для изготовления кузовов автомобилей. Именно таким путем завод Будд (Budd) получил возможность выполнить конструкции кузова для всех моделей фирмы Студебекер, включая сюда модели со сравнительно небольшим размером выпуска. Журнал «Automotive Industries» (23/III 1935 г., статья Гешелина), откуда взяты приведенные факты, считает, что такие методы работы являются предпосылкой конструирования на несколько лет вперед: «В идеале инженер должен уметь планировать на несколько лет вперед и добиться производства новых моделей кузовов, не выбрасывая за ненадобностью вложений в оборудование».

Эти методы «конструирования вперед» в автопромышленности уже осуществлены на практике. Об этом рассказывает директор ЗИС т. Лихачев, наблюдавший на кузовных заводах США модели кузовов для 1937 и 1938 гг. При этом т. Лихачев считает, что у нас в СССР на заводе ЗИС через год — полтора мы получим возможность на ходу перевооружать производство штампами, безболезненно переходить на

новые формы кузовов и введем у себя американский способ конструирования «вперед»¹.

В условиях современного капитализма новейшие усовершенствования техники не получают широкого применения. Даже в США система «пауэр-пэк», несмотря на свои преимущества, проверенные на практике, находит крайне ограниченное применение. Тяжелые уроки кризиса, неуверенность в завтрашнем дне сдерживают применение новейшей техники.

Зато в СССР, где налицо недоступный для капитализма твердо обеспеченный спрос, где разворачиваются небывалые темпы роста производства, где производительность социалистического труда и стахановских методов работы уже показывает образцы, превышающие капиталистические нормы, идея станков из стандартных агрегатов и система «пауэр-пэк» находят самую благоприятную почву для широкого применения. Советская станкостроительная промышленность одна из первых подхватила идею агрегатирования и приступила к внедрению этой конструкции в нашу промышленность. Заводом «Станкоконструкция» выпущены стандартные многошпиндельные сверлильные головки 5 и 10 л. с., на базе которых сконструирован ряд станков для автотракторной промышленности. В самое последнее время (начало 1936 г.) изготовлен агрегатный станок для обработки тьюбингов, во много раз повышающий производительность обычных станков, и подготавливается полный комплекс целой линии агрегатных станков для обработки блока Горьковского автозавода. Кроме того в течение 1936—1937 гг. должно быть изготовлено много десятков агрегатных станков для реконструируемых Харьковского и Сталинградского тракторных заводов. Это — сложные многошпиндельные сверлильные и расточные станки, которые будут снабжены стандартными головками. Достижение гибкости и приспособляемости станка имеет и другие, более простые и давно уже известные выражения. Это можно видеть на примере стандартного станка (т. е. обычного, изготавливаемого серийно станка). Этот простой универсальный станок приспособляется самыми разнообразными способами к тому, чтобы заместить свою противоположность — специальный станок. Стандартный станок, развиваясь в этом направлении и вооружаясь приспособлениями, дополнительными механизмами, стандартными головками и агрегатами, таким путем перенимает черты высокопроизводительных автоматов и специальных станков: большие скорости и подачи, быстрые обратные ходы, автоматизацию операций, быструю установку и снятие изделий, возможность выполнять дополнительные операции и т. п.

Журнал «*Machiney*» (декабрь 1933 г.) приводит пример фрезерного станка «цинцинати», оборудованного для работы, которая выполнялась ранее специальным станком: при помощи шестигранного приспособления изделие автоматически подводится к фрезам, причем каждая сторона приспособления держит четыре изделия. Автоматически действуют зажимы, удерживающие изделия во время работы. Подача стола автоматически регулируется. Это оборудование имеет все преимущества специального станка, работает точно, автоматически и не требует квалифицированного труда.

Практическое осуществление указанных принципов в громадном масштабе можно видеть на примере Дженераль Электрик Ко — концерна, располагающего парком работающих станков в 25 тыс. единиц.

¹ Газета «За индустриализацию» от 24/IX 1935 г.

Гибкое комбинирование универсальных станков, с одной стороны, приспособлений и стандартных агрегатов — с другой, является главным способом обеспечения потребности в оборудовании для этого гигантского предприятия¹.

Интересно заявление Wibel, представителя мирового гиганта автомобильной промышленности завода Форда, имеющего 42 тыс. работающих станков. Он считает, что прежние специальные станки являются теперь стандартными. Нужда в большом количестве специальных машин уменьшилась, так как эта фаза станкостроения для автопромышленности проходит. Станки для автопромышленности одновременно и специальные, и универсальные, и стандартные — в том смысле, что служат и для других отраслей и что станкостроители научились их изготавливать стандартным порядком².

Следует еще отметить большую организующую роль этой новой конструктивной формы в деле облегчения самого производства в станкостроительной промышленности как в отношении конструирования, так и изготовления станков. Перед станкостроением встают колоссальные задачи в связи с необходимостью обеспечить орудия для изготовления машин в многочисленных отраслях машиностроения в условиях непрерывных технических сдвигов, особых для каждой отрасли. Решение этих задач и создание громадного числа разнообразных новейших типов станков было бы чрезвычайно затруднено, если бы мы не располагали методом гибкого маневрирования стандартными агрегатами и другими элементами станка.

Не менее важно значение агрегатных станков для оборонной промышленности. Для последней особенно ценной является гибкость станочного парка для быстрого решения новых задач в условиях меняющихся и совершенствуемых моделей изготавливаемых изделий. Важность агрегатирования, позволяющего выпускать любой станок, была подчеркнута на заседании Совета при наркOME тяжелой промышленности (июнь 1936 г.) т. Рухимовичем, указавшим нашим станкостроителям на недостаточные темпы изготовления этих станков.

Задача догнать и перегнать капиталистические страны, интересы быстрых темпов внедрения технического прогресса на основе беспрепятственного перехода к новейшим типам продукции в важнейших отраслях нашей промышленности (авто-авиопромышленность и т. д.) требуют создания соответствующей базы в основных средствах производства в виде новой гибкой и подвижной системы станков. Станки из стандартных агрегатов являются такой базой.

Станки из стандартных агрегатов являются дальнейшим развитием общих методов стандартизации, возникших вместе с массовым производством.

Методы массового производства большого количества одинаковых стандартных машин, состоящих из стандартных взаимозаменяемых деталей, оказались настолько эффективными, что проникли даже в предприятия мелкосерийного и индивидуального производства. Стандартизация³ — вот путь, который приобщает этого рода предприятия к методам массового производства. Предприятия мелкосерийного и индивидуального производства не могут

¹ «Iron Age», 5/IX 1935, ст. Danekind.

² Там же, 5/IX 1935.

³ Под стандартизацией здесь разумеется изготовление одинаковых деталей, общих для разных типов машин.

производить большого количества однотипных машин, зато они могут изготавливать отдельные стандартные детали и узлы, общие для разных типов и размеров машин, и таким образом частично перейти на рельсы крупносерийного производства.

Примером может служить известный английский завод Метро-Виккерс, отличающийся большим разнообразием продукции (турбины, компрессоры, генераторы, моторы, трансформаторы, аппаратостроение и др.). Выполнение такой обширной номенклатуры с многочисленными индивидуальными отклонениями по требованиям отдельных заказчиков облегчается широко развитой стандартизацией типов и нормализацией деталей. Аналогично этому работают американские электростроительные заводы.

Наконец упомянем пример успешного применения стандартизации для нужд военного производства, что представляет интерес для нашей оборонной промышленности. Во время империалистической войны (1914—1918 гг.) Соединенные штаты Америки должны были выполнить большие заказы на самолеты. Производство авиационных моторов было организовано таким образом, что для моторов различных типов применялись одни и те же стандартные цилиндры, поршни, клапаны, распределительные валики и прочие детали. Следовательно отдельные части забракованных восьми- и двенадцатицилиндровых моторов могли быть взаимозаменяемыми, и из годных частей негодных моторов можно было собрать новый мотор. Такая стандартизация позволила громадному числу предприятий, работавших на военные нужды, выпускать эти изделия быстро и экономично. Сборка моторов, производившаяся теми же предприятиями или центральными сборочными мастерскими, также значительно ускорилась¹.

Станкостроение имеет особенности, как будто мало благоприятствующие методам крупносерийного и массового производства. Это — большое разнообразие типов и множественность номенклатуры, связанные с разнообразием технологических задач, разрешаемых станкостроением в различных отраслях машиностроения. Динамичность, непрерывная изменчивость конструкций и типов в станкостроении сильнее, чем в отдельных отраслях машиностроения, так как станочная промышленность отражает изменения техники и условий производства в многочисленных обслуживаемых ею отраслях.

И все же как в станкостроении, так и в других отраслях машиностроения явно побеждает линия развития в сторону методов крупносерийного и массового производства на основе стандартизации и деталей, узлов и агрегатов. Ярким примером стандартизации может служить производство станков типа «VDF» четырьмя немецкими заводами (Берингер, Гейденрейх и Гарбек, Воленберг, Браун), объединившимися в целях специализации на выпуске одного типа станка. Станок сконструирован таким образом, что, прибавляя или отнимая некоторые части станка, можно легко приспособить его для различного назначения без изменения его основного характера. Производство станка «VDF» послужило прототипом для нашего станка «ДИП».

Для американского станкостроения характерна все более расширяющаяся унификация деталей и механизмов, достигающая в некоторых случаях больших размеров. Так, фирма Гридлей достигла 92% взаимозаменяемости в деталях и узлах новых моделей 4- и 6-шпин-

¹ Гарриман, Стандарты и стандартизация, 1931 г., стр. 124—125.

дельных автоматических токарных станков для нарезки винтов¹. Крупнейший станкостроительный завод США «Цинцинати Миллинг» имеет более 60% стандартных деталей в своих четырех стандартных размерах фрезерных станков. Пользуясь основной моделью стандартного станка как базой, эта фирма выполнила за последние 4—5 лет путем различных добавлений и приспособлений 1 690 вариантов отклонений от основных типоразмеров, применяясь к требованиям потребителей².

Таким образом здесь наряду с унификацией деталей внутри станка весь станок используется как стандартная база, общая основная модель, из которой путем различных добавлений вырастает разветвленное дерево всевозможных вариантов, объединяемых одной общей основой.

Если взять общее количество стандартных деталей и частей, входящих в станок, как изготовленных самими станкозаводами, так и полученных в готовом виде со стороны, то в отношении операционных станков большинства передовых станкостроительных фирм Америки эти стандартные части составят от 60 до 75% всех деталей станка³.

Большое число стандартных частей и механизмов, имеющих всегда в наличии на складе, позволяет американским заводам выпускать новые сложные станки в довольно короткие сроки (2—3 месяца). Кроме того серийное производство стандартных частей, изготавливаемых часто на специальных заводах, снижает себестоимость станка.

В решении задачи, поставленной XVII съездом партии об освоении 200 новых типоразмеров станков, стандартизация должна играть немалую роль. Наше станкостроение уже показало хорошие образцы применения унификации. Так, путем комбинации стандартных унифицированных узлов достигнуто на Ижевском заводе производство пяти различных станков: токарного винторезного («161А»), токарного упрощенного («161»), токарного быстроходного («161Б») и двух револьверных станков. Основным базовым станком является станок «161», узлы которого, как-то: коробки скоростей и подач, задняя бабка, фартук, суппорт и охлаждение применяются и в других станках. Другим примером широкого применения унификации могут служить фрезерные станки Горьковского завода типов «680», «680Г», «680М», «610», «610А», «610М». Узлы основного станка — «680Г» — находят применение во всех других станках. Большие работы по стандартизации намечает также Харьковский завод шлифовальных станков, где 26 типоразмеров различных шлифовальных станков можно получить из сравнительно небольшого числа стандартных узлов.

Однако нашим станкостроением сделано лишь начало той большой работы, которая предстоит в области стандартизации. Основная причина — это, в отличие от Горьковского завода фрезерных станков, разнообразие номенклатуры этих заводов и «случайный» с точки зрения стандартизации подбор типов станков, без достаточного соблюдения в этих типах принципа родственной связи в конструкциях и узлах. «Нам необходимо серьезно заняться вопросом нормализации деталей и узлов, на базе которых мы могли бы выпускать целую гамму различных машин», — так формулировал задачи стандартизации т. Пудалов на Совете при наркомате тяжелой промышленности (июнь 1936 г.).

¹ «Iron Age», 1/VIII 1935.

² Стенограмма доклада т. Альперовича об американском станкостроении, 23/X 1935 г.

³ «Iron Age», 1/VIII 1935.

4. Специализация и кооперирование в станкостроении

Десятки заводов различных отраслей машиностроения и металлообработки, не имевших ранее отношения к станкостроению, привлечены к освоению новых станков, и в настоящее время уже свыше 40 таких заводов помимо основной работы по своей отрасли помогают станочной промышленности выпуском многих тысяч станков различных типоразмеров.

Специализация в станкостроении развивается все дальше, создавая новые, более гибкие, формы. За границей (особенно в США) в последнее время все более усиливаются специализация производства отдельных стандартных частей, механизмов и агрегатов и кооперирование заводов, изготавливающих эти стандартные части, с основными заводами, собирающими полные комплекты станков.

О размерах широкого распространения этой формы организации производства в США сообщает журнал «Iron Age» (2/1 1936) в статье Губбарда, где приводится интересный перечень механизмов и агрегатов, производимых на основе специализации и кооперирования американскими заводами, среди которых фигурируют известные всему миру фирмы. Например Братья Бекер производит механизмы подачи (кулачковые); Джон Барнес изготавливает гидравлические агрегаты подачи; Бормашин Тул К^о выпускает «силовые головки», «гидроскру»; Де Флиг — фрезерные агрегаты (головки); Экс-сел — шпиндели, гидравлические силовые головки, высокоскоростные сверлильные и фрезерные головки; Футборт — механизмы подачи (кулачковые); Грипли — автоматические гидравлические приводы для подачи; Ингерсол милинг К^о — силовые головки «пауэр-пэк»; Кингсберн — сверлильные, нарезные и фрезерные головки; Ойлгир К^о — агрегаты гидравлической подачи; Санстрэнд — гидравлические сверлильные головки; Виккерс — электрогидравлические приводы и механизмы управления; Нью-департур — электромеханический привод с регулируемой скоростью «транзиторк».

Тот же автор в другом месте¹ приводит еще ряд других предметов кооперирования: подшипники, системы охлаждения и смазки, патроны и зажимные устройства, шпиндели, шестерни и т. п. При этом Губбард совершенно основательно ставит кооперирование в связь с распространением стандартных агрегатов (юнитов), выделяемых из общей конструкции станка и изготавливаемых на началах взаимозаменяемости на специальных заводах. Это явление было наглядно продемонстрировано на Кливлэндской выставке, и американский журнал «Steel» (16/IX 1935) по этому поводу пишет, что кооперирование и новая специализация сняли большой груз с плеч станкостроителей, имеющих теперь больше возможности заниматься своими специальными проблемами.

Вернувшиеся из последней поездки в США, совпавшей с выставкой в Кливлэнде, работники нашей станкостроительной промышленности придадут этому делу особенное значение. Станкостроительная фирма в Америке главное внимание уделяет вопросам общей конструкции станка применительно к новым технологическим задачам, встающим при обработке изделий в различных отраслях машиностроения. Опираясь на широкую сеть специальных заводов, обеспечивающих отдельные стандартные части станка, эти фирмы имеют возможность, ком-

¹ «Iron Age», 24/X 1935.

бйнируя готовые стандартные агрегаты, в короткий срок выпустить станок, так как на их долю падают незначительная механическая обработка и сборка. Вместе с тем эта дифференциация производства дает возможность специальным заводам агрегатов совершенствовать эти механизмы и углубляться во все тонкости технологии их производства. Это было бы крайне затруднительно для одного завода в случае, если бы он собственными силами должен был изготавливать десятки этих сложных механизмов, имеющих каждый свои пути развития.

Именно благодаря кооперации фирмы Натко, Футборт, Ингерсол и др. выпускают десятки специальных станков в совершенно немыслимые для европейских условий сроки (6—8 недель), так как они получают в готовом виде со стороны все элементы гидравлики (от фирмы Ойлгир), все шпиндели (от фирмы Экс-сел), все наиболее ответственные шестерни и т. п.

Кооперирование является мощным средством для вооружения станка дополнительными готовыми механизмами: электрогидравлическими моторами для сообщения станку нужных движений, электроаппаратурой для автоматизации операций, стандартными головками, сверлильными, нарезными, фрезерными, расточными, делающими станок годным к новым специальным операциям. Если к этому добавить широкое развитие в Америке производства всевозможных приспособлений, то станет понятным, почему американский обыкновенный стандартный серийный станок, «одетый» этими дополнительными устройствами, оказывается пригодным для высокопроизводительной специальной работы. Именно таким путем фирма Натко из простых сверлилок получает высокопроизводительные станки с автоматическим циклом обработки, которые охотно берут автозаводы (один такой станок купил наш ГАЗ).

Не меньшее значение имеют отмеченные нами свойства кооперации в станкостроении для оборонной промышленности, где особенно важно быстрое приспособление готовых стандартных элементов станка и агрегатов для целей получения различных специальных станков.

Наше станкостроение еще в ничтожной степени использует эти виды специализации и кооперирования производства. Наши станкозаводы почти целиком сами изготавливают все части станка вплоть до крепежных деталей и частей арматуры. Разгрузка наших заводов от забот по изготовлению н о р м а л е й¹, различных механизмов, как насосы, системы смазки, детали управления, вплоть до получения со стороны готовых шестерен механизмов скоростей и подач, фрикционов, шпинделей и т. п., сильно поднимет производственные возможности нашего станкостроения и ускорит сроки освоения большего числа новых типов станков. Ведь на производство одних только нормалей (главным образом крепежных) наши станкозаводы тратят до 10% станочного времени.

Распыление производства нормалей по отдельным заводам приводит к умножению типоразмеров и номенклатуры нормалей, к изготовлению их в малопроизводительных кустарных условиях мелкосерийного производства без возможности эффективной работы на автоматах.

Важной областью возможного кооперирования и специализации является производство шестерен. Шестерня является одной из важней-

¹ К нормалям относятся детали крепежные (болты, гаечки, шпильки), детали управления (маховички, рукоятки и т. п.), арматура и т. п. мелкие детали.

ших деталей станка, определяющей его качество, точность и длительность работы. Видный авторитет немецкого станкостроения Кун (б. директор фирмы Лева) считает, что процесс производства шестерен является самым трудным и ответственным в изготовлении станка. Вот почему за границей давно получило развитие специальное производство шестерен и снабжение ими всех отраслей машиностроения, в первую очередь авто- и станкостроения. В США существует много таких фирм и даже организована специальная «американская ассоциация производителей шестерен», собирающаяся ежегодно два раза для обсуждения важнейших вопросов технологии и организации производства шестерен (в частности вопросы стандартизации и т. п.). Такие же специальные заводы существуют и в Германии.

Производство шестерен у нас в настоящее время разбросано по всем станкозаводам, каждый из которых изготавливает неудовлетворительные по качеству и дорого стоящие шестерни, нерационально используя зуборезное оборудование. Между тем многие станкозаводы (например завод «Комсомолец») вовсе не имеют таких станков, так как они были бы очень мало загружены (один раз в пятидневку). Эти затруднения в производстве шестерен отпали бы при централизации производства.

Производство шестерен вообще связано с особо дорогим оборудованием, специальными приспособлениями и сложными измерительными приборами. Оно требует квалифицированных наладчиков, инструментальщиков, а также больших навыков и знаний со стороны работников технического контроля и технического руководящего персонала. Вот почему концентрация производства шестерен особенно эффективна.

Кроме того централизация и специализация производства шестерен явятся наилучшим средством для разрешения очень важного вопроса — стандартизации и нормализации шестерен. В настоящее время наши шестерни отличаются разнообразием типов и размеров, что не позволяет вести крупносерийное производство, влечет за собой нерациональное использование специального инструмента и требует частых переналадок оборудования.

Эта важнейшая и трудоемкая деталь станка требуется станкостроению в больших количествах, примерно около $1\frac{1}{2}$ —2 млн. штук в год (считая в среднем около 50 шестерен на один станок), и специализация производства даст наряду с повышением качества громадную экономию.

Специализация производства шестерен может быть организована путем выделения на уже действующих станочных заводах нескольких пунктов, различающихся по типу изготавливаемых шестерен. Здесь постепенно концентрируются оборудование и приборы, освобождающиеся на станкозаводах, переходящих на снабжение от этих специальных заводов. В дальнейшем должен быть выделен специальный более крупный по объему производства завод шестерен, использующий опыт и достижения этих централизованных цехов шестерен.

К этому же кругу вопросов относится создание централизованной кузнечной базы для всех наших станкозаводов. В результате отдельные станкозаводы вынуждены ориентироваться теперь на строительство своих собственных мелких кузниц, что означает безусловный регресс. Переход на штамповки и с малыми припусками и нормализация размеров поковок, диктуемые задачами экономии металла и сокращения излишней обработки, возможны лишь при концентрации

этого производства в крупносерийном масштабе на основе нормализации и стандартизации размеров и типов как шестерен, так и других деталей из поковок.

В настоящее время станкостроение несет большие потери из-за того, что станкозаводы вынуждены пользоваться случайными поставками поковок или изготавливать их в кустарных условиях на своих заводах. Поковки поступают низкого качества с ненормально большими припусками, что вызывает большие потери времени и металла. На это указывал т. Орджоникидзе в своем выступлении на декабрьском пленуме ЦК ВКП(б).

Достаточно следующего сравнения. Немецкий завод Берингер изготавливает шестерни из штамповок с минимальным припуском в 2 мм на сторону, что одновременно позволяет вести обработку с максимальными скоростями. У нас же на заводе «Красный пролетарий» припуска на шестерни так велики, что стружка — отходы — весит больше, чем готовая деталь.

Станкостроение уже имеет опыт централизованного производства литья заводами Центролит (Ленинград) и Станколит (Москва) на основе кооперирования со станочными заводами. Работа этих литейных заводов неизменно улучшается. Резкое улучшение работы Станколита достигнуто в 1935 г., особенно с разворотом стахановского движения: увеличился выпуск литья при одновременном уменьшении брака и снижении себестоимости. Последняя снизилась с 1 983 руб. за тонну в мае до 1 000 руб. за тонну в ноябре 1935 г.

Таким образом перед станкостроением стоит огромная работа по выделению специального производства деталей и частей станков и по организации цехов заготовительного характера. Сюда относятся: 1) производство принадлежностей и приспособлений, 2) производство нормалей, 3) производство шестерен, 4) производство поковок, 5) производство деталей и стандартных агрегатов (шпиндели, насосы, системы смазки, механизмы скоростей и подач, гидравлические агрегаты, стандартные головки и т. п.).

Это не значит, что для всех этих случаев потребуется строительство новых заводов или цехов. Большинство этих производств может быть организовано в пределах уже работающих станкостроительных заводов, а также путем вовлечения новых заводов общего машиностроения. Нужны лишь рациональный план выделения и организации этих производств и руководство ими из единого центра станочной промышленности.

Второй пятилетний план развития народного хозяйства намечал организацию специализированного производства наиболее массовых деталей (валы, шестерни, редукторы, втулки, валики, нормали, арматура и т. д.), а также строительство цехов подсобного и заготовительного характера¹. Мы видели, что со стороны станкостроения эти директивы второго пятилетнего плана выполняются недостаточно.

Вопросам кооперирования в нашей промышленности уделяется недостаточно внимания. На Совете при наркомте тяжелой промышленности с полным основанием указывалось, что отраслевые конференции мало учитывали этот огромный важности фактор при установлении производственных мощностей.

¹ См. «Второй пятилетний план развития народного хозяйства», т. 1, стр. 88 и 91.

Неисчерпаемые возможности социалистической промышленности, централизованное плановое распоряжение огромными производственными мощностями создают предпосылки для использования всех преимуществ специализации и кооперирования в недоступных для капитализма размерах. При этом организация этих новых специальных производств сплошь и рядом может быть осуществлена без необходимости больших вложений в новое капитальное строительство. Этот могучий рычаг социалистического хозяйства должен быть максимально использован станкостроением. «Если мы умело сумеем кооперировать силы наших машиностроительных заводов, то мы будем сильнее любого европейского государства»¹.

---

¹ Речь т. Орджоникидзе на Совете при наркOME тяжелой промышленности 29/VI 1936 г.

Блестящая победа ленинско-сталинской национальной политики

Казахстан в прошлом был одной из самых угнетенных и отсталых колоний русского царизма. За все время своего господства в Казахстане царизм проводил политику грабежа и угнетения трудящихся казахов, политику национальной политики угнетения. «Это была зверская, волчья политика» (Сталин). Царизм не считал казахов отдельным народом. Колонизация лишала казахов лучших земель.

Генерал-губернатор Кауфман в своем приказе, не стесняясь, предписывал экспедициям по обследованию землепользования «обследовать не всю область или уезд, а только те районы, где имеются лучшие земли и которые подлежат колонизации, отбирая их конечно у казахов»¹. По одним северным областям к 1916 г. было изъято в переселенческий и государственный запасный фонд 7 108 земельных участков, в которых были 17 756 964 десятины². Всего по Казахстану было изъято 45 млн. гектаров лучшей земли³.

Политика насилия над казахским народом не ограничивалась одной колонизацией. Царизм возрождал и культивировал самые жуткие нравы средневековья. «Всем российским подданным свободных состояний,— читаем в царском указе от 23 мая 1808 г.,— покупать и выменивать на линии киргизских детей дозволяется..., право на приобретенного покупкою или меною киргизца каждому приобретателю дозволяется передавать кому пожелает».

Царские сатрапы своей прямой задачей ставили грабеж и разорение казахского крестьянства. Генерал-майор Веймарн со всей беззащитностью завоевателя писал 22/IX 1761 г. в секретную комиссию «ведения сибирского губернатора»: «Для истребления киргизских бесполезных склонностей... неприметным образом некоторую скудость в скоте и лошадях и м навести, ибо де что меньше оных иметь будут, то меньше от них и дерзновенности и беспокойств опасаться можно»⁴.

Никогда наместники царя не изменяли этой грабительской политике. Позднее, уже в XX в., во время колонизации, например Джетысуйской и Семиреченской областей, у бесправного казахского крестьянства отбирались поливные и богарные пашни, мелиоративные сооружения и оросительные каналы, клеверники и сады и т. д.

В системе грабежа казахского народа огромную роль играла торговля. В Киргизском крае существовали (конец XIX и начало XX в.) три вида торговли: меновая, ярмарочная и постоянная. В этих торговых операциях и русский купец и казахский бай держались принципа

¹ «Народное хозяйство Казахстана» № 5 за 1931 г.

² Рыскулов, Казахстан, Гиз, 1927 г., стр. 37.

³ У. Исаев, 15 лет КазАССР, стр. 11.

⁴ Всюду, где не оговорено, разрядка моя. — М. И.

(согласно известной русской пословице): «Кто чем торгует, тот тем и ворует».

Из Казахстана выкачивалось много ценнейшего сырья. Только за один 1914 г. здесь было заготовлено 3 600 тыс. штук крупного кожевенного сырья и 960 тыс. пудов шерсти. Ни о каком промышленном развитии Казахстана, бывшего объектом легкой наживы купцов и царских сарапов, не могло быть и речи. Вся фабрично-заводская промышленность (мукомольные предприятия, винокуренные и пивоваренные заводы, шерстомойки и т. д.) «Киргизского края» в 1900 г. выражалась в 1 852 «заводах» и «фабриках» с 8 221 рабочим, с производством на 6 165 тыс. руб. В среднем каждый такой «завод» имел 3,8 рабочих. Фактически это были кустарного типа предприятия.

Царизм в своей колониальной политике не только опирался на штыки армии и свору своих сатрапов, но и привлекал эксплуататорскую верхушку казахского населения. Царизм поддерживал казахских ханов, султанов, баев, которые веками угнетали трудящиеся массы казахов. «Казахские ханы, султаны, баи, управители и переводчики,— пишет председатель СНК КазАССР т. Ураз Исаев,— с жадностью мелких хищников и усердием дрессированных собак выполняли свою роль соучастников в грабеже и угнетении казахских трудящихся. Эти ханы, султаны и муллы помогали царизму завоевать, подчинить себе казахский народ и проводить самую хищническую политику, самую варварскую эксплуатацию масс. Именно эти продажные и предательские ханы, султаны и муллы являлись хорошими проводниками царской политики в Казахстане, умело скрывая свою продажную и эксплуататорскую роль под фальшивыми фразами «защиты интересов казахского народа»¹.

Вся тяжесть национального и колониального порабощения ложилась на плечи казахского крестьянства. Сгоняемые с богатых пастбищ и вынужденные пасти скот в полупустынных степях, казахи-крестьяне вконец разорялись и попадали в еще большую кабалу к «своим» богатым. Единственное богатство дореволюционного Казахстана — скот — в подавляющей своей части принадлежал байству. Так например по Верненскому уезду к концу девяностых годов прошлого столетия эксплуататорская группа, составляя 17,2% общего количества хозяйств, владела 61,5% всех лошадей, 59,1% всех овец, 62,7% всех верблюдов и т. д. То же и по Кокчетавскому уезду, где эксплуататорская группа, составляя всего 7,7% общего количества хозяйств, владела 47,8% всех лошадей, 39,9% всех овец, 83,1% всех верблюдов и т. д.

Вот что пишет по этому поводу В. Кузнецов: «Главнейшая масса их (казахских хозяйств.— М. И.), до 90%, принадлежит к неимущим, бедным и маломощным, совсем безлошадным и владеющим всего 1—10 лошадьми... Эта масса влечит жалкое существование кочевников-полупролетариев и добывает средства к жизни не столько от своего кочевого хозяйства, сколько от посторонних доходов и заработков, которыми занимается свыше четырех пятых всех этих хозяйств»².

Таким образом казахское крестьянство несло тяжесть двойного гнета: российского царизма и «своей» эксплуататорской верхушки — султанов, ханов, баев, мулл.

¹ У. Исаев, 15 лет КазАССР, стр. 11—12.

² «Материалы по киргизскому землепользованию Семипалатинского уезда», т. X, 1909 г., стр. VII.

Казахское крестьянство, обреченное на нищету и голод, неизбежно шло к физическому вырождению. Так например с 1903 по 1912 г. казахское население уменьшилось на 90%¹.

Порабощенный русским царизмом казахский народ был осужден на вымирание. Таков итог колониального прошлого Казахстана.

Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнув власть царя и капиталистов, разбила цепи национально-колониального порабления казахского народа.

Героический русский пролетариат под руководством партии Ленина — Сталина при активном участии трудящихся казахов сбросил с плеч крестьянства Казахстана вековой гнет российского царизма и эксплуататорской верхушки: баев, мулл и т. д.

Советская власть с первых же дней своего существования в «Декларации прав народов России», подписанной Лениным и Сталиным, заявила (2 ноября 1917 г.):

«В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результат такой политики известен — резня и погром, с одной стороны, рабство народов — с другой. Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России».

В этой декларации были провозглашены:

1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп, населяющих территорию России».

Гражданская война против банды царских генералов Дутова, Толстого и т. д. и против контрреволюционной Алаш-орды², помешала казахскому народу сразу же после Октябрьской революции начать организацию своей республики. Только благодаря помощи частей Рабоче-крестьянской Красной армии, руководимых такими пролетарскими полководцами, как М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Чапаев, Д. Фурманов и др., трудящиеся массы Казахстана к концу 1919 г. разгромили объединенные силы контрреволюции Колчака и Алаш-орды. С этого времени на всей территории Казахстана установилась советская власть.

Огромная подготовительная работа к организации Казахской АССР, проведенная под непосредственным руководством товарища Сталина, была закончена объявлением декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 г. за подписями Ленина и Калинина об образовании Автономной казахской (тогда киргизской) социалистической советской республики.

4 октября 1920 г. состоялся первый учредительный съезд КазАССР.

С этого исторического момента казахский народ впервые за весь многовековой период благодаря Октябрьской социалистической революции получил право на свободную жизнь. Но это правовое равенство еще не разрешало всего национального вопроса. Казахстан до революции был одним из самых отсталых районов в хозяйственном и в

¹ Зверьяков, От кочевания к социализму, стр. 14.

² Алаш-орда — буржуазно-националистическая партия.

культурном отношении. Вот почему основной задачей ленинско-сталинской национальной политики после победы советской власти, после организации автономной ССР была задача ликвидации экономической и культурной отсталости Казахстана. Эта задача могла быть разрешена «лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспевания»¹.

Для этого необходимо было:

«1. Создать промышленные очаги в советских республиках Востока как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса. Вы знаете, что это дело уже начато и оно будет идти вперед по мере хозяйственного роста Советского Союза. Наличие разного рода сырья, имеющегося в этих республиках, является порукой тому, что дело это современем будет доведено до конца.

2. Поднять сельское хозяйство...

3. Поднять и двинуть вперед дело кооперирования широких масс крестьян и кустарей, как вернейший путь включения советских республик Востока в общую систему советского хозяйственного строительства.

4. Приблизить советы к массам, сделать их национальными по составу и насадить, таким образом, национально-советскую государственность, близкую и понятную трудящимся массам.

5. Развить национальную культуру, насадить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке для подготовки советско-партийных и профессионально-хозяйственных кадров из местных людей»².

Такова программа социалистического строительства национальных республик и областей, успешно осуществляемая Казахской автономной ССР.

Одно из самых замечательных достижений ленинско-сталинской национальной политики в Казахстане — это выявление несметных богатств недр этого края — «степей, перемежающихся с пустынями», как его называли в дореволюционных учебниках географии.

Для царской России Казахстан был районом колонизации и источником с.-х. сырья, животноводческого в первую очередь. И вполне понятно, что неисчислимые полезные ископаемые казахстанских гор веками лежали нетронутыми. Только случайные, разрозненные работы отдельных экспедиций выявляли поверхностные залежи некоторых месторождений. Так например еще в 1856 г. карагинские каменноугольные месторождения с общей площадью в 100 кв. верст были куплены купцом второй гильдии Угачовым за ... 250 руб. серебром. Еще раньше были известны рудные богатства Горного Алтая; уже в 1723 г. А. Демидов начал разрабатывать месторождения драгоценных металлов Алтая. Но везде и всюду эти разработки носили х и щ и ч е с к и й характер. Действительное и з у ч е н и е природных ресурсов началось только после Октябрьской революции. Теперь Казахская автономная ССР после открытия ценнейших месторождений является одним из богатейших районов Советского союза. Если до революции в Караганде было выявлено около 200 млн. т угля, то на 1/1 1934 г.

¹ Из резолюции XII съезда ВКП(б). ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936 г., ч. I, стр. 504.

² Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, 1934, стр. 156—157.

запасы его исчисляются в 50 млрд., всего же по Казахстану запасы ископаемых углей на 1/1 1934 г. исчисляются в 52 251 млн. т¹.

Не менее разительны успехи геологических изысканий нефтяных месторождений. За период советской власти в КазАССР пробурено 284 081 м, тогда как за весь дореволюционный период было пробурено только 42 328 м². Если на 1/1 1930 г. было известно лишь 2 500 тыс. т запасов нефти, то уже на 1/1 1934 г., т. е. через 4 года, выявленных запасов было 639 163 тыс. т.

Советский Казахстан — крупнейший район цветных металлов. В самом центре республики — в Карсакпае, вдали от железных дорог и промышленных центров, найдено крупнейшее месторождение меди — Джемгазганское. Общие запасы его на 1/1 1934 г. определены в 3 077,9 тыс. т металлической меди, со средним содержанием меди в руде в 1,9%. Большой Джемгазган — одно из крупнейших месторождений меди в мире. На базе этих месторождений будет построен гигантский завод мощностью в 150 тыс. т меди в год. На втором месте по мощности залегания медных руд стоит Коунрадское месторождение, открытое только в 1928 г. геологом М. П. Русаковым. Общие запасы этого месторождения исчисляются в 2 455,0 тыс. т металлической меди в руде; среднее содержание металла в руде — 1,09%. Третьим крупнейшим медным месторождением Казахстана является Боше-Куль в Баян-Аульском районе Каркаралинского округа. Хотя по процентному содержанию металла это месторождение значительно беднее (0,6—0,7) Джемгазгана и Боше-Куля, но общие запасы меди определены в 2 296,0 тыс. т.

Огромный рост найденных запасов меди Казахстана иллюстрируется следующей таблицей:

Г о д ы	Абсол. цифры (в тыс. тонн)	Категории А + Б (в тыс. тонн)
1927	347,7	283,6
1928	729,7	303,0
1929	1 150,3	707,7
1930	3 409,8	1 777,1
На 1/1 1932 г.	7 212,0	2 040,0
На 1/1 1934 г.	9 838,5	4 778,0

Замечательные перспективы имеет и полиметаллическая промышленность Казахстана. Запасы свинца и цинка сосредоточены главным образом в двух районах: в Рудном Алтае и в Южном Каратау. Рудный Алтай Восточно-казахстанской области изобилует свинцом и цинком. Благодаря усиленным изыскательским работам последних лет запасы свинца определяются, по данным на 1/1 1934 г. в 1 878,6 тыс. т, запасы цинка — в 3 951,7 тыс. т. Всего по Казахстану (на 1/1 1934 г.) разведано 2 401,0 тыс. т свинца и 4 384,7 тыс. т цинка.

¹ Основные статистические данные, приводимые в статье без указания источника, взяты из «Экономико-статистического справочника Казахского УНХУ», Алма-Ата — Москва, 1936.

² Еще в 1875 г. были известны нефтяные месторождения, но первая большая экспедиция была снаряжена в 1892 г. См. «Советское краеведение» № 10, 1935 г. стр. 20.

Казахская АССР очень богата месторождениями драгоценных металлов.

Всесоюзное значение имеют запасы химического сырья (актюбинские фосфориты, соли Приаралья и т. д.).

Революция преобразила пустынный и скудный Казахстан в один из богатейших по выявленным естественным ресурсам районов СССР.

Неисчислимы богатства недр Казахстана, веками лежавшие под спудом, стали доступными освобожденному народу только благодаря проведению ленинско-сталинской национальной политики. За период существования КазАССР запасы полезных ископаемых увеличились: свинца и цинка в 9—10 раз, меди в 75 раз, нефти в 150 раз, угля в 175 раз¹.

Вопросам развития промышленности в Казахстане, как и во всех других национальных республиках и областях, коммунистическая партия уделяла огромное внимание. Еще на XII съезде партии товарищ Сталин в ответ на выступления товарищей, пытавшихся ограничить проведение национальной политики вопросами развития языка, школы, указывал: «Тут некоторые из наших товарищей думают, что выпятив на первый план вопрос о школах и языке, этим самым можно разрубить узел. Неверно, товарищи, на школах тут далеко не уедешь, они, эти самые школы, развиваются, язык тоже развивается, но неравенство фактически — это основа всех недовольств и всех трений. Тут школами и языком не отговоришься, тут нужна действительная, систематическая, искренняя, настоящая пролетарская помощь с нашей стороны трудящимся массам отсталых в культурном и хозяйственном отношении национальностей. Необходимо, чтобы, кроме школ и языка, российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отставших в культурном отношении республиках, — а отстали они не по своей вине, а потому, что их рассматривали раньше как источники сырья, — необходимо добиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности»².

Эти указания товарища Сталина легли в основу проведения ленинско-сталинской национальной политики.

Уже в восстановительный период началось строительство тяжелой промышленности. Карсакпайский медный комбинат был построен еще в период 1925—1928 гг. Но бурное развитие промышленности Казахстана относится к периоду первой и особенно второй пятилетки.

Восстановление и реконструкция социалистической промышленности старых промышленных районов Советского союза (Московской и Ленинградской областей, Донбасса и т. д.) являлись необходимым условием для создания новых промышленных баз на Востоке, в частности в Казахстане. Только успешное осуществление сталинского лозунга социалистической индустриализации нашей страны, разгром контрреволюционного троцкизма и правых капитулянтов, только разоблачение и разгром великодержавных шовинистов и буржуазных националистов обеспечили блестящий успех ленинско-сталинской национальной политики, создали условия для огромной материальной помощи нашим национальным республикам. Если за пять лет восстановительного периода (1924—1928) в промышленность Казах-

¹ «Казахстанская правда» от 16/VI 1936 г.

² Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 117.

стана было вложено 48 518 тыс. руб., то за четыре года первой пятилетки (1929—1932) было вложено уже 434 441,8 тыс. руб., а за два года второй пятилетки (1933—1934) — 483 695 тыс. руб.

Динамика невиданных темпов нарастания капитальных вложений в промышленность по годам представлена в следующих цифрах (в тыс. руб.):

Г о д ы	Капиталовложения в промышленность	В том числе по Наркомтяжпрому	В том числе по Наркомпищепрому
1929	16 002,4	12 026,0	359,4
1930	59 490,8	48 852,0	4 116,8
1931	115 839,3	93 441,5	13 116,0
1932	243 109,3	197 320,1	31 729,5
1933	256 458,9	200 319,0	42 586,0
1934	227 236,1	171 141,3	38 926,6

В результате такого большого капитального строительства неизменно выросли основные производственные фонды промышленности Казахстана. Так например основные производственные фонды крупной промышленности выросли с 20,9 млн. руб. на 1/X 1925 г. до 456,2 млн. руб. на 1/I 1935 г.

Исключительно возросло количество промышленных предприятий. Одно перечисление строящихся и построенных металлургических заводов, каменноугольных шахт, мясокомбинатов, рыбоконсервных плодовоовощных заводов, суконных, табачных и т. п. фабрик заняло бы многие страницы.

В результате строительства и освоения новых предприятий валовая продукция всей ценовой промышленности увеличилась с момента организации Казахской автономной ССР с 23 380 тыс. руб. в 1920 г. до 331 517 тыс. руб. в 1935 г., т. е. больше чем в 14 раз¹.

Рост валовой продукции тяжелой промышленности значительно обгоняет рост валовой продукции других отраслей промышленности. Удельный вес валовой продукции предприятий группы А увеличился с 17,5% в 1920 г. до 53,1% в 1934 г. Вся крупная промышленность с 1920 по 1934 г. увеличила выпуск продукции более чем в 10 раз (с 23,1 млн. руб. до 237,5 млн. руб.)¹.

Если же сравнить развитие социалистической промышленности советского Казахстана с дореволюционным колониальным периодом, то проценты роста по некоторым важнейшим отраслям получаются буквально баснословными. Например в 1913 г. каменного угля было добыто 90 тыс. т, а в 1934 г. — 1 919 тыс. т. Полиметаллической руды было добыто в 1913 г. 552 т, а в 1934 г. — 247 610 т. Золотодобыча увеличилась в тысячу раз.

При советской власти созданы совершенно новые отрасли промышленности, каких и в помине не было в колониальном Казахстане. На базе богатых актюбинских месторождений фосфоритов построен и пущен в эксплуатацию химический комбинат. Хотя пущенный Актю-

¹ Сравнение в ценах 1926/27 г.

² «15 лет Казахстана», стр. 19.

бинский химкомбинат (в переводе на суперфосфат — более чем 80 тыс. т) является только первой очередью, но своей производственной мощностью он значительно превышает выработку суперфосфата в 1913 г. всеми заводами царской России в пределах современных границ СССР (62,9 тыс. т)¹.

В одной статье невозможно дать даже краткий очерк расцвета промышленности Казахстана. Поэтому остановимся на одном наиболее типичном примере.

Угольные месторождения были известны давно, но они хищнически разграблялись предприимчивыми купцами и промышленниками и к концу империалистической войны были заброшены. Теперь на голом месте, в безграничной степи, где раньше рос лишь кустарник — «караган», построено 18 крупных, просторных и чистых шахт, которые уже в 1934 г. были на 29,9% механизированы.

За все время 60-летней эксплуатации Караганды, с 1856 по 1917 г., русские и иностранные капиталисты добыли 1 167 тыс. т угля², а социалистическая Караганда за один 1935 г. дала 2 356 тыс. т угля, т. е. больше чем в два раза. По плану 1936 г. Караганда должна дать не менее 3,3 млн. т и в 1937 г. — 7,0 млн. т угля, т. е. только один ежегодный прирост угледобычи будет значительно превышать 60-летнюю добычу дореволюционного Казахстана.

Караганда успешно превращается в третью мощную угольную базу Советского союза. Помимо снабжения углем железных дорог (Караганда — Петропавловск, Караганда — Балхаш, Акмолинск — Карталы), многочисленных промышленных предприятий и городов вдоль этих ж.-д. линий Караганда будет снабжать строящиеся и проектируемые гиганты всесоюзного значения — Прибалхашский медеплавильный комбинат, Большой Джебгазган и т. д., а в дальнейшем будет топливной базой Халиловского, Бакальского, Комарово-зигзагинокого заводов, а также и Магнитогорского комбината.

Караганда, как и многие другие крупнейшие промышленные центры, строилась в полупустынной местности, и потому сюда приходилось завозить не только машины, промышленные товары, но и продукты питания. Теперь вокруг Караганды цветут поля и сады 5 совхозов, снабжающих рабочих и служащих хлебом, свежим молоком, овощами, цветами и т. д. Сейчас в городе Караганде 118,9 тыс. населения.

Всюду вместе с новыми предприятиями растут и новые города. За последние годы кроме Караганды выросли новые города: Аягвз — 30,8 тыс. населения, Уш-Тобе — 23 тыс., Карсакпай — 19,2 тыс., Степняк — 18,8 тыс., Пахта-Арал — 16,4 тыс., Айна-Булак — 14,8 тыс., Прибалхашстрой — 16 тыс. населения и т. д.

Дореволюционный Казахстан (данные за 1897 г.) имел всего 21 город, включая сюда и поселения городского типа с общим количеством населения в 238,1 тыс. чел. Самый крупный город того времени — Уральск — имел всего 36,5 тыс. чел. Городов с населением свыше 25 тыс. чел. было всего два (Уральск и Семипалатинск).

Советский Казахстан имеет уже 59 городов и поселков фабрично-заводского и городского типа с общим количеством населения 1 437,6 тыс. чел.

Если раньше подавляющее большинство городского населения составляли русские, то теперь в таких городах, как Караганда, Прибалхашстрой, Риддер, Доссор и др., большинство населения — казахи.

¹ «СССР и капиталистический мир», Соцэкгиз, 1935 г., стр. 81.

² «Советское краеведение» № 10, 1935 г., стр. 19.

Рост городов с населением свыше 25 тыс. жителей

Название городов	Наличное население (в тыс.)	
	1897 г.	1935 г.
Алма-Ата	22,7	197,4
Семипалатинск	26,2	136,4
Караганда	—	118,9
Петропавловск	19,7	71,3
Чимкент	11,2	64,8
Аулие-Ата	11,7	60,1
Уральск	36,5	57,8
Акмолинск	9,7	44,7
Актюбинск	2,8	41,5
Гурьев	9,3	40,7
Кустанай	14,3	38,9
Ридде	—	33,7
Кзыл-Орда	5,0	31,5
Аягуз	—	30,8
Павлодар	7,7	25,6

Столица Казахстана Алма-Ата (бывший чиновничий г. Верный, опорный пункт самодержавно-колонизаторской политики в Семиречье, который казахи привыкли ненавидеть) превратилась в крупнейший в Казахстане не только административно-политический, но и промышленный и культурно-национальный центр.

Совершенно поразительны успехи Казахстана по созданию кадров национального пролетариата. В прошлом не было квалифицированных рабочих-казахов. Огромный индустриальный рост неизбежно вызвал и рост промышленного пролетариата. На 1/1 1935 г. в Казахстане уже было 680 тыс. рабочих, в том числе 277 тыс. рабочих-казахов, т. е. свыше 40%. Если взять отдельные важнейшие отрасли промышленности, то процент рабочих-казахов в них значительно выше среднереспубликанских данных. Например на Чимкентском свинцовом комбинате, Дзезгазгане, Ачи-сайском руднике процент рабочих-казахов поднялся с 25—30 в 1932 г. до 50 и выше в 1935 г. По данным на 1/1 1934 г., на предприятиях каменноугольной промышленности (ценовой) было 63,9% рабочих-казахов, в нефтяной промышленности — 73,8%.

Подготовка квалифицированных рабочих из казахов протекала в последние годы исключительно бурными темпами.

Этот рост иллюстрируется следующей таблицей:

Профессии	% казахов на 1/1 1927 г.	% казахов на 1/1 1933 г.
Кочегары	14,5	35,1
Забойщики	36,0	63,7
Вагонщики	—	45,3
Крепильщики	—	23,8
Литейщики, формовщики	—	13,1
Бурильщики, проходчики, ключники	23,8	39,1
Квалифицированные химики	—	44,1

В прошлом забитая и вдвойне угнетенная казахская женщина, служившая зачастую предметом купли-продажи, теперь на равных правах с мужчиной принимает активное участие в социалистическом строительстве. За пять лет (с 1929 до 1934) количество работниц в ценовой промышленности Казахстана увеличилось почти в 8 раз, с 1 237 чел. на 1/1 1929 г. до 9 587 на 1/1 1934 г.

На стройках количество работниц-казашек составляло на 1/X 1934 г. 38,8% общего числа работниц.

Эти красноречивые цифры говорят сами за себя; переоценить их никак невозможно. Вчерашний колхозник-скотовод — ныне квалифицированный рабочий, бурильщик, забойщик, машинист! Множатся ряды замечательных стахановцев угля, нефти, цветной металлургии, химии и т. д. На фабриках и заводах, рудниках и шахтах, в совхозах и колхозах теперь уже свыше 200 стахановцев-орденоносцев, награжденных партией и правительством. Имена угольщика Караганды Кузентбаева, железнодорожника Сатбаева и многих других знает вся советская страна.

Прошло всего каких-нибудь 15—16 лет с тех пор, когда в Казахстане еще господствовал архиротстальный патриархальный уклад хозяйства. О «Киргизском крае» писали тогда как о крае «кочевого... дикого скотоводства»¹.

Теперь казахский аул стал совершенно неузнаваемым. Колхозный строй победил окончательно и бесповоротно. Завершена ликвидация кулачества и байства как класса.

Националисты из Алаш-орды всячески пытались сорвать социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. «Ученые» апологеты Алаш-орды, защищая интересы байства, цеплялись за кочевое хозяйство, «доказывая» невозможность приобщения казаха-кочевника к социализму. «Казах — скотовод и кочевник потому, — писал Швецов, — что иным он не может быть»². Отсюда Швецовы делали угрожающий вывод: «Уничтожение кочевого быта в Казахстане знаменовало бы собою не только гибель степного скотоводства и казахского хозяйства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни»³.

Большевики, разгромив алаш-ордынцев и всех их приспешников, сумели произвести коренной поворот основных масс крестьянства от индивидуального хозяйства к социализму и организовать крупное социалистическое производство в ауле.

Вместо 1 150 тыс. раздробленных единоличных хозяйств, влачивших жалкое существование, организовано 7 777 колхозов, в которых сосредоточено уже 97,4% посевной площади колхозно-крестьянского сектора.

Под сельское хозяйство подведена совершенно новая техническая база. В этом легко убедиться, если вспомнить, что было раньше, даже в «передовых» земледельчески-животноводческих районах Казахстана. Вот каков уровень машинотехники того времени: «У мелких хозяйств (а таких громадное большинство) употребляется соха «тас» — корень

¹ Семенов-Тяньшанский, Россия, т. XVIII, стр. 223.

² Швецов, Казахское хозяйство в его естественноисторических и бытовых условиях, 1926 г.

³ Там же.

березы, на который надевается железный колпак. Вместо бороны применяется связка прутьев, которую волочат по пашне раза два-три»¹.

Какой поистине гигантский скачок совершен сельским хозяйством Казахстана за период советской власти! Буквально от первобытной примитивной техники — к технике наиболее совершенной. Сейчас в советском Казахстане основной с.-х. машиной стал трактор со всей системой его прицепных орудий (плугами, сеялками, боронами и т. д.).

Огромные темпы роста технического перевооружения с.-х. производства видны из таблицы:

Показатели	На 1 июня			На 1 января		
	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
I. Тракторы						
а) число	1 886	4 454	5 114	5 208	7 007	13 014
б) мощность (тыс. HP)	36,4	93,6	93,0	93,7	119,3	225,3
II. Грузовые автомашины	—	—	—	545	1 039	2 072
III. Комбайны (число)	—	—	—	—	1 158	1 572
IV. Сложные молотилки (число).	—	—	—	—	2 491	3 343

За пять лет количество тракторов увеличилось почти в 7 раз. За это же время по всему СССР количество тракторов увеличилось на 416,7%. Бывшая отсталая колония царизма с помощью пролетарского государства убыстренными темпами догоняет передовые районы СССР. В 1930 г. на полях Казахстана был всего один-единственный комбайн, а на 1/I 1935 г. работало уже 1 572 комбайна.

Темпы технического перевооружения сельского хозяйства чем дальше, тем больше повышаются. Сейчас уже имеется свыше 20 тыс. тракторов, из них около полутора тысяч мощных «сталинцев», свыше 4 тыс. комбайнов, которые уберут около 30% урожая этого года; значительно увеличивается количество автомашин, работающих в сельском хозяйстве тракторных плугов, виндруюэров, триеров, тракторов-«универсалов», свеклоподъемников и т. д.

К весне 1935 г. было создано 174 МТС, которые обслуживали 69,7% площади 3 741 колхоза. В 1936 г. имеется уже свыше 200 МТС.

Победа колхозного строя, техническое перевооружение сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов обеспечили крутой подъем с.-х. производства. Посевная площадь по сравнению с 1928 г. увеличилась на 1 млн. га, а по сравнению с 1920 г. — почти на 2 млн. га, достигнув в 1935 г. 5 224,5 тыс. га.

Еще более замечательным достижением социалистического сельского хозяйства является не только увеличение посевной площади, но и освоение совершенно новых культур, создание новых отраслей с.-х. производства — хлопководства, свеклосеяния, рисосеяния и т. д.

Исключительно большую роль в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства, освоения пустынь и безлюдных степей, создания новых отраслей сельского хозяйства играют совхозы Казахстана. В 1935 г. было 234 зерновых, хлопковых, животноводческих, свекловичных и т. д. совхозов.

¹ Семенов-Тяньшанский, Россия, т. XVIII, стр. 233.

Только благодаря огромной материальной помощи пролетариата Союза возможно было начать освоение таких пустынь Казахстана, как Голодная степь. В летнее время она «представляет сожженную солнцем мертвую желто-серую равнину, которая при палящем зное и полном отсутствии жизни вполне оправдывает свое название»¹. Теперь в этой Голодной степи работает организованный большевиками хлопковый совхоз «Пахта-Арал» с площадью в 10 тыс. га. Совхоз имеет 208 тракторов, полный набор прицепных орудий к ним, 47 зерновых комбайнов, 37 автомашин. При совхозе имеются хлопкоочистительный завод и семенная лаборатория. В «Пахта-Арале» работают 7 тыс. рабочих и служащих. В совхозе построены: больница с электро- и рентгенокабинетами, звуковое кино, большой клуб, школа-десятилетка и т. д. В 1935 г. было посеяно 5 400 га хлопка. Благодаря ударной работе коллектива рабочих и служащих было собрано в среднем 17,5 ц с 1 га. Себестоимость хлопка-сырца была ниже плановой почти на 10 руб. на 1 ц, в результате чего совхоз добился 1,5 млн. руб. прибыли. Таков пример большевистского освоения пустынь, пример организаций социалистического с.-х. производства в бывшей отсталой колонии русского царизма. Таких примеров в Казахстане множество.

Принятый на II съезде колхозников-ударников сталинский устав колхозной жизни явился могущественным рычагом подъема социалистического сельского хозяйства.

Лучшим выражением успехов социалистического земледелия является повышение урожайности полей. За десятилетие 1906—1915 гг. урожайность зерновых по краю составляла в среднем 5,9 ц с 1 га; за десятилетие 1924—1933 гг. урожай увеличивается всего лишь на 0,5 ц, 1935 год дает резкий скачок вперед — урожай зерновых поднялся в среднем до 8 ц с 1 га².

Еще более наглядны успехи социалистического земледелия, если обратиться к данным зерновых областей. Динамика неуклонного роста урожайности колхозных полей Актюбинской области показана в следующих цифрах (в центнерах с 1 га; см. табл. на стр. 81).

Таковы блестящие итоги побед социалистического земледелия.

Животноводство, являясь важнейшей отраслью народного хозяйства Казахстана, имеет огромное значение для разрешения проблемы животноводства по Союзу в целом.

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Пшеница	3,3	4,2	9,0	10,2
Просо	3,7	2,2	5,1	5,3
Ячмень	2,2	2,7	8,6	9,5
Овес	2,6	3,6	7,4	9,3
Рожь	3,7	3,9	5,1	6,7

В первые годы коллективизации скотоводство Казахстана вследствие происков байства и кулачества понесло значительный урон. С 1930 г. общее поголовье скота сократилось с 24,9 млн. голов до 5,1 млн. голов в 1933 г.

¹ Семенов-Тяньшанский. Россия, т. XIX, Туркестанский край, стр. 29.

² Н. Сыргабеков, 15 лет КАССР, стр. 94.

«Очевидно, что громадные трудности объединения разрозненных мелких крестьянских хозяйств в колхозы, трудное дело создания почти на пустом месте большого количества крупных зерновых и животноводческих хозяйств и, вообще, реорганизационный период перестройки и перевода единоличного сельского хозяйства на новые колхозные рельсы, требующий много времени и больших издержек,— все эти факторы неизбежно предрешили как медленные темпы под'ема сельского хозяйства, так и сравнительно долгий период упадка в развитии поголовья скота»¹.

Скотоводство Казахстана понесло относительно бóльшие потери, чем в среднем по Союзу. Это объясняется, во-первых, тем, что раньше животноводство Казахстана было на очень низком уровне экстенсивного кочевого хозяйства — в этом сказалось наследие царизма; во-вторых, животноводческое хозяйство было связано с наличием не только капиталистических отношений, но и пережитков патриархально-родовых и полуфеодальных отношений. «Совершенно бесспорно, что политика социалистической реконструкции казахского аула, в особенности кочевого и полукочевого, встретила бешеное сопротивление со стороны байских и феодальных элементов; бесспорно также, что обладавший еще значительным влиянием в ауле бай ответил на социалистическое наступление и на ликвидацию кулака и бая истреблением и угонем скота, организацией более отсталых слоев аула на откочевки и на разбазаривание скота» (Мирзоян).

Старое руководство крайкома ВКП(б) не поняло этих специфических условий социалистической реконструкции национальной деревни. Оно добивалось 100-процентной коллективизации и немедленного оседания всего кочевого населения аула. Игнорируя простейшие формы колхозов (малсерктики²), оно немедленно насаждало с.-х. артели. Эти политические ошибки старого руководства крайкома ВКП(б), допущенные в 1930—1932 гг., сыграли определенную роль в сокращении поголовья скота в Казахстане.

Эти ошибки были вскрыты и исправлены ЦК ВКП(б) и лично товарищем Сталиным. В постановлении ЦК ВКП(б) от 17/IX 1932 г. были указаны конкретные пути преодоления этих ошибок и пути под'ема сельского хозяйства и особенно животноводства Казахстана.

Новое руководство крайкома ВКП(б), во главе с т. Л. Мирзояном, успешно осуществляя решение ЦК ВКП(б), в 1934 г. обеспечило впервые за последние годы резкий под'ем животноводства. С июля 1933 г. по июль 1934 г. поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 21,6%, овец и коз — на 22,4%, свиней — на 70,6%.

Последующие 1934—1935 гг., как это усматривается из таблицы, окончательно закрепили рост поголовья скота (на июнь соответствующего года) (см. таблицу на стр. 82).

В 1934/35 г. не только прекратилось уменьшение конского поголовья, но и впервые был получен прирост лошадей на 32,4 тыс. голов, т. е. на 7,5%. Стадо крупного рогатого скота выросло на 326,2 тыс. голов, т. е. на 16,8%. Поголовье свиней за этот же год почти удвоилось (+ 91,4%). Весьма положительным фактом является увеличение темпов прироста скота по сравнению с 1933/34 г. (22,0%

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 560, изд. 10-е.

² Малсерктик — товарищество по совместной обработке земли и косьебе.

	П о ш а д и			Крупный рогатый скот			Овцы и козы		
	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Численность скота (в тыс.)	459,7	439,4	465,8	1 600,3	1 946,0	2 272,2	2 726,6	3 336,9	4 093,0
В % к предыдущему году	—	94,6	107,5	—	121,6	116,8	—	122,4	122,6

	Свиньи			Верблюды			Прочий скот			Итого скота всех видов		
	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Численность скота (в тыс.)	137,6	234,4	448,6	90,2	77,4	75,7	15,6	22,7	24,6	5 029,0	6 050,8	7 379,9
В % к предыдущему году	—	170,6	191,4	—	85,8	97,8	—	145,5	108,4	—	120,3	122,0

против 20,3%). Только поголовье крупного рогатого скота дало в 1934/35 г. снижение прироста (16,8% против 21,6% в 1933/34 г.).

Темпы роста поголовья скота были еще большими за календарный 1935 г. Сравнительные данные роста за 1934 и 1935 гг.:

	1934 г. в % к 1933 г.	1935 г. в % к 1934 г.
Лошади	95,6	110,7
Крупный рогатый скот	116,1	123,3
Овцы	117,8	131,8
Козы		
Свиньи	202,2	209,4

Крупнейшее достижение социалистического животноводства Казахстана — это полная ликвидация откочевок и ускоренный рост поголовья скота в кочевых и полукочевых районах. Центральный Казахстан, где больше всего и осталось кочевых и полукочевых хозяйств, имел наибольший урон в области скотоводства.

В этих районах за последние 2—3 года были организованы товарищества по совместной обработке земли и косьбе (малсерктики) вместо существующих с.-х. артелей. Правительство СССР оказало огромную семенную и продовольственную помощь в первую очередь этим районам кочевых и полукочевых хозяйств. Члены малсерктиков только в одном 1934 г. получили 92 210 голов скота (отпущено из совхозов, роздано из обобщественного поголовья и т. д.). Все эти районы на 1932—1935 гг. освобождены от с.-х. налога, поставки хлеба, мяса, молока, шерсти.

В результате всех этих мероприятий в кочевых и полукочевых районах поголовье скота увеличивается более быстрыми темпами, чем по всему Казахстану.

Сравнительные данные роста стада за 1934 календарный год по кочевым и полукочевым районам и Казахстану в целом¹:

Виды скота	Рост по кочевым районам	По всему Казахстану
Крупный рогатый скот	169,4	140,1
Овцы	192,8	145,7
Козы	195,6	174,6

Обязательным условием неуклонного роста животноводства Казахстана является создание прочной кормовой базы. Раньше, в условиях индивидуального крестьянского хозяйства, при кочевом образе жизни скотоводов, скот круглый год находился на подножном корму и тем самым в зимние и весенние месяцы был подвержен опасностям стихийных бедствий. Джут (бескормица) уносил иногда сотни тысяч, миллионы голов скота. Теперь в советском Казахстане, в условиях победы колхозного строя, создается устойчивая кормовая база. На зиму 1935/36 г. было заготовлено 4 250 тыс. т сена, или 104% потребности².

Значительно увеличиваются посевы овса и ячменя. Так например посевы овса увеличились с 285,8 тыс. га в 1930 г. до 512,9 тыс. га в 1935 г., посевы ячменя — соответственно с 106,1 тыс. га до 228,7 тыс. га.

Все это показывает, что социалистическая реконструкция сельского хозяйства создает совершенно новые условия для невиданного разбега всего с.-х. производства. Но самым главным, решающим условием победы колхозного строя в казахском ауле является создание новых людей, миллионной армии колхозников и колхозниц. Колхозный строй раскрепостил эти миллионы людей, дал им новую силу и широчайшую возможность для раскрытия своих способностей.

«Мы раньше были батраками у баев, мы не имели имущества, не имели земли, не имели воды,— говорит Ниязов Шатай, бригадир колхоза «Уртак» Туркестанского района.—И только лишь благодаря тому, что с 1930 г. у нас существует колхоз, мы стали иметь свою землю, мы стали иметь воду...

У меня опытные посевы в размере 5,5 га (хлопка.— М. И.), из них 3,5 га — чистосортные посевы и 2 га — обычные посевы. Я эти 3,5 га 6 раз окучивал, 6 раз поливал и 6 раз прокультивировал. В результате с этих 3,5 га я получил по 30 ц с 1 га. Это в Туркестанском районе, где, как вам известно, много солнца, много жары, но воды нехватает»³.

Таких героев, рожденных колхозным строем, в казахских степях тысячи и десятки тысяч.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства создает совершенно новые квалифицированные кадры, которых не знал и не мог знать дореволюционный аул. Новые машины, новая организация хозяйства потребовали новых людей с новыми квалификациями. В 1934 г. в колхозах КазАССР работало уже 15 875 трактористов, 1 306 тракторных бригадиров, 1 038 шоферов, 1 715 комбайнеров, 2 037 машинистов сложных молотилок, 3 310 квалифицированных рабочих

¹ Дюйсенов, 15 лет Казахстана, стр. 116.

² Там же, стр. 121.

³ Совещание передовых колхозников и колхозниц с руководителями партии и правительства, стр. 91—92.

тракторных сноповязалок и виндруюэров и т. д. — всего 27 486 чел. Через курсы массовой квалификации пропущены десятки тысяч бригадиров-животноводов, заведующих фермами, полеводов, учетных работников и т. д.

Кто сейчас не знает имен знатных комбайнеров и трактористов — Михина, Логвинейко, Фарофонтова и т. д., имен чабанов и табунщиков Пизанова, Елеусизова, Окгарбаевой и т. д.

Честный колхозный труд и непрестанная огромная материально-техническая помощь советского государства обеспечили огромный рост зажиточности колхозников. Это видно хотя бы из средних показателей дохода по всему Казахстану¹:

	1933 г.	1934 г.
На 1 колхозный двор (в руб.)	580,35	729,88
На 1 трудоспособного работника (в руб.)	298	440
На 1 трудодень (в руб.)	1,94	2,26
Выработано трудодней на 1 трудоспособного	154	193
Выдача зерна на 1 трудодень (кг)	1,9	5,1

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов сказалось не только в общем увеличении количества трудодней на одного трудоспособного, но и в значительном повышении ценности самого трудодня. Только за один год количество выработанных трудодней на одного трудоспособного увеличилось на 25⁰%, а количество зерна, выдаваемого на 1 трудодень, — на 168⁰%.

Огромные успехи достигнуты в деле ликвидации бескотности колхозников. За 1932—1934 гг. передано колхозникам из обобществленного стада 470 725 голов, из животноводческих совхозов — 233 918; завоз извне составил 120 230 голов².

За 1935 г. дополнительно передано 208 259 голов скота³.

В 1932 г. почти все хозяйства были бескотными, но на 1 января 1936 г. уже только 5⁰% колхозников оставались бескотными. Тысячи колхозников уже имеют по 3—5—10 голов скота. Многие колхозники имеют по несколько десятков голов скота. Например в Абралинском районе Восточноказахстанской области 28⁰% хозяйств имеют свыше 50 голов скота. Член серктика «Сафарбек» Оспанов Куан уже имеет 140 голов скота⁴.

Таков уверенный шаг колхозов Казахстана на пути к зажиточной жизни.

Замечательная формула товарища Сталина: «Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме»⁵ — с огромной силой сказала в области культурного строительства Казахстана.

Действительно, в любом уголке казахской степи происходит подлинный расцвет культуры национальной по форме, социалистической по содержанию. Нет уже темноты и невежества, которые так старательно

¹ Н. Сыргабеков, 15 лет КАССР, стр. 94.

² Дюйсенов, 15 лет Казахстана, стр. 118.

³ «Народное хозяйство Казахстана» № 1—2, 1936 г., стр. 146.

⁴ Нурмухамедов, 15 лет КАССР, стр. 196.

⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 426, изд. 10-е.

культивировались царизмом. Раньше грамотными были лишь муллы, ханы и султаны. Теперь казахский народ, опираясь на братскую помощь пролетариата СССР, сумел на 61% ликвидировать неграмотность. Правда, царское правительство тоже создавало «школы», но это были так называемые «миссионерские школы», в которых дети ханов и баев обучались послушанию царю и богу. В школы принимали со строгим отбором только тех, кто оказывал поддержку руссификаторской политике царизма. Это видно из следующего «Положения о порядке и правилах приема казахских (киргизских) детей в школы» от 14 мая 1844 г.

«§ 1. В состоящую при пограничной комиссии школу должны быть принимаемы, на точном основании § 12 высочайше утвержденного положения, дети вообще киргиз и преимущественно оказавших услугу правительству и известных по своей преданности»¹.

Советский Казахстан уже 15 лет осуществляет всеобщее школьное обучение.

За последние годы огромными темпами развертывалось школьное строительство.

Динамика роста школьной сети:

Г о д ы	Количество школ	В том числе средних, полных и неполных	Число педагогов	Число учащихся
1927/28	3 944	168	7 900	274 038
1928/29	4 496	203	8 447	306 303
1929/30	5 097	233	10 931	355 068
1930/31	6 273	339	12 546	487 914
1931/32	7 110	334	13 105	623 952
1932/33	6 869	450	14 494	576 566
1933/34	6 944	477	15 280	560 291
1934/35	7 163	573	17 179	640 230

Во всех школах обучение проводится на родном языке. Замечательным достижением является создание педагогических кадров из казахов. Вместо случайно выбивавшихся единиц при царизме теперь имеются тысячи педагогов-казахов, выращенных в советских учебных заведениях. Раньше (данные за 1911 г.) было всего 11 средних школ, а теперь уже 573 школы.

Еще более изумительны достижения в области подготовки квалифицированных кадров специалистов. Наново строящаяся промышленность, социалистическое сельское хозяйство потребовали ускоренной организации вузов и техникумов. В 1929 г. был всего один-единственный вуз (Педагогический институт), а в 1935 г., как показано в нижеследующей таблице, Казахстан готовит специалистов почти по всем основным специальностям.

За последние 5—6 лет в бывшем пустынном крае кочевого скотоводства наново создан 21 вуз с общим количеством учащихся 6 159 чел.; из них 3 576 казахов, т. е. 58%. Эти цифры даже не с чем сравнить: в «Киргизском крае» царской России не было ни одного высшего учебного заведения.

¹ Ескараев, 15 лет КАССР, стр. 237.

	Всего	Индустриальных	Транспортных	Сельскохозяйственных	Социально-экономических	Педагогических	Медицинских	Музыкально-драматических	Число педагогов	Всего учащихся	В том числе казахской национальности	
											абс.	в %
Вузы	15	1	—	2	4	7	1	—	411	3 665	1 783	48,7
Высшие коммунистические с.-х. школы	6	—	—	—	—	—	—	—	213	2 494	1 793	71,9
Техникумы	85	12	7	24	7	28	6	1	1 398	19 120	9 011	47,1
Рабфаки	16	3	2	3	1	6	1	—	210	3 633	2 650	72,9

Буквально на пустом месте созданы 23 научно-исследовательских института, 83 отделения и филиала научных учреждений, в которых работают 478 научных работников.

До революции на казахском языке выходила одна-единственная газета, а теперь Казахстан имеет 150 газет с общим разовым тиражом до 200 тыс. экземпляров. Раньше было всего 20—30 названий (включая и переводные) художественной литературы, а теперь каждый год печатаются сотни повестей, рассказов, романов. Раньше было 7 писателей, а теперь 70 писателей объединены в Союз советских писателей Казахстана. Раньше не было ни одного казахского театра, а теперь уже работает 22 национальных театра, 587 актеров, 2 театра рабочей молодежи, 834 кинотеатра и т. д.

Таких противопоставлений можно было бы привести бесчисленное множество. Все это воочию убеждает, что социалистическая революция, принеся Казахстану национальное и социальное освобождение, создала все необходимые условия для подлинного возрождения казахского народа. Расцвет социалистического хозяйства и культуры вызвал к жизни из самых народных глубин таланты, которые раньше были загнаны, задавлены царским салогом. Нагляднейшим примером этому может служить прошедшая с громадным успехом декада казахского искусства в Москве.

Социалистическая революция развязала ранее совершенно нетронутые производительные и культурные силы Казахстана. Несметные богатства недр не только не разрабатывались, но и не были изведены; почти не было крупной промышленности, сельское хозяйство велось чрезвычайно примитивно, население было почти сплошь неграмотно.

Теперь Казахстан неузнаваем. За каких-нибудь 15—16 лет он прошел громадный исторический путь, путь от средневековья и патриархальщины к социализму, минуя мучительную стадию капитализма. Решающим условием такого успешного скачка явилось проведение ленинско-сталинской национальной политики. Только благодаря беззаветной помощи пролетариата Союза возможен был расцвет хозяйства и культуры Казахстана. Достаточно взять только материально-финансовую помощь, чтобы понять причины столь быстрого экономического и культурного развития Казахстана. За период 1931—1934 гг. во все отрасли его народного хозяйства было вложено 2 137 млн. руб. Из этой огромной суммы только 121 млн. руб. взяты из местного бюд-

жета, а 2 016 млн. руб. финансированы из бюджета СССР и РСФСР¹. За 1932—1934 гг. на культурное строительство израсходовано 388 млн. руб.; расходы только по просвещению за 1935 г. составили 33 руб. на душу населения, тогда как царское правительство за все время своего господства затратило всего 6 р. 60 к. на душу населения².

После победы социалистической революции и организации Казахской автономной республики одной из самых главных задач национальной политики нашей коммунистической партии была ликвидация фактического неравенства, оставшегося нам в наследие от царско-колониального режима. Для того чтобы успешно решить эту задачу, необходимо было установить более быстрые темпы развития национальных районов по сравнению с общим темпом развития всего СССР. Вот почему еще XV съезд ВКП(б) в 1927 г. постановил:

«Пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам под'ема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития их экономики и культуры, исходя из увязки нужд и потребностей этих районов с нуждами и потребностями Союза»³.

Эта директива XV съезда ВКП(б) неуклонно осуществлялась на практике социалистического строительства Казахстана, что видно из таблицы, посвященной капиталовложениям в промышленность СССР и КазАССР:

	1928 г.	1932 г.	1933 г.
СССР (с районными электростанциями) (в млн. руб.)	1 880,0	10 431,0	8 863,0
В % к 1928 г.	100,0	554,9	471,4
КазАССР (в млн. руб.)	17,1	243,1	256,5
В % к 1928 г.	100,0	1 421,6	1 500,0

Темпы капиталовложений в промышленность Казахстана превышают общесоюзные темпы почти в 3 раза! Вот почему Казахстан из скудной пустыни и одной из самых отсталых окраин царской России превратился в богатый и цветущий край Советского союза. Казахская автономная ССР, став одной из крупнейших республик Союза, играет большую роль в народном хозяйстве СССР. Советский Казахстан — сейчас крупнейший в СССР район цветных металлов (75% всех запасов Союза по свинцу, 64% — по меди, 50% — по цинку), третья угольная база СССР, третья нефтяная база СССР, крупнейшая животноводческая республика. Кроме того Казахстан — один из крупных районов химической, мясной промышленности, одна из крупных пшеничных баз Союза и т. д.

Хозяйственный и культурный расцвет Казахстана, рост зажиточной и радостной жизни миллионов рабочих и колхозников сказались на усиленном росте населения в противоположность вымиранию в условиях колониального прошлого.

По данным на 1/1 1933 г., в КазАССР было уже 6 796,6 тыс. населения. Интересно отметить, что буржуазные националисты не верили в возможность возрождения казахского народа. «Летом (1934 г. — М. И.) товарищ Сталин рассказывал, что у него в 1919 г. был один из лидеров казахской буржуазно-националистической партии — некто

¹ «Казахстан к IX съезду советов», стр. VIII.

² Ж у р г е н е в, 15 лет КАССР, стр. 76.

³ Стенографический отчет XV съезда, стр. 1300.

Букейханов. Этот Букейханов пришел к товарищу Сталину и начал говорить о том, что, мол, казахский народ обречен на гибель и вымирание, народ, у которого нет перспективы, и расти он не может и не будет. И на вопрос товарища Сталина: «Почему вы так думаете?»—он ответил: «Вы представляете себе, у этого народа даже в лексиконе нет слова «движение». Англичанин например, когда говорит, то через каждые два слова произносит — иду делать. Это, говорит, англичанина характеризует, как человека дела. А у нашего народа, у казахов, нет этого слова». Товарищ Сталин его высмеял и сказал, что если бы пролетарская революция не победила, если бы, скажем, буржуазный строй еще продлился лет на 50—60, то, несомненно, что господство буржуазии привело бы к вымиранию казахского народа, но при советском строе этого быть не может. Наоборот, при советском строе обеспечен расцвет этой национальности, расцвет казахского народа»¹.

Эти пророческие слова товарища Сталина стали теперь подлинной действительностью. Блестящим подтверждением этого является новый проект советской Конституции — величайший документ, созданный гением Сталина. Новый проект советской Конституции — это проект Конституции победившего социализма. Еще Ленин писал: «Прочно только то в революции, что завоевано массами пролетариата. Записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано».

Проект Конституции — это краткий итог всемирноисторических побед Страны советов. Каждая статья нового проекта Конституции — это триумф учения Ленина — Сталина. Возьмем хотя бы статью 13, согласно которой Казахская автономная ССР преобразуется в союзную республику. Казахский народ при царизме не имел никаких политических прав. Законы русского царя — законы, по которым только грабили и угнетали казахский народ.

В условиях царизма казахскому народу отказывали в праве на историческое существование. Теперь, при советском строе, благодаря помощи пролетариата он вырос с огромной быстротой и стал в ряды передовых народов Советского союза. Из бесправной, поработенной колонии царизма в результате осуществления ленинско-сталинского лозунга о праве наций на самоопределение Казахстан превращается в одну из союзных республик нашего славного Советского союза.

«Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик» (статья 15).

«Каждая союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР» (статья 16).

«За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» (статья 17).

Таковы великие достижения ленинско-сталинской национальной политики, закрепленные в этом историческом документе — сталинской Конституции дружбы и братства народов.

¹ Мирзоян, Из речи на IX съезде советов.

Государственные долги в капиталистических странах

Успешная подписка в СССР на новый заем, значительно превысившая выпускную сумму займа, и проводимая конверсия старых займов привлекли внимание трудящихся нашей страны к вопросу о государственных займах в капиталистических странах и об отличиях наших займов от капиталистических.

В капиталистических странах государственные долги порождаются в основном войнами и кризисами, коренными противоречиями капитализма, империализма. Наши советские займы возникают на почве укрепляющегося социалистического планового бескризисного хозяйства, на почве наших успехов в деле построения бесклассового социалистического общества, на почве роста благосостояния трудящихся города и деревни.

В капиталистических странах государственные займы служат средством для наживы капиталистов и вовлечения накоплений мелкой буржуазии в дело финансирования нужд капиталистического государства. Наши займы служат средством вовлечения сбережений широчайших слоев трудящихся в дело строительства социализма, являющееся их кровным, их собственным делом.

Государственные займы в капиталистических странах служат средством биржевой спекуляции, разорения мелких капиталистов крупными, роста концентрации капитала в немногих руках. Наши займы служат средством участия десятков миллионов трудящихся в деле социалистического строительства.

Государственные займы в капиталистических странах являются важнейшим рычагом перекачки средств трудящихся в карманы капиталистов, «праздных рантье» (Маркс), банкиров, финансистов, маклеров и посредников. Наши займы являются делом самих трудящихся, не нуждающихся ни в каких посредниках между собою и своим государством. Наши займы являются мощным рычагом социалистического строительства, исключаящего всяких «праздных рантье», проводящего принцип: кто не работает, тот не ест.

В капиталистических странах деньги, вырученные от займов, идут на вооружение, на государственный аппарат буржуазии, на субвенции капиталистам и в незначительной части на жалкие подачки массам безработных и разоряемых капитализмом трудящимся города и деревни,— подачки, которые должны служить сохранению господства буржуазии. «Не может в буржуазном государстве буржуазия дать действительно на культурные цели ничего кроме грошей, ибо куши нужны ей на обеспечение господства буржуазии, как класса»¹. Это писал Ленин в «Аграрной программе с.-д. в первой русской революции». Чем более шатко положение капитализма, тем больше те куши, которые требуются на сохранение господства буржуазии как класса, тем

¹ Ленин, Соч., т. XI, стр. 430.

меньше те гроши, которые она тратит на культурные нужды. Наши займы идут в значительной своей части именно на культурные нужды, на дело культурного роста трудящихся, на дело удовлетворения их растущих культурных запросов во всех областях.

Государственные займы в Советском союзе и в капиталистических странах — это явления двух различных миров: мира социализма, дающего всем трудящимся новую, счастливую жизнь, и мира капитализма, безработицы, нищеты и ограбления трудящихся горсткой паразитов.

Государственные долги в капиталистических странах имеют свою длинную историю. Маркс охарактеризовал ее сжато следующим образом: «Система общественного кредита, т. е. государственных долгов, зачатки которой мы открываем в Генуе и Венеции еще в средние века, распространилась по всей Европе в течение мануфактурного периода. Колониальная система с ее морской торговлей и торговыми войнами послужила для нее теплицей. Прежде всего эта последняя пустила корни в Голландии. Государственный долг, т. е. отчуждение государства — все равно: деспотического, конституционного или республиканского — накладывает свою печать на капиталистическую эру»¹. Система государственных долгов развивается на первых порах капитализма параллельно с развитием экономической мощи буржуазии, становясь в свою очередь «одним из самых сильных рычагов первоначального накопления»².

Чрезвычайно характерно, что развитие биржевой спекуляции, банковского дела, капиталистической налоговой системы, кредитного хозяйства, в частности международного кредита, происходит в теснейшем переплетении с развитием государственных долгов. Известно например, как возникновение Английского банка теснейшим образом было связано с государственным кредитом, с усилением влияния буржуазии после революции (XVII в.) и как оно в свою очередь должно было послужить мощнейшим рычагом дальнейшего роста этого влияния. Известно, как богатство Ротшильда и других крупнейших банкиров первой половины XIX в. основывалось на осудах разным правительствам, как «шайка банкратов, финансистов, рантье, маклеров, спекулянтов и биржевых волков» (Маркс)³, возникшая вокруг операций с государственными долгами, приобрела господство над другими частями буржуазии во Франции Луи-Филиппа и как она сохранила значительную часть этого господствующего положения и после революции 1848 г. при Наполеоне III.

Известна та яркая характеристика, которую дал Маркс роли государственных долгов в период Луи-Филиппа в своей «Классовой борьбе во Франции»: «Задолженность государства была напротив, в прямых интересах той фракции буржуазии, которая господствовала и издавала законы в палатах. Государственный дефицит как раз был главным предметом ее спекуляции и важнейшим источником ее обогащения. По истечении каждого года — новый дефицит. После каждых четырех и пяти лет — новый заем. А каждый новый заем давал финансовой аристократии новый случай обирать государство; искусственно поддерживаемое на пороге банкротства, оно должно было заключать займы у банкиров на самых невыгодных условиях. Кроме того каждый новый заем давал возможность грабить публику, помещающую свои капиталы в госу-

¹ «Капитал», т. I, стр. 605, изд. 1932 г.

² Там же, стр. 606.

³ Там же, стр. 606—607.

дарственной ренте, посредством биржевых операций, в тайну которых были посвящены правительство и большинство в палатах. Вообще, непрочное положение государственного кредита и обладание государственными тайнами давали банкирам и их сообщникам в палатах и на троне возможность вызывать внезапные, чрезвычайные колебания в курсе государственных бумаг, которые постоянно влекли за собой разорение множества мелких капиталистов и баснословно быстрое обогащение крупных игроков»¹.

Империалистическая война 1914—1918 гг. создала новую веху в истории развития государственных долгов. В рамках данной статьи конечно невозможно остановиться на сложном узле так называемых междусоюзнических военных долгов, который оставался в центре мировой политики долгие годы после войны. Вопросы, связанные с внешними долгами, довольно хорошо известны, и поэтому придется в данной статье рассмотреть менее известную систему внутренних государственных долгов важнейших капиталистических стран.

Громадные расходы, которых потребовала мировая война и которые еще накануне показались бы совершенно фантастическими, привели не только к громадному росту внешней задолженности ряда воюющих стран, но и к неслыханному росту внутреннего государственного долга всех без исключения стран, принимавших участие в войне. «Займы позволяют правительству покрывать чрезвычайные расходы таким образом, что плательщик не чувствует сразу всей тяжести последних, но те же займы требуют в конце концов повышения налогов», — писал Маркс в первом томе «Капитала»². Используя этот метод оттягивания тяжести военных расходов на послевоенное время, буржуазные правительства проводили самым широким образом внутреннее кредитование военных расходов.

Таким путем буржуазные правительства доводили до минимума налоговое обложение капиталистов, которые в то же время вкладывали свои военные прибыли в государственные займы. Доходы от этих займов позволяли им обогащаться от войны не только во время самой войны, но и десятки лет после ее окончания. Так например внутренний государственный долг Англии вырос с 649,8 млн. ф. ст. на конец марта 1914 г. до 6 601 млн. ф. ст. на конец марта 1920 г., внутренний долг США — с 1 193 млн. долл. в 1913 г. — до 25 482 млн. долл. в 1919 г., внутренний долг Франции — с 34,5 млрд. фр. в 1913 г. — до 180 млрд. фр. в 1919 г. и т. д. Громадный рост государственного долга в свою очередь естественным образом повысил и платежи по государственному долгу в бюджете, перестроив коренным образом всю структуру бюджетов капиталистических государств после войны. В английском бюджете платежи по государственному долгу составляли в 1913/14 г. 24,5 млн. ф. ст., или 12,4% всех расходов, а в 1920/21 г. — 349,6 млн. ф. ст., или неполных 30% бюджета. Во французском бюджете расходы по государственному долгу, достигшие уже в 1913 г. 1,3 млрд. фр., т. е. 21,6% всех расходов, выросли к 1920 г. до 15,1 млрд. фр. — до 50% всех расходов. В бюджете США одни проценты по государственному долгу составили в 1920 г. 1 020 млн. долл. (15,9% всех расходов) против 23 млн. долл. (3,2% всех расходов) в 1913 г.

Такой громадный рост платежей по государственному долгу и их удельного веса в разбухших послевоенных бюджетах с необходи-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 5.

² «Капитал», т. I, стр. 607.

мостью привел, с одной стороны, к громадному росту налогового обложения, все сильнее давившего народное хозяйство и трудящиеся массы, с другой стороны,—к дальнейшему разбуханию самого государственного долга. Недаром Маркс указывал на то, что «повышение налогов, вызванное накоплением последовательных займов, вынуждает правительство при каждом новом чрезвычайном расходе прибегать все к новым и новым займам»¹. Лишь те страны, которые пережили острую инфляцию и фактически уничтожили путем громадного обесценения денег свой внутренний долг, как например Германия, смогли начать заново его увеличивать в последующие годы.

Таким образом мы видим, что с окончанием войны далеко не во всех странах приостанавливается рост внутренней задолженности или происходит частичное ее погашение. Если присмотреться к движению государственного долга после войны, то окажется, что лишь в США высшая точка его падает на 1919 г. Во Франции же, например в период послевоенной инфляции, внутренний долг продолжает расти, достигая своего апогея лишь в послейнфляционный период.

Существенно снизить свой внутренний долг сумели лишь США, разбогатевшие от войны. Им удалось отчасти доходами от военных долгов, отчасти усилением налогового обложения снизить свой государственный долг с 25 452 млн. долл. в 1919 г. до 16 185 млн. долл. в 1930 г. Другие важнейшие страны, за исключением Германии, с которой сказано выше, вступили в мировой экономический кризис с внутренним долгом, лишь незначительно уменьшившимся после войны.

В этой связи интересно привести оценку английских попыток частичного погашения послевоенного внутреннего долга, которую дают авторы известного труда о «Британских бюджетах» Маллет и Джордж:

«В результате различных операций общая сумма долга была снижена с 7 829 млн. ф. ст. на 31 марта 1920 г. до 7 574 млн. ф. ст. в следующем году; но конечным итогом всех операций как амортизационного фонда, так и других за последующие 11 лет было снижение всего на 154 млн. ф. ст., или на 14 млн. ф. ст. в среднем за год,—снижение во всяком случае не очень быстрое, учитывая, что при таких темпах потребовалось бы больше 500 лет для погашения долга. Но картина становится еще мрачнее, если принять во внимание такие явления, как увеличение процентов по сберегательным сертификатам (часть государственного долга.—Ю. В.) и распродажу военных запасов, которые больше чем перевешивают снижение долга; в то же время, если мы учтем громадное значение фактора снижения уровня цен, станет ясным, что стоимость, представленная номинальным долгом, в настоящее время значительно больше, чем в 1921 г.»².

Нужно иметь в виду это положение вещей, для того чтобы правильно понимать движение государственного долга в период кризиса и депрессии, чтобы понять сегодняшнее положение государственного долга в капиталистических странах.

Мировой экономический кризис ударил по бюджетам капиталистических стран в двух направлениях: с одной стороны, снизились налоговые поступления, несмотря на то, что буржуазные правитель-

¹ «Капитал», т. I, стр. 607.

² «British Budgets». Third Series. 1921/22 to 1932/33. Sir Bernard Mallet and C. Oswald George. London, Macmillan, 1933, p. 532.

ства пытались уменьшить кризисный дефицит бюджетов увеличением налогового обложения трудящихся, с другой — возросли расходы, являющиеся типично кризисными.

Наряду с этим обострение империалистических противоречий, принявшее крайние формы за последние годы, приход фашизма к власти в Германии, агрессивные действия Японии, война Италии в Абиссинии — все это связано с огромным ростом расходов на вооружения и войны, — особенно в наиболее агрессивных странах. Но это находит свое отражение и в бюджетах таких стран, как США, Англия, Франция и др., учитывающих растущую опасность войны.

При более подробном анализе движения государственного долга в отдельных странах мы увидим, какие именно расходы больше всего способствовали росту государственного долга в каждой стране.

США

Посмотрим сначала, как развивался государственный долг США за период кризиса и депрессии. Мы видели выше, что США достигли низшей точки своего государственного долга в период кризиса — в 1930 г. Однако с этого времени государственный долг вновь начинает расти. Следующая табличка показывает этот рост.

Годы (на конец года)	Государственный долг (в млн. долл.)
1930	15 774
1931	17 528
1932	20 448
1933	23 450
1934	27 944
1935	29 596
1936 (май)	30 823

С конца 1930 г. по май 1936 г. государственный долг почти удвоился, далеко перевалив за свою прежнюю высшую точку в 1919 г.

На что были затрачены эти громадные средства, которые государство получало путем кредита? Если попытаться сгруппировать так называемые «кризисные» («emergency») расходы, то мы получим следующую картину: до конца мая 1936 г. было израсходовано по так называемым «кризисным» расходам около 13 млрд. долл., т. е. сумма, примерно совпадающая с ростом государственного долга за годы кризиса и депрессии.

Из этой суммы разные виды субвенционирования прежде всего сельскохозяйственных банков, а также фермеров потребовали 1 388 млн. долл.; расходы на безработных и трудовые лагеря составили 5 184 млн. долл.¹, на общественные работы разных видов, в том числе и военно-стратегическое строительство, было затрачено 3 697 млн. долл.; на «помощь» домовладельцам — 538 млн. долл.; на создание «федеральной корпорации» по страхованию депозитов — 150 млн. долл.; на создание экспортно-импортного банка — 20 млн.

¹ Если учесть, что за годы кризиса и депрессии армия безработных составляла в среднем 11—13 млн. чел., то станет ясной вся ничтожность этих сумм.

долл. Наконец 2 437 млн. долл. получила от государства так называемая Рефико (Reconstruction Finance Corporation), в свою очередь субвенционировавшая прежде всего банки и железнодорожные компании.

Известно, какая сложная сеть государственных и полугосударственных учреждений возникла в связи с этими громадными расходами. Эти учреждения не довольствовались получаемыми от государства средствами. Их громадные, преимущественно субвенционные расходы требовали дополнительных средств. Эти средства они получают, выпуская собственные облигации, которые формально не входят в государственный долг, но фактически к нему приравнены: в большинстве они гарантированы государством, освобождены от налогового обложения. Сумма этих облигаций, достигшая на конец апреля 1936 г. 4 676 млн. долл.¹, фактически является частью государственного долга.

Все проведенные в США так называемые «кризисные» расходы носят в основном двоякий характер. С одной стороны, это разные виды субвенции банкам, крупным фермерам, домовладельцам и другим капиталистам. Общественные работы являются по существу также одним из видов субвенции капиталистам, получающим дополнительные государственные заказы и обирающим при них государство. С другой стороны, это расходы, которые представляют собой «социальные издержки» капиталистического государства, необходимые для предотвращения революционных вспышек как среди громадной армии безработных, так и среди массы разоряющихся фермеров, да и вообще трудящихся масс города и деревни.

Больше чем в любой другой стране мы видим в США непосредственную связь «кризисных» расходов и роста государственного долга с экономическим кризисом и его последствиями.

Особый интерес вызывает конечно вопрос, в чьих руках находится огромная масса государственных бумаг, кто является их владельцем, кто получает доходы от них. Ответ на этот вопрос дает нам возможность понять те крупные распределительные процессы, которые связаны с государственным долгом в капиталистических странах. Наиболее интересные данные по этому вопросу имеются в книге Кларка о внутренних долгах США. Они показывают, что государственные займы в 1930 г. находились:

В руках акционерных обществ, включая банки, страховые общества и т. п.	57,2%
В казначействе, в разных его фондах	11,0%
У частных лиц	10,5%
В федеральных резервных банках	3,3%
В сберкассах	0,8%
В федеральных земельных банках	0,009%
В неизвестном владении (прежде всего у иностранцев) ²	17,11%

Хотя эти данные не совсем точны и полны, все же они показывают, что государственные займы США в основном находились в руках банков, страховых обществ и других акционерных обществ, которые и получают доходы от них.

С 1930 г. банки продолжали покупать государственные бумаги на огромные суммы, и в результате создалась следующая картина: на

¹ Полное гарантирование государством облигаций, т. е. гарантирование процентов и погашения. Кроме того имеется еще значительная сумма облигаций, по которым гарантированы только проценты.

² Clark, The Internal Debt of the United States, New York, 1933, p. 230.

4 марта 1936 г. при государственном долге в 29 646 млн. долл. в банках, членах федеральной резервной системы, находилось государственных бумаг на 10,564 млн. долл., в самих федеральных резервных банках — на 2 430 млн. долл. Так что одна федеральная резервная система поглотила государственных бумаг на 12 994 млн. долл., т. е. 44% всего государственного долга.

Если считать, что соотношение государственных бумаг к другим видам ценных бумаг в портфеле у банков — не-членов федеральной резервной системы приблизительно такое же, как у банков членов, то получим следующие (оценочные) суммы: 1 731 млн. долл. у банков — не-членов кроме сберкасс и 2 665 млн. долл. у сберкасс. Таким образом всего у банков имелось в марте 1936 г. примерно на 17 390 млн. долл. государственных бумаг, т. е. 60% всего государственного долга. Если учесть, что одних процентов по государственному долгу было выплачено с 1929 г. по май 1936 г. 5,4 млрд. долл.¹, то можно себе представить, какую крупную роль играет государственный долг в перекачивании средств населения в карманы банкиров и других капиталистов.

Мы видим, что капиталисты как класс вдвойне наживаются на государственном долге: во-первых, значительная часть полученных государством средств разными путями переходит в их карманы; во-вторых, они получают доходы от тех денег, которые они дали в ссуду государству, для того чтобы оно ими же их субвенционировало. Такой процесс обогащения капиталистов за счет населения посредством государственного долга.

Англия

Наряду с громадным ростом американского государственного долга за годы кризиса и депрессии внутренний государственный долг Англии оставался почти неизменным. Как известно, кризис в Англии не достиг такой глубины, как в США, и скорее перешел в депрессию. Английский бюджет пострадал от кризиса меньше, чем бюджет любой другой капиталистической страны. Это было вызвано рядом причин. Во-первых, английский бюджет зиждется прежде всего на подоходном налоге. Сумма доходов, облагаемых этим налогом, оставалась во время кризиса почти стабильной, как показывает следующая табличка.

Г о д ы	Сумма дохо- дов	Сумма поступ- лений от подо- ходного налога
	(в млн. ф. ст.)	
1929/30	2 531	294,5
1930/31	2 497	323,0
1931/32	2 725 ²	365,5 ²
1932/33	2 554	310,9
1933/34	—	281,0
1934/35	—	280,0

¹ Интересно отметить, что правительство США выплатило по одним военным займам с 1922 по 1934 бюджетный год 9 557 млн. долл.

² В 1931/32 г. ставки подоходного налога были сильно повышены и ряд льгот упразднен.

Поступления от подоходного налога показывают за весь период кризиса и депрессии лишь сравнительно незначительные колебания. Наряду со значительной стабильностью этой основной статьи доходов введение протекционизма нашло конечно свое отражение в увеличении доходов от пошлин, развивавшихся следующим образом:

Г о д ы	Доходы от пошлин (в млн. ф. ст.)
1929/30	120,6
1930/31	121,7
1931/32	135,4
1932/33	106,8
1933/34	179,5
1934/35	185,1

Мы видим здесь два основных источника, обеспечивающих лучшее по сравнению с другими странами положение английского бюджета за эти годы в его доходной части.

Но и в расходной части английский бюджет получил известное облегчение. Этим облегчением явилось прекращение платежей по военным долгам США, платежей, сначала замененных «символическими» взносами, а потом совсем прекратившихся.

Эти и ряд других факторов позволили Англии свести свой кризисный дефицит до незначительных размеров. Он составлял всего 14,5 млн. ф. ст. в 1929/30 г. (при сумме расходов в 829,5 млн. ф. ст.), 23,3 млн. ф. ст. в 1930/31 г. (при сумме расходов в 881 млн. ф. ст.), 32,3 млн. ф. ст. в 1932/33 г. (при сумме расходов в 859 млн. ф. ст.), 1931/32, 1933/34 и 1934/35 гг. дали даже бюджетные излишки — в 0,4, 31,1 и 7,6 млн. ф. ст. Неудивительно поэтому, что внутренний долг Англии, составлявший в 1929 г. 6 415,6 млн. ф. ст., в 1936 г. не превышает 6 759,5 млн. ф. ст., причем нужно учесть, что основная часть этого роста внутреннего долга идет за счет создания фонда регулирования валюты в 350 млн. ф. ст.

Таким образом Англия сумела избежать существенного роста своего государственного долга в период кризиса. Нужно однако иметь в виду, что он уже и до кризиса находился на неслыханно высоком уровне. Кому принадлежит этот громадный английский внутренний долг, кто получает от него доходы? Конечно и в Англии владельцами значительной части государственного долга являются банки.

В конце 1935 г. в английских, шотландских и североирландских банках находилось английских государственных бумаг на 757 млн. ф. ст.; кроме того их вексельный портфель, состоящий почти целиком из казначейских векселей, составлял 503 млн. ф. ст. Таким образом примерно 1 200 млн. ф. ст. долго- и краткосрочных государственных бумаг, т. е. около 20% внутреннего долга, находятся в руках акционерных банков. Эта цифра далеко не охватывает всех банков. В нее не включены государственные бумаги, находящиеся в руках так называемых «колониальных» банков, играющих громадную роль в системе английского империализма, и целого ряда других банков.

Они являются держателями также значительной части государственных бумаг, но в их балансах эти бумаги не выделены из общего портфеля ценных бумаг. Поэтому можно без преувеличения сказать, что в руках банков находится в действительности не меньше 30% английского государственного долга. Кроме того сам Английский банк имеет громадный портфель государственных бумаг, достигший на 1 июля 1936 г. 370 млн. ф. ст., что составляет 6—7% всего внутреннего долга.

Наряду с банками страховые общества держат в своем портфеле значительную часть государственного долга. Британские государственные бумаги составляли например в 1934 г. 21,3% всех активов обществ по страхованию жизни.

Громадную часть английского внутреннего долга держат в своих руках крупные рантье. Этот слой рантье, развившийся в Англии еще в довоенное время прежде всего в связи с громадными доходами Англии от колониальных владений, несомненно является одним из крупнейших владельцев английского внутреннего долга.

Наконец известная часть английского внутреннего долга находится в руках иностранных капиталистов. Так например при конверсии 1932 г. оценивалось, что из конвертируемой суммы в 2 085 млн. ф. ст. 150—200 млн. ф. ст., или примерно 10%, находятся у иностранных капиталистов.

Своеобразие Англии как крупнейшей колониальной державы, обладающей значительным слоем крупных рантье, сказывается таким образом в том, что большая часть государственного долга находится в руках этого слоя. Кроме того нужно подчеркнуть, что, в то время как в США количество банков достигает (на конец 1935 г.) 15 836 и государственные бумаги имеются во всех этих распыленных банках, в Англии количество акционерных банков не превышает 29 (не считая небольшого числа «колониальных» банков), и имеющийся у банков портфель государственных бумаг сконцентрирован в этих немногих банках.

Более подробное представление о размещении английских государственных бумаг дают следующие цифры, заимствованные из «Economist» от 9/II 1935 г. и относящиеся к 1934 г.

В млн. ф. ст. В %

В банках (включая британские, колониальные, а также учетные банки)	1 175	17,0
» Английском банке	372	5,4
» страховых обществах	350	5,0
» «Investment Trust»	20	0,3
<hr/>		
Всего в банках и финансовых обществах	1 917	27,7
В железнодорожных компаниях	40	0,6
» других акционерных обществах	300	4,4
» сберкассах	450	6,5
» разного рода благотворительных, церковных и т. п. обществах, кооперативах, в фондах пожертвованных и т. п.	672	9,7
» руках частных лиц	2 750	40,0
» руках иностранцев (приближенно)	395	5,7
<hr/>		
Всего	6 524	94,6
В неизвестном владении	375	5,4
Весь внутренний долг	6 899	100,0

Франция

В отличие от Англии французский государственный долг показывает за годы кризиса и депрессии известный рост, хотя этот рост значительно умереннее роста американского государственного долга. Одной из основных причин значительного дефицита французских бюджетов в период кризиса был крупный недобор налогов. Французская налоговая система зиждется прежде всего на огромном количестве косвенных налогов, которые конечно особенно сильно реагируют на кризис. Исключительная запутанность и сложность этой системы дают буржуазии множество лазеек для уклонения от налогов, ставшего во Франции правилом, а не исключением. Достаточно вспомнить, что, по данным известного французского финансиста Пэтри, приводимым не менее известным буржуазным деятелем Жермен-Мартеном¹, половина капиталов, вложенных в движимое имущество, т. е. 12—15 млрд. фр., «ускользает» от декларации по общему подоходному налогу.

Реформа этой чрезвычайно выгодной для буржуазии налоговой системы, сведение свыше 150 видов налогов к нескольким крупным налогам по английскому образцу — такова одна из основных финансовых задач правительства Блюа, к разрешению которой оно приступило. Французский внутренний долг вырос с 1930 г., когда он достиг своей нижней точки, по конец 1934 г. примерно на 50 млрд. фр. Хотя он увеличился в 1935 и 1936 гг. еще на 20—30 млрд., тем не менее этот прирост нельзя назвать катастрофическим. Специальный отпечаток налагает на французский государственный долг тот факт, что при 60 с лишком млрд. фр. тезаврированных в стране и вывезенных за границу денег государство не в состоянии получить долгосрочные займы и должно финансировать нужды казначейства и дефицит бюджета краткосрочно, изо дня в день, платя высокие проценты и испытывая громадные трудности при получении самых незначительных средств. Это — парадоксальное положение, характерное именно для Франции.

Попытаемся и для Франции установить, в чьих руках находится французский государственный долг, платежи по которому составляют около 40% всех бюджетных расходов.

Отсутствие банковской статистики во Франции очень затрудняет определение размеров государственного долга, находящегося в руках банков. Наиболее полный охват банков дает статистика «La France Économique», учитывающая 25 крупнейших банков. Вексельный портфель этих 25 банков составлял на конец 1933 г. ровно 30 млрд. фр.

Если считать, соответственно оценкам «La France Économique», что государственные векселя составляли примерно 70% этого портфеля, то мы получим 21 млрд. фр. государственных векселей, находящихся у банков.

Долгосрочные государственные бумаги имеются у французских банков лишь в незначительном количестве. У так называемых депозитных банков они почти отсутствуют, да и у других банков они играют лишь небольшую роль. Таким образом во французских банках имеется в значительных размерах лишь краткосрочная часть государственного долга. Кроме того во Французском банке находилось на 26 июня

¹ Germain Martin, Les Problèmes actuels des Finances Publiques en France, Paris 1933, p. 132—133.

1936 г. на 17,5 млрд. фр. государственных бумаг (в основном казначейских векселей). Мы видим, что банки во Франции как владельцы государственного долга далеко не играют той роли, которую они играют в США и в Англии, хотя и в этих странах у банков находится преимущественно кратко- и среднесрочная часть государственного долга.

Распределение государственного долга во Франции значительно отличается от распределения в США и в Англии. В то время как например в США сберкассы не имеют особенно большого портфеля государственных бумаг, во Франции центральная касса сберкасс — Caisse des Dépôts et des Consignations — обладает громадным портфелем государственных бумаг, превышающим портфель банков. Эта касса имела на конец 1933 г. на 32 млрд. фр. долго- и краткосрочных государственных бумаг (т. е. свыше 10% всего государственного долга), в которые были вложены не только средства сберкасс, но и средства администрируемых кассой разных видов соцстрахования. Отдельно администрируются кассой средства почтовых сберкасс, накопивших на конец 1934 г. 24 564 млн. фр.; эти суммы также вложены по всей вероятности преимущественно в государственные бумаги¹.

Таким образом расплывшиеся средства вкладчиков — 19 804 тыс. на конец 1933 г. — используются для государственных расходов, превращаясь в государственные долги. Однако наряду с вовлечением сбервкладов в дело финансирования государственного долга, во Франции, как известно, государственные бумаги в своем непосредственном виде значительно шире распространены среди населения, чем в США и в Англии. К сожалению, точных сведений о том, как во Франции распределяются государственные бумаги между отдельными группами населения, не имеется. Приходится пользоваться косвенными показателями.

Лучшим из этих показателей является статистика налогового обложения наследств. Эта статистика дает детальный состав имуществ, переходящих по наследству и подлежащих налоговому обложению. Конечно даются при этом цифры, значительно заниженные, поскольку во Франции уклонение от налогов чрезвычайно распространено. Тем не менее на основе этой статистики можно получить хотя бы грубо приблизительное представление о распространении государственных бумаг среди населения.

Так например в 1934 г. имелось подлежащих обложению 349 321 наследство с унаследованной суммой в 20 789 млн. фр. В 64 859 наследствах, или в 18,6% всех наследств, имелись французские государственные бумаги на сумму в 1 432 млн. фр. Таким образом французские государственные бумаги представляли 7% суммы всех имуществ, унаследованных в 1934 г.

Что это процентное соотношение не является случайным, видно из сопоставления его с 1928 г. В этом году французские государственные бумаги имелись в 19,5% всех наследств, и сумма их представляла примерно 8% всей унаследованной суммы. Это совпадение цифр за такие разные годы, как 1928 и 1934, говорит об их пригодности для анализа распространения французских государственных бумаг среди французского населения.

¹ Значительные суммы государственных бумаг находятся также в так называемой «амортизационной кассе», созданной при стабилизации специально в целях погашения внутреннего долга.

Попытаемся определить хотя бы приблизительно долю разных слоев населения во владении государственными бумагами. По данным администрации финансов, приводимым в новой книжке Амона «Хозяева Франции»¹, в 1933 г. распределение наследств по их величине было следующим: из 354 147 наследств 185 473, или 52,3%, состояли из наследств с имуществом меньше 10 тыс. фр.; 119 774 наследства, или 33,8%, — из наследств с имуществом меньше 50 тыс. фр.; в 25 808 наследствах, или 7,4%, имелось имущество от 50 до 100 тыс. фр.; в 14 838, или 4,2% наследств — имущество от 100 до 250 тыс. фр.; в 1 512, или 0,04% наследств, — имущество выше 1 млн. фр. Вполне закономерно предположить, что в более крупных наследствах несомненно имеются государственные бумаги хотя бы и в небольшом количестве; поэтому тот факт, что французские государственные бумаги имеются в 18,6% всех наследств, означает, что они имеются не только во всех наследствах с имуществом свыше 50 тыс. фр. (эти наследства составляют всего 13,9% всех наследств), но даже в части наследств с имуществом ниже 50 тыс. фр. Это свидетельствует о большом распространении французских государственных бумаг среди не только средней буржуазии, но частично и мелкой буржуазии города и деревни, хотя конечно остается неизвестной доля этих бумаг в их имуществе. Таковы те выводы, к которым можно прийти на основе имеющегося материала.

Германия

Как упоминалось выше, громадный военный внутренний долг Германии был уничтожен вследствие инфляции, и Германия вступила в послеинфляционный период с совершенно ничтожным внутренним долгом. Однако, как известно, то же уничтожение внутреннего долга посредством инфляции имело своим следствием разорение значительных масс мелкой буржуазии, вложившей во время войны свои деньги в военные займы. Новый рост государственного долга в период кризиса должен был проходить таким образом в условиях значительного разорения мелкобуржуазных масс. Это не могло не сказаться на его структуре. Изобилие «незанятого» ссудного капитала в период кризиса должно было бы выявиться и в Германии так же, как оно выявилось в США, Англии и Франции, и должно было бы создать предпосылки для увеличения внутреннего долга. Однако кредитный крах 1931 г., востребование иностранными кредиторами громадных кредитов, которыми финансировалось германское хозяйство в период после плана Дауэса, привели к тому, что освобождающийся из промышленных и т. п. кредитов ссудный капитал уходил из Германии, увеличивая изобилие ссудного капитала в странах-кредиторах. Лишь после введения девизных ограничений, блокированных марок и т. п., после значительного сокращения выплачиваемых за границе старых кредитов Германия получила возможность увеличивать свой внутренний долг за счет высвобождающегося и не инвестируемого вновь частным хозяйством денежного капитала, за счет остающихся в стране платежей по иностранным кредитам, за счет Рейхсбанка и т. д. Однако разорение мелкой буржуазии, отсутствие значительного слоя крупных рантье и ряд других причин привели к тому, что это увеличение

¹ Augustin Hamon et XYZ, Les Maîtres de la France, Paris 1936, p. 18 и др.

государственного долга могло происходить лишь путем выпуска не долгосрочных займов, а формально краткосрочных векселей, которые, как мы увидим ниже, лишь с крайними трудностями превращались в небольшой своей части в долгосрочные займы. Известно, для чего Германия, превращенная Гитлером в военный лагерь, использует рост внутреннего долга, происходящий быстрее темпами и доведший германский государственный внутренний долг с 19,8 млрд. марок¹ на 31 марта 1933 г. до 54,2 млрд. марок на 31 октября 1935 г.²

Известно, как сначала разного рода субвенции обанкротившимся банкам, прусским юнкерам (известная *Osthilfe*) и т. п., потом введенная Папеном система общего субвенционирования промышленности путем налоговых бон, в дальнейшем система общественных работ, маскировавшая до введения общей воинской повинности военно-стратегическое строительство и проводимая уже в основном Гитлером, наконец грандиозные, ничем не маскируемые уже военные расходы, все больше и больше увеличивали государственный долг Германии. Если мы в США могли указать на связь роста государственного долга с экономическим кризисом, с армией безработных и разоряющихся фермеров, то для Германии характерно, что вырастающая в основном из тех же факторов система «кризисных» расходов перерастает в расходы по подготовке к войне, что субвенционирование капиталистов, с одной стороны, и устранение безработных с улицы (принудительная отправка их в трудовые лагеря, на общественные работы, на военное строительство, на работы к помещикам и кулакам и т. п.) — с другой, становятся звеньями в общей системе подготовки к войне. Именно это переплетение расходов, вырастающих из экономического кризиса, с расходами на вооружения характерно для фашистской Германии, для роста ее государственного долга. Увеличение государственного долга и прежде всего так называемого «невидимого» государственного долга явилось в Германии основным средством финансирования бешеных вооружений, проводимых Гитлером. Огромный рост государственного долга в Германии за годы фашистской власти — прямое следствие фашизма, для которого подготовка новой грабительской войны является основной задачей.

В отношении Германии особенно интересно проанализировать, в чьих руках находится ее государственный долг, кто является его владельцем. Попытаемся это выяснить как в отношении официального долга, так и по возможности в отношении так называемого «невидимого» государственного долга.

На конец марта 1936 г. мы имеем на 390 млн. марок казначейских векселей и долгосрочных бумаг в Рейхсбанке, на 376 млн. марок — в Гольддисконтбанке («филиале» Рейхсбанка), на 2 047 млн. марок казначейских векселей — в обычных банках, включая 740 млн. марок в жиросцентралях, т. е. центральных кассах сберкасс.

Однако наряду с формально казначейскими векселями портфель прочих векселей составлял на конец марта 1936 г. у Рейхсбанка 4 201 млн. марок, в Гольддисконтбанке — 1 365 млн. марок, у прочих банков — 4 086 млн. марок, включая 699 млн. марок в жиросцентралях, т. е.

¹ Включая долг отдельных государств и муниципалитетов.

² Включая 30 млрд. марок «невидимого» государственного долга по оценке, приводимой «Economist» от 21 марта 1936 г.

всего на 9 652 млн. марок, при общей сумме вексельного обращения (за исключением казначейских векселей) в 11 325 млн. марок на конец февраля 1936 г.

Основная масса этих векселей состоит из «векселей создания работ» («Arbeitsbeschaffungswechsel») и «векселей на вооружения» («Rüstungswechsel»), хотя точно неизвестно, какая часть вексельного портфеля состоит все же из коммерческих векселей.

Еще труднее учесть владение долгосрочным государственным долгом. Долгосрочные бумаги, имеющиеся в Рейхсбанке и в Гольддисконтбанке, учтены нами уже выше. Попытаемся учесть те бумаги, которые имеются в других учреждениях.

В марте 1936 г. в банках, публикующих месячные балансы, имелось всего ценных бумаг на 2 896 млн. марок, включая 941 млн. марок в жироцентралях. Неизвестно, какая часть этого портфеля представляет собой государственные бумаги. Однако более подробное рассмотрение данных поможет нам приблизительно оценить эти суммы. Восемь кредитных банков¹ имели на конец марта ценных бумаг на 885 млн. марок. Поскольку значительная часть их портфеля состоит из акций и других негосударственных бумаг, последние не могут представлять собой особенно большой суммы. У так называемых «специальных» банков, непосредственно развившихся в связи с финансированием общественных работ и вооружений, имелось ценных бумаг на 482 млн. марок, в основном конечно государственных. У других государственных банков ценных бумаг, тоже преимущественно государственных, имелось на 436 млн. марок. Наконец в портфеле ценных бумаг жироцентральной в 941 млн. марок основную роль играют также государственные бумаги.

Однако портфель государственных бумаг сберкасс далеко не исчерпывается бумагами, находящимися в жироцентралях. До августа 1935 г. сберкассы поглотили 500 млн. марок одних консолидационных займов; до конца 1935 г. в них было вновь размещено на 500 млн. марок 4¹/₂-процентного имперского займа. В 1936 г. в сберкассах вновь размещено почти на 200 млн. марок июньского займа.

Портфель ценных бумаг сберкасс вырос уже раньше с 1 780 млн. марок на конец 1932 г. до 2 695 млн. марок на конец 1934 г. Но чрезвычайно интересно вообще проанализировать баланс германских сберкасс с точки зрения того, какую роль они играют как владельцы государственного долга. Последние детальные сведения имеются на конец 1934 г. В это время из вексельного портфеля сберкасс в 306 млн. марок 191 млн. марок представляли собой казначейские векселя как имперские, так и отдельных государств и налоговые бонусы. Из портфеля ценных бумаг в 2 695 млн. марок имперские займы составляли 722,4 млн. марок, займы отдельных государств — 232,3 млн. марок, коммунальные займы — 1 322,2 млн. марок, всего разного рода государственных займы — 2 277 млн. марок, или 85% всего портфеля ценных бумаг. Однако этими цифрами далеко не исчерпывается роль сберкасс как держателей государственных бумаг. Мы видели уже выше, что те суммы, которые передаются сберкассами жироцентралям в качестве их ликвидных средств (в 1934 г. это составляло 1 301 млн. марок),

¹ Включая 5 госбанков и 3 других крупных банка.

в свою очередь вкладываются жироцентралями в значительной своей части в государственные бумаги. Но и самые сберкассы имеют в своих активах части государственного долга и по другим статьям. 1 544 млн. марок составляли кредиты сберкасс государственным органам, прежде всего муниципалитетам, в том числе 142 млн. марок краткосрочных кредитов и векселей и 1 402 млн. марок долгосрочных ссуд.

Суммируя все эти статьи (за исключением жироцентральной), мы получаем сумму в 4 012 млн. марок, т. е. больше 25% всей суммы баланса сберкасс и неполных 25% всего (официального) государственного долга (включая коммунальный). Эту сумму держат в своих руках непосредственно сберкассы. При учете же вложений жироцентральной эта сумма еще увеличивается.

Наряду с банками и сберкассами страховые общества и в частности объединения по социальному страхованию держат в своих руках значительную часть германского внутреннего долга.

Одни общества по страхованию жизни и от пожара¹ имели к концу 1932 г. государственных бумаг на 280,4 млн. марок, к концу 1935 г.— на 429,4 млн. марок. Страхование служащих и инвалидов имело на 29/II 1936 г. в своих активах ссуд государственным органам на 809 млн. марок. Кроме того значительная часть из портфеля ценных бумаг, составившего 1 730 млн. марок, состоит из государственных бумаг.

До конца 1935 г. страховые общества разных видов поглотили одних консолидационных займов на 350 млн. марок, а в 1936 г.— известную часть июньского германского займа.

Таковы в основном поддающиеся учету владельцы государственного долга, часть которого размещена и среди промышленных обществ.

Япония

Япония принадлежит, как известно, к тем странам, в которых военные расходы стали основным фактором, обусловившим рост государственного долга. С 1931 г., со времени оккупации Манчжурии, японская агрессия против Китая систематически развертывается. Превращение Манчжурии и Северного Китая в плацдарм будущей войны против СССР и других частей Китая требует громадных расходов на военно-стратегическое строительство. Эти расходы переплетаются с общими расходами на подготовку будущих войн. По официальным данным, военные расходы Японии с 1930/31 по 1935/36 гг. составили, включая манчжурские расходы, 4,4 млрд. иен, т. е. сумму, примерно совпадающую с ростом внутреннего государственного долга за этот период (с 4,5 млрд. иен в июне 1931 г. до 8,5 млрд. иен на конец марта 1936 г.). Известно, что внутренний долг Японии размещен, при общей бедности японского населения и отсутствии слоя крупных рантье, прежде всего в банках, которые держат государственных бумаг на 4 643 млн. иен². Это составляет 45% всего внутреннего государственного долга. Кроме того на 2 775 млн. иен государственных бумаг, или 25% внутреннего долга, находилось в октябре 1935 г. в руках депозитного бюро министерства финансов.

¹ Учтены лишь более крупные общества.

² На конец октября 1935 г., включая местные займы. Цифры заимствованы из статьи А. Розена. «Обновление просперити и угроза кризиса в Японии», «Тихий океан», 1936 г., № 1.

Анализ государственных долгов в капиталистических странах показал нам огромную роль, которую государственный долг играет в настоящее время в этих странах как метод ограбления народных масс в пользу горстки паразитов. Это громадное значение государственного долга в деле перекачки огромной части народного дохода в руки банкиров и рантье является одним из важнейших признаков огромного усиления паразитизма и загнивания капитализма за последние десятилетия.

Экономические взгляды Н. И. Тургенева

1. «Опыт теории налогов» Тургенева

Рассмотрение экономических взглядов Николая Ивановича Тургенева (1789—1871 гг.) представляет большой интерес не только потому, что он является одним из наиболее глубоких русских экономистов первой половины XIX в., но также и потому, что он был связан с декабристским движением. Правда, сам Тургенев в своих оправдательных записках, поданных Николаю I, а также в разных работах, вышедших после 1825 г., отрицает свое участие в Северном обществе, признавая, что после роспуска Союза благоденствия в 1820 г. он совершенно отошел от тайных обществ. Взгляды Н. И. Тургенева, стоявшего на крайнем правом фланге декабристского движения, не типичны для декабризма в целом, но они характеризуют определенное течение русской дворянской мысли начала XIX в. Но в следственных показаниях декабристов при всей их противоречивости по этому вопросу имеется достаточно материалов, рисующих крупную роль Тургенева в Северном обществе. Так например Рылеев показал, что Тургенев считался декабристами одним из возможных кандидатов в революционное временное правительство. Пестель показал, что Тургенев наряду с Никитой Муравьевым и Луниным входил в Думу, возглавлявшую работу Северного общества.

Остановимся на характеристике важнейших положений экономической концепции Тургенева. Начнем с рассмотрения его первой работы «Опыт теории налогов». Она является наиболее ярким памятником буржуазно-помещичьего либерализма в русской экономической литературе первой половины XIX в. Изучение смитовской теории, по мнению автора, приводит к выводу, что «все благое основывается на свободе, а злое происходит оттого, что некоторые из людей, обманываясь в своем предназначении, берут на себя дерзкую обязанность за других смотреть, думать, за других действовать и прилагать о них самое мелочное и всегда тщетное попечение»¹. Тургенев, правда, рассматривает весьма специальный вопрос о налогах. Но он пользуется каждым удобным случаем, чтобы в порядке маленьких отступлений затронуть в своей книге большие вопросы тогдашней русской действительности, как он указывает в своей брошюре «Un dernier mot sur l'émancipation des serfs», он «использует всякий случай для того, чтобы атаковать рабство»². Сам Тургенев в этих небольших отступлениях и экскурсах видел основную ценность своей работы.

Неудивительно, что «Опыт теории налогов» произвел весьма сильное впечатление на читающую публику той эпохи. Об этом говорит хотя бы самый факт выпуска второго издания через год после появ-

¹ «Опыт теории налогов», изд. 2-е, СПб 1819 г., стр. V—VI.

² «Un dernier mot sur l'émancipation des serfs en Russie», 1860, p. 4.

ления первой книги, которая по своему названию как бы была предназначена для узкого круга специалистов. Такой успех конечно объясняется не усилившимся интересом к вопросам финансовой теории, а высоким, если можно так выразиться, социально-политическим тоном работы Тургенева, ее достаточно четкой политической целеустремленностью. Книга Тургенева, проникнутая духом вражды к феодальным учреждениям и к крепостничеству, представляла для своей эпохи прогрессивное явление, хотя в этой книге сказался уже целый ряд черт — боязнь народной революции, заигрывание с самодержавием, склонность к половинчатым реформам, вообще трусливый реформизм, — все то, что более отчетливо выражено в позднейших его работах. Любопытно отметить, что Аракчеев с негодованием отзывался об эпохе, когда возможен выпуск таких работ¹.

Нужно отметить, что все наиболее специальные вопросы теории налогов трактуются Тургеньевым под совершенно определенным углом зрения. Тургеньев рассматривает налоги как наиболее яркий показатель «образованности», а последняя во всех его работах по существу выступает как синоним не только буржуазной культуры, но и капиталистического строя, взятого в целом. Создание лучшей системы налогов, более «справедливое» распределение последних, уменьшение налогового бремени Тургеньев связывает с цивилизованным строем, т. е. с капитализмом в его классическом виде, в частности со свободой в капиталистическом смысле. «Успехи образованности, — пишет он, — по мере их благодетельного влияния на нравы и обычаи народов действовали и на усовершенствование системы налогов. Граждане вследствие сих успехов начали освобождаться от угнетающего их рабства, пользоваться в смысле более просторном правом собственности; налоги начали быть распределяемы и собираемы с большей справедливостью и платимы с большей готовностью»².

Налоговая система на всем протяжении работы Тургенева трактуется преимущественно под углом зрения того, в какой мере она обеспечивает буржуазный порядок, с одной стороны, а с другой стороны, беспрепятственный рост капитала. Отсюда вытекает вызвавшее возмущение реакционеров той эпохи требование Тургенева ликвидации сословных привилегий и всех остатков феодализма в налоговой системе. Отсюда вытекает защита Тургеньевым первого требования налоговой политики (это требование, как и последующие, было сформулировано, как известно, А. Смитом), чтобы налоги были «распределяемы между всеми гражданами в одинаковой соразмерности» (т. е. соответственно их доходам). Но уже в рассмотрении этого вопроса прорывается страх Тургенева перед революцией. Защищая антифеодальные лозунги в налоговой политике, Тургеньев спешит их обосновать тем, что реализация этих лозунгов должна притупить классовую борьбу и предупредить возможность революции. Своих противников, твердолобых дворян, Тургеньев пытается утешить напоминанием о французской революции 1789 г. «От неравного разделения податей между гражданами, — пишет он, — рождается ненависть одного класса к другому, от него происходит и ненависть к самому правительству.

¹ Пыпин рассказывает («Общественное движение в России», изд. 4-е, 1908 г., стр. 421), что в его экземпляре «Опыта теории налогов» в том месте, где говорится о вреде рабства, какой-то читатель написал: «и видно карбонара». Проф. Е. Тарасов пишет: «Нам лично пришлось видеть в одном экземпляре «Опыта теории налогов» (стр. 29) негодующие знаки («ого») против слов: «Сюлли старался прекратить сбор податей, своевольно налагаемых вельможами на беззащитный народ» («Известия Самарского университета», вып. 4, Самара 1923 г., стр. 253).

² «Опыт теории налогов», стр. 6.

Французская революция представляет ужасные примеры того и другого»¹. Под неравным разделением податей Тургенев понимает предоставление налоговых привилегий верхушечным группам (т. е. прежде всего дворянству).

Основным критерием Тургенева при оценке каждого налога является: в какой мере налог способствует или, наоборот, затрудняет рост капитала.

Так например Тургенев одобряет твердый поземельный налог в сельском хозяйстве, поскольку последний «не препятствует употреблению новых капиталов в земледелии, не полагает препон усовершенствованию оного»². Наоборот, налог, взимаемый в виде определенной доли сельскохозяйственной продукции (так называемая десятина), вызывает решительное возражение нашего автора. «Сей налог,— пишет он,— препятствует усовершенствованию земледелия, возрастая вместе с умножением произведений. Такое увеличение налога, как мы и выше видели, удерживает владельцев от употребления новых капиталов для улучшения землепашества»³. В связи со своей общей установкой Тургенев весьма скептически относится к налогам на денежный капитал. В его аргументации по этому вопросу явно сквозит тревога, как бы налоги не нанесли ущерба капиталистам. «Подробное исследование состояния капиталов со стороны правительства может иметь вредные следствия для граждан, в особенности же для купцов, у коих сие часто должно оставаться тайной. Такое исследование может даже причинять банкротства. Кроме сего налог с денежных капиталов действует иногда на перемещение оных из одного государства в другое»⁴.

С особенной нетерпимостью Тургенев относится ко всякого рода личным повинностям, усматривая в них остатки феодализма. На языке Тургенева последнее положение получает следующую формулировку: «Такие личные повинности в пользу правительства или помещиков суть следы необразованности средних веков»⁵. Критика личных повинностей дает Тургеневу удобный повод, для того чтобы подвергнуть критике (правда, в весьма осторожной форме; этого требовала царская цензура) крепостное право, ибо в России, как указывает наш автор, личные повинности «в отношении к частным людям... неразлучны с крепостным состоянием крестьян»⁶.

Проводя последовательно на всем протяжении своего исследования идею о том, что налоги являются рычагами укрепления буржуазного правопорядка и накопления капиталов, Тургенев в то же время подчеркивает роль буржуазного парламентаризма как необходимой предпосылки развития правильной (т. е. соответствующей интересам капитализма) налоговой системы. «Во многих государствах,— пишет Тургенев,— введение налога делается с согласия народных представителей. Там польза сего согласия ощутительна не только для народа, но и для самого правительства»⁷. Возможности извлечения налогов, по мнению Тургенева, непосредственно определяются политическими причинами. «На самые налоги,— пишет он,— имеет влияние кроме богатства народного образ правления государства и дух народный, и сие

¹ Там же, стр. 27.

² Там же, стр. 41.

³ Там же, стр. 57.

⁴ Там же, стр. 87.

⁵ Там же, стр. 113.

⁶ Там же, стр. 118.

⁷ Там же, стр. 10.

влияние особенно показывается в охоте или готовности народа платить налоги. Сия готовность всего более видна в республиках; отвращение к налогам — в государствах деспотических¹. Тургенев прямо указывает на экономический эффект политических преимуществ республиканского строя по сравнению с деспотическим. Тут же, для того чтобы смягчить свой вывод и показать, что он не враг царского правительства, Тургенев делает весьма характерную для него оговорку: «В чистых монархических государствах конечно нигде налоги не платятся с большей доверенностью, как в России»². Эта оговорка для Тургенева не случайна. Ее нельзя объяснить цензурными соображениями. Тургенев искал осуществления своих антифеодальных лозунгов на путях соглашения с царизмом. Он признавал только реформы сверху. Поэтому он отделял презренные и ненавистные деспотии от монархической России, якобы не представлявшей собой деспотии.

2. Отношение Тургенева к А. Смиту

Учение о налогах Тургенева всецело базируется на пятой книге «Богатство народов» Адама Смита. Тургенев до конца своей жизни оставался последовательным смитианцем. Судя по его дневнику, доведенному до 1827 г., Тургенев внимательно следил за экономической литературой, но никогда не изменял воззрениям своего учителя. С учением Смита Тургенев познакомился в свои студенческие годы в Геттингене под влиянием лекций проф. Сарториуса. Уже тогда «Богатство народов» произвело сильнейшее впечатление на Тургенева. В своем дневнике он писал: «Целый вечер читал Смита. Умнейший человек»³. В петербургский период своей жизни, подготавливая к печати «Опыт теории налогов», Тургенев писал в своем дневнике: «О политической экономии все говорят и весьма многие пишут. Но сколько людей, судящих о сей науке справедливо? Вообще справедливые понятия о сей науке распространялись только после Смита. Сколько авторов, даже славнейших и ученейших, писали о сей науке до Смита. Все писали несправедливо»⁴.

В ряде мест в своем дневнике Тургенев выступает против авторов, критиковавших Смита. В этом отношении весьма показательна для нашего автора запись его в дневнике в студенческие годы по поводу книги Якоба «Grundsätze der Nationalökonomie». Тургенев писал: «Сегодня по вечеру читал Jakob'a; есть некоторое, что хорошо, но ничего нового как под солнцем, так и у всех последователей Смита. Он разнствует в определении цен с Смитом и своими ничего не значущими разделениями запутал только простое и ясное определение Смита... Зачем от добра искать лучшего и, отступая от Смита, блуждать с своим воображением в пределах неопределенности»⁵.

Тургенев был одним из первых русских людей, прочитавших Рикардо. Критика Рикардо Адама Смита и те изменения, которые Рикардо внес в теорию стоимости, не разделялись Тургеневым. В его дневнике за 1819 г. имеется следующая краткая запись: «Я читаю теперь все еще Миллера, Ricardo, с которым не соглашаюсь в его открытиях и опровержениях Смита»⁶.

¹ «Опыт теории налогов», стр. 276

² Там же.

³ «Архив братьев Тургеневых», вып. 1, стр. 241—242.

⁴ Там же, вып. 5, т. III, стр. 108.

⁵ Там же, вып. 1, стр. 244.

⁶ Там же, вып. 5, т. III, стр. 216.

Для характеристики взглядов Тургенева на стоимость весьма показательна относящаяся к 1821 г. запись в дневнике по поводу Детью де Трасси, к которому Тургенев относится весьма положительно (Детью де Трасси, как известно, оказал значительное влияние на Пестеля). «Прочитав Lemonthey, я взял Destutt de Tracy комментарий на Montesquieu... В политической экономии он принимает работу (подчеркнуто автором. — И. Б.) единственным элементом ценности и единственным источником богатства; землю почитает инструментом, наравне с машинами и пр. Смит говорил, что ценность всякой вещи состоит из дохода с земли, с капитала и от работной платы. Единным мерилом ценности вещей и Смит признает работу»¹. Столкнувшись с теорией трудовой стоимости (хотя и в очень несовершенном варианте), Тургенев спешит вспомнить высказывания Смита по этому вопросу. У Смита Тургенев берет лишь его экзотерическое учение, определяющее стоимость на основе доходов.

В «Опыте теории налогов» Тургенев дает вполне в духе Смита характеристику капитала² и его подразделений — недвижимого или постоянного (т. е. основного) и «обращающегося» (т. е. оборотного)³, а также работной платы⁴, денег⁵. Критикуя теорию налогов Канара, Тургенев попутно подчеркивает непроизводительный характер труда, связанного с государственной службой⁶. И здесь Тургенев остается верным до конца своему учителю, несмотря на то, что учение Смита о производительном труде встретило больше всего возражений со стороны самых различных буржуазных экономистов.

Из других экономистов на Тургенева наибольшее влияние оказал Сэй. Правда, в студенческие годы наш автор весьма пренебрежительно отзываясь о «Traité d'économie politique» Сэя. «Оставил читать Сэя, но мало пользы от этой книги. Читать досадно, потому что думаю терять через то время, а бросить не хочется»⁷. В дальнейшем однако отношение Тургенева к Сэю радикально изменилось. В «Опыте теории налогов» Сэй характеризуется как «один из лучших писателей по части политической экономии»⁸ и весьма часто цитируется по самым различным поводам (в частности в вопросе об определении капитала. При определении задач политической экономии Тургенев также ссылается на Сэя).

То обстоятельство, что Тургенев не проводит никакого различия между теориями Смита и Сэя, показывает, что он мог заимствовать у Смита лишь экзотерическое его учение. Нужно кроме того отметить, что различие между Смитом и Сэем лежит в основном в плоскости чисто теоретической. Между тем Тургенева сравнительно слабо интересовали вопросы теоретической экономии. Внимание Тургенева сконцентрировано в плоскости чисто практических вопросов и прежде всего в плоскости вопроса об уничтожении крепостного права. При решении этих вопросов принципиальные расхождения между Смитом и Сэем представляют сравнительно мало интереса.

Адам Смит оказал влияние и захватил Тургенева не своим учением о трудовой стоимости, не своей попыткой дать анализ капиталистич-

¹ Там же, стр. 261.

² «Опыт теории налогов», стр. 81.

³ Там же, стр. 83—84.

⁴ Там же, стр. 109.

⁵ Там же, стр. 91—94.

Там же, стр. 219.

⁷ «Архив братьев Тургеневых», вып. I, стр. 261.

⁸ «Опыт теории налогов», стр. 261.

ческого производства. Для Тургенева Адам Смит прежде всего и главным образом важен как наиболее яркий защитник экономического либерализма, как наиболее глубокий и крупный сторонник принципа *laissez faire, laissez passer*. Последний принцип, по мнению Тургенева, должен составить краеугольный камень экономической политики, альфу и омегу всей экономической науки.

Автор «Опыта теории налогов» понимал связь, существующую между свободой торговли и буржуазными и политическими свободами. В его дневнике (1817 г.) встречается следующая весьма интересная запись: «Нападают на стремление Англии завладеть торговлей мира; конечно, стремление сие может иметь нечто невыгодное для других государств, занимающихся торговлей. Но, осуждая Англию, вспоминают ли хулители ее о выгодных действиях, которые торговое занятие Англии имело для благополучия Европы. Торговля дышит и цветет свободой. Из сего следует, что англичане, стремясь к распространению свободы торговли, необходимо стремились к распространению правил свободы». Несколько ниже Тургенев замечает: «Обширная торговля не может быть без свободы. Свобода торговая ведет за собой свободу политическую, а без сей последней нет счастья прочного для народов»¹.

Влиянием Смита объясняется защищавшееся Тургеневым в течение всей его жизни убеждение, что капитализм, основанный на свободе конкуренции, является естественным, разумным способом производства. Тургенев никогда не мог подняться над узким буржуазным кругозором мысли, характерным для классической школы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он враждебно встретил социалистические теории. В своей борьбе с социалистическими учениями, выпячивая абсолютный характер буржуазного способа производства, Тургенев встал на путь апологетики капитализма. Критикуя социалистов, Тургенев пользовался аргументами, заимствованными из арсенала смитовской теории. Никакой оригинальности в этой области Тургенев не проявил. В глазах Тургенева социалисты повинны прежде всего в том, что они, мол, обнаруживают незнание или забвение основных истин политической экономии, непонимание решающей и всеспасающей силы принципа *laissez faire, laissez passer*. Отношение Тургенева к социалистическим учениям очень ярко выражено в первом томе «*La Russie et les russes*». Он отмечает, что изучение общественных наук и в особенности политической экономии должно выяснить необходимые законы, вытекающие из природы всякого человеческого общества. «Достаточно углубить основные принципы образования и распределения богатства, чтобы увидеть ничтожество всех этих утопий, которым учат и проповедуют сегодня по так называемым социальным вопросам, организации труда и т. д. Политическая экономия доказывает также, лучше чем это может сделать философия, полную пустоту этой иллюзии, которая угрожает частной собственности. Насколько было бы меньше мечтателей, насколько всюду бы было меньше жертв, если бы знание истин, открываемых наукой, ... было бы более общим»². В другой своей работе, написанной в связи и под непосредственным впечатлением 1848 г., он бросает обвинение социалистическим и коммунистическим доктринам в том, что они «стремятся привести народы к варварству»³. Тургенев, проявивший

¹ «Архив братьев Тургеневых», вып. 5, т. III, стр. 48—49.

² «*La Russie et les russes*», t. 1, 1847, p. 539.

³ «*La Russie en présence de la crise européenne*», Paris 1848.

большую осторожность в критике царского правительства, не стесняясь в резких выражениях, когда речь шла о социалистических теориях.

Тургенев был настолько глубоко убежден в том, что частная собственность есть естественное право, без которого невозможно существование человеческого общества, что всякие идеи, направленные против института частной собственности, он рассматривает как нелепые, абсурдные (в ряде мест он говорит о «нелепости» идей Пестеля, которого он считает социалистом). В своем предсмертном произведении, которое он сам рассматривал как завещание, Тургенев писал: «Одна из этих теорий, на которые мы здесь намекаем, отвергая право собственности, есть самая нелепая, но вместе и по тому самому наименее опасная. Право собственности так тесно соединено с личностью человека, которому оно принадлежит, что нападать на имущество значит нападать на лицо»¹.

Знал ли Тургенев о противоречиях капиталистического производства? Учитывал ли он в какой-либо мере эти противоречия? Как он реагировал на последние? Нужно отметить, что Тургенев, который бесконечное количество раз повторяет свои излюбленные идеи о вреде крепостного права, о методах освобождения крепостных крестьян, весьма сдержан и лаконичен, когда касается вопросов капиталистического обнищания.

В одном лишь месте мы нашли кое-какие, очень краткие и отрывочные замечания по этому вопросу. Рассматривая роль крупнейших европейских стран, Тургенев отмечает, что за последнее время значительно уменьшилось влияние Англии. Этот факт он объясняет двумя причинами: с одной стороны, слишком большим развитием в Англии аристократии, а с другой стороны, «действительно удручающим распространением пауперизма». Затронув вскользь вопрос о пауперизме, Тургенев ограничивается выражением надежды, что народ, наделенный столь выдающимися способностями, такой сильной волей, как английский, сможет найти средство для излечения зол, от которых он страдает². Этот маленький экскурс весьма отчетливо показывает, насколько Тургенев был далек от понимания того, что пауперизм является органическим пороком капитализма. По его мнению, пауперизм — случайное бедствие; вся беда, мол, в том, что не нашлось еще изобретателя, который предложил бы наиболее простой и приемлемый для капиталистов метод лечения этой болезни.

В сноске к этому месту Тургенев спешит утешить читателя сообщением о том, что английское правительство недавно провело «фундаментальную реформу», способную излечить «реальное зло». Что же это за «фундаментальная реформа»? Оказывается, что речь идет всего только об уничтожении таможенных пошлин на некоторые товары³.

Тургенев оказался вполне верным себе. Выход из всех бедствий капитализма он ищет на путях дальнейшего развития капиталистической свободы промышленности и торговли, т. е. на путях еще большего развития капитализма.

3. Тургенев и крепостное право

Итак, Тургенев представляет собой тип буржуазно-помещичьего либерала, воспитанного на экономических идеях Адама Смита и Сэя. Такой тип нередко встречался у нас в первом и втором десятилетиях

¹ «Чего желать для России?», Лейпциг 1868 г., стр. 115.

² «La Russie et les russes», t. III, p. 267—268.

³ Ibidem, p. 268.

XIX в. Не внося в экономическую науку ничего оригинального, Тургенев благодаря своей большой эрудиции и литературному дарованию дал весьма удачное, четкое и концентрированное выражение идей, распространенных в то время среди прогрессивных элементов русского дворянства. На всем протяжении литературной и общественной деятельности Тургенева все его внимание было заострено на вопросах ликвидации крепостного права и освобождения крестьян.

Наличие крепостного права Тургенев рассматривал как крупнейший фактор, задерживающий капиталистическое развитие России. В своем «Опыте теории налогов», в котором, по условиям цензуры, Тургенев не смог развернуть всей проблемы ликвидации крепостного права, он связывает последнее с тремя состояниями государства: успевающего (т. е. прогрессирующего), неперемennого (т. е. стационарного) и упадающего (т. е. регрессирующего). Показав все преимущества успевающего состояния государства (при которых все налоги падают на потребителя), автор «Опыта теории налогов» уверяет, что Россия должна быть причислена к типу государств успевающих. Однако имеется одно маленькое «но». И Тургенев спешит расшифровать это «но». «Успехи России,— продолжает он,— при таком духе народа и правительства, какой существует в отечестве нашем, были бы еще совершеннее, если б общей деятельности, общему стремлению к образованности и благосостоянию не препятствовало существование рабства»¹.

Тургенев не перестает повторять в самых различных своих произведениях, что ликвидация крепостного права является исходной реформой. Всякие иные реформы, предпринятые до уничтожения крепостного строя, по его мнению, не принесут пользы и даже, наоборот, могут стать источником ухудшения положения крепостного крестьянства. Борьбу с крепостным правом Тургенев рассматривал оторванно от всей политической борьбы с царизмом. Напротив, возлагая все свои надежды на «мудрого» монарха, Тургенев выступал против введения в России представительного строя до освобождения крестьян.

Из всей системы экономического либерализма, развитой Смитом, логически вытекает вывод о большой выгодности «свободного» (т. е. капиталистически организованного) труда по сравнению с принудительным или крепостным трудом. Это положение является краеугольным камнем экономической теории Тургенева, отправным пунктом всех его рассуждений. В связи с этим все рассуждения Тургенева о невыгодности крепостного хозяйства (обозначаемого им часто как рабское хозяйство) имеют весьма абстрактный характер. Тургенев рассматривает помещичий класс своей эпохи как одну сплошную массу; он абстрагируется от расхождения интересов помещиков, владеющих оброчными и барщинными имениями, помещиков крупнопоместных и мелкопоместных и помещиков, владеющих имениями в черноземной и нечерноземной полосе. Он не видел сложного клубка противоречий, с которыми был связан переход крепостной России на рельсы капитализма.

Тургенев считал, что освобождение крестьян вполне отвечает интересам русского помещичьего класса, переросшего в капиталистический класс. Выражая интересы известной части русского дворянства, быстро идущей по линии обуржуазивания, Тургенев интересы этой части дворянства отождествил с общими интересами всего русского дворянства. Между тем эта наиболее передовая часть русского дво-

¹ «Опыт теории налогов», стр. 238—239.

рляства не была ни преобладающей, ни ведущей частью в 10-х и 20-х годах XIX в., когда сформировалась концепция Тургенева. Поэтому, при всей ограниченности (с точки зрения буржуазного прогресса) социально-экономической программы Тургенева, она должна была казаться слишком прогрессивной и радикальной для русского дворянства той эпохи, в своей значительной части весьма цепко державшегося за крепостнические отношения.

Исходя из своей общей концепции, Тургенев рассматривает крепостной строй как строй, основанный на невежестве, на незнании действительных законов экономики, как строй, противоречащий требованиям, выдвигаемым политической экономией. «Если рабство негров есть преступление,— пишет он,— то рабство русских крестьян есть больше, чем преступление: это — ошибка. Во всех случаях это — абсурд, даровая несправедливость (*iniquité gratuite*), потому что преступление это не приносит выгоды самим владельцам рабов»¹. Чем же тогда объяснить сопротивление основной массы дворянства всяким, даже весьма слабым, попыткам смягчения крепостного права? Тургенев выдвигает весьма наивное объяснение этой, якобы экономически неоправданной косности дворян-крепостников. Ссылаясь на то, что большая часть владельцев оброчных имений не живет в своих деревнях, Тургенев в своей записке о крепостном состоянии (1819 г.) спрашивает: «Каким же образом можно ожидать от дворянства начала предложений (*initiative*) об улучшении состояния крестьян, когда большая и, говоря вообще и без обиды для всех, лучшая часть сего дворянства не живет со своими крестьянами, не может знать их потребностей, не знает даже в точности действительного их положения и еще менее средств к улучшению оного?»².

В тех случаях, когда Тургенев чувствует неубедительность для дворянской аудитории чисто экономической аргументации, он подкрепляет свои рассуждения призывами к этическим мотивам. В одном случае он выступает даже против одного из своих учителей — против Свя. В своей статье «Нечто о барщине» Тургенев писал: «В последнее время один из политических писателей, Сэй, показывал, разделяя впрочем мнение о рабстве с людьми благомыслящими, что, напротив того, работа посредством невольников должна быть выгоднее для хозяев. Мне кажется, что в таком деле надобно прежде других расчетов сделать расчет со своей совестью, и тогда искомое не будет подвержено никакому сомнению. Правила арифметические недостаточны для вычислений сего рода; правила справедливости в сем случае равно необходимы»³.

Положение о большей выгодности для русских помещиков при всех условиях вольнонаемного труда по сравнению с крепостным подкреплялось у Тургенева также соображениями о том, что в случае освобождения крестьян вся земля, в том числе и находящаяся в пользовании крестьян, должна перейти к помещикам. Большая производительность вольнонаемного труда при этих условиях умножилась приращением земельной площади, переходящей в полное распоряжение помещиков. Исходя из такого представления о методах «освобождения» крестьян, Тургенев приводит расчет, сделанный им для своего имения, расположенного в Симбирской губернии. «Я вычислил,— пишет он,— что земли, принадлежащие моей семье в Симбирской губ.,

¹ «La Russie et les russes», t. II, p. 16.

² «Архив братьев Тургеневых», вып. 5, т. III, стр. 423.

³ Там же, стр. 408.

могли бы принести вдвойне и втройне больше дохода, если б не было рабов, которым приходится оставлять большую часть земли для их собственных нужд и которые весьма плохо обрабатывают остальную землю для помещика»¹.

В другом месте Тургенев весьма откровенно показывает секрет этого роста доходности имений: помещики «могли бы получить больший доход от своих земель, если бы они могли избавиться (*débatasser*) от крестьян, проживающих на этих землях»². В нескольких словах Тургенев выразил здесь свое отношение к крестьянской реформе — избавиться от крестьян, т. е. «освободить» крестьян от земли. Какое глубокое различие в этом вопросе между Тургеневым и Пестелем!

Здесь мы подходим к самому интересному пункту экономической концепции Тургенева, к его воззрениям о путях освобождения крестьян. Рассмотрение этого вопроса даст возможность выявить классовые корни теоретических взглядов Тургенева. Последний различает два вида эмансипации крестьян — простую (т. е. без всякого наделения крестьян землей) и квалифицированную (т. е. с известным земельным наделом). Тургенев считает, что следует предпочесть простую эмансипацию, ибо ее можно значительно скорее и легче реализовать. Квалифицированная эмансипация, по его мнению, представляет такие большие трудности, которые угрожают отбросить в далекое будущее реализацию всей крестьянской реформы.

Тургенев, работавший лично со Штейном (в 1813—1815 гг.), весьма часто ссылается на прусскую реформу, по которой крестьяне получили половину своих прежних наделов, а другую половину должны были выкупить. Тургенев очень высокого мнения об этой реформе, но он считает, что она неприменима к России, ибо в последней преобладает общинное землевладение. Если бы каждый крестьянин, пишет он, мог получить земельный участок в полную свою собственность, если бы он мог полностью распоряжаться своей собственностью и своей личностью, то тогда можно было бы всячески приветствовать эту реформу. Но поскольку таких условий в России нет, поскольку земля перейдет к общинам, Тургенев считает, что преимущества квалифицированной эмансипации не настолько велики, чтобы компенсировать трудности, сопряженные с подобного рода эмансипацией³.

В дальнейшем однако Тургенев указывает на необходимость передачи крестьянам небольших наделов. Одним из аргументов в пользу таких наделов является то обстоятельство, что государственные крестьяне при освобождении должны были получить известные наделы. Поэтому простая эмансипация помещичьих крестьян вызвала бы слишком большие различия между помещичьими и государственными крестьянами. Тургенев опасался, что такой метод разрешения крестьянского вопроса вызовет сильное недовольство помещичьих крестьян. Чтобы предупредить последнее, Тургенев рекомендует установить максимальную и минимальную нормы надела. В качестве максимума он устанавливает одну десятину на душу, или три десятины на тягло. Минимальную норму он по существу не считает нужным регламентировать, полагая, что бедный русский мужичок (бесконечную терпеливость и безропотность которого Тургенев несколько раз превозносит) на худой конец удовлетворится только своей усадебной землей. Тургенев тут же считает нужным предупредить против всяких попыток

¹ «La Russie et les russes», t. II, p. 235—236.

² Ibidem, t. III, p. 149.

³ Ibidem, t. II, p. 153—154.

расширительного толкования вопроса о том, какие земли переходят к крестьянам. Крестьянам могут быть уступлены лишь пахотные земли и луговые, все остальные участки, в частности леса, рыбные ловли и т. д., должны остаться всецело у господ¹.

Вся эта программа «освобождения» крестьян от их земли вполне отчетливо выявляет классовые симпатии Тургенева. Его проект обезземеления крестьян ничем по существу не отличается от проекта декабриста Якушкина, а также Никиты Муравьева. Известно, как собственные крестьяне Якушкина реагировали на его предложение. Ратуя за максимальное ограничение крестьянского надела, Тургенев исходил из того, что эта норма будет достаточной для удовлетворения крестьян и не явится вместе с тем слишком большой жертвой для помещика². Мы прекрасно знаем, в какой мере эта норма могла «удовлетворить» крестьян. Очевидно, решающим моментом для Тургенева был второй мотив, т. е. опасение обременить помещиков слишком большой жертвой. Весьма откровенно выражена классовая подоплека всего этого предложения Тургенева в его письме к брату из Лондона в 1827 г. Указывая на преимущества метода освобождения крестьян в Пруссии, Тургенев тут же добавляет: «Но я не предлагал этого никому, зная, что это только устроит и отдалит мысли помещиков от освобождения... Для нас это было бы слишком хорошо. Не надобно искать совершенства, где и менее совершенное было бы так благодетельно»³.

Тургенев развил очень большую литературную деятельность в годы, предшествовавшие реформе 1861 г. Во всех своих литературных выступлениях он горячо защищает идею небольших наделов без выкупа их крестьянами. В своей брошюре «О новом устройстве крестьян», написанной в ответ на манифест 19 февраля 1861 г., Тургенев под этим углом зрения критикует реформу 1861 г. Он критикует ее не слева, а справа. Весьма характерно для него следующее место. Приводя цитату из записки Ростовцева Александру II, — «Мы не могли и думать об ограниченном или недостаточном наделе крестьян», — Тургенев тут же отмечает в сноске: «Не могли думать, а могли и должны были (подчеркнуто автором.—И. Б.) сделать»⁴. В предисловии к этой брошюре Тургенев прямо рекомендует использовать положение о дарственных (т. е. по существу нищенских) наделах. «Если доводы мои, — пишет он, — покажутся некоторым помещикам достаточно уважительными для того, чтобы согласиться со мной в основных началах сего плана, то они могут просто прибегнуть к ст. 123 местного положения для 34 губерний, по которой помещик может предложить крестьянам подарить им $\frac{1}{4}$ высшего надела, включая усадьбу; крестьяне же, приняв таковой дар, тем самым откажутся от всяких дальнейших наделов землей». Пресловутые дарственные наделы, связанные с последней степенью обнищания крестьян, нашли себе защитника в лице Тургенева.

¹ Ibidem, p. 165—167.

² Ibidem, p. 165—166.

³ «Чего желать для России?». Тургенев имел все основания писать в своем дневнике: «Я не полагаю, чтобы из слов моих о крепостном состоянии крестьян кто-нибудь был так несправедлив и заключил о моем недоброжелательстве к сословию дворянскому». Несколькими строками ниже он подчеркивает, что «свободное состояние крестьян равно выгодно и для помещиков» («Архив братьев Тургеневых», вып. 5, т. III, стр. 121—122).

⁴ «О новом устройстве крестьян». «Русский заграничный сборник», ч. V, тетрадь I, Лейпциг 1861 г.

Тургенев нисколько не опасался возможности быстрой пролетаризации русского крестьянства. Наоборот, он приветствует такую перспективу. В своей работе «Un dernier mot sur l'émancipation des serfs en Russie» Тургенев выступает против «странной претензии сделать крестьян хозяевами, притом бедными хозяевами, когда они были бы более счастливы, оставаясь простыми рабочими»¹. Несколько ниже он указывает, что ничто не может воспрепятствовать образованию класса сельскохозяйственных рабочих, как только общинное землевладение будет уничтожено².

Во всех своих предложениях по крестьянской реформе Тургенев выступает как вполне законченный и последовательный идеолог обуржуазившегося дворянства. Его идеалом является крупная помещичья экономия, которая ведется на капиталистических началах. Судя по всему, Тургенев был противником крупного капиталистического фермерства, применяющего свои капиталы на арендованной земле. Он в частности подчеркивает, что система фермерства неизвестна в губерниях Великороссии³. В «Опыте теории налогов» Тургенев отмечает, что снижение налога для владельцев земли, которые сами ее обрабатывают, «может иметь благодетельное влияние на земледелие, поощряя владельцев к собственному обрабатыванию земель своих»⁴.

Помещичьи экономии, организованные на капиталистических началах, нуждаются в «свободных» рабочих руках (свободных в капиталистическом смысле, т. е. лишенных средств производства). Через все работы Тургенева красной нитью проходит одна идея — необходимо обеспечить предложение вольнонаемного труда. В этом он видит преимущества своего плана «освобождения» крестьян. «Что касается до выгод общих, государственных, то, по нашему глубокому убеждению, одна возможность основания настоящего вольного труда (подчеркнуто автором.—И. Б.), покрывающая все недостатки нашего плана, заставляет нас держаться его более, нежели когда-либо»⁵.

Тургенев — принципиальный противник сохранения остатков феодальной зависимости в деревне. Он за «вольного» арендатора, за «вольного» рабочего, за «вольные» цены, за «вольную» игру капиталистической стихии. «В отсутствии крепостного права,— пишет он,— для помещика гораздо выгоднее иметь дело с самостоятельным соседом, который или купит, или наймет его землю, или будет обрабатывать ее по вольным ценам, нежели с полувольным, временно обязанным, бывшим его крепостным крестьянином»⁶.

Тургенев выступает горячим противником всех тех институтов, которые в известной мере замедляют выделение капиталистических элементов среди крестьянства, в частности он выступает противником общинного землевладения. Ликвидация последнего должна, по мнению нашего автора, значительно ускорить пролетаризацию крестьянства и облегчить распространение вольного труда. «Вольный труд,—

¹ Un dernier mot sur l'émancipation des serfs en Russie», Paris 1860, p. 63.

² Ibidem, p. 68.

³ «La Russie et les russes», t. II, p. 119.

⁴ «Опыт теории налогов», стр. 47. В своих работах Тургенев не проводит вообще различия между землевладельцами и капиталистами-арендаторами, объединяя тех и других под общим названием земледельцев. Поэтому он не мог понять смысла физиократической теории, защищавшей прежде всего интересы капиталистического фермерства. В частности Тургенев выступал против предложения физиократов о едином налоге, считая это предложение крайне вредным для землевладельческого класса в целом. («Опыт теории налогов», стр. 65—67.)

⁵ «О новом устройстве крестьян», стр. 38.

⁶ Там же, стр. 33.

добавляет он,— не основывается одним отстранением крепостного права... В настоящее время существуют различные препятствия для вольного перехода крестьян с одного места на другое. Одни из сих препятствий тесно соединены с существующим порядком общинного владения землей. Препятствия сего рода могут быть отстранены ослаблением или совершенным отстранением общинного начала в пользовании и во владении землей»¹.

Концепция Тургенева носит ярко выраженный дворянский характер. Это наложило отпечаток на все его лозунги, это обусловило ограниченность его социально-экономической программы. Субъективно будучи сторонником быстрейшего перевода России на путь капитализма, Тургенев предлагал такие методы перевода (экспроприация большей части земли у крестьян), которые объективно должны были привести к максимальной консервации крепостнической экономики. Крестьяне с карликовыми участками в большинстве случаев превращались бы не в пролетариев, работающих в помещичьих экономиках (у значительной части русских помещиков не было соответствующих предпосылок для создания капиталистических предприятий), а в арендаторов, снимающих землю на кабальных условиях.

4. Отношение Тургенева к промышленному капиталу

Дворянская ограниченность программы Тургенева выразилась и в его отношении к промышленному капиталу. Он неоднократно критиковал всякие попытки насаждения фабрик и мануфактур. В своей «Записке о крепостном состоянии» он писал: «Не только у нас, но и во всей Европе правительства жертвовали прежде всем для учреждения фабрик и мануфактур. Разлившийся свет наук политических убедил Европу, что богатства народные рождаются не от фабрик, а от свободы промышленности и торговли»². Говоря о необходимости отменить всякие правила, регулирующие уровень процента, Тургенев отмечает: «Сие не стоило бы правительствам ни малейшего труда; напротив того, избавило бы их от излишних забот и принесло бы государству несравненно более пользы, нежели все запрещения ввоза и вывоза, нежели все некстати заводимые фабрики и мануфактуры и вообще всякое направление народной промышленности»³. «По одному взгляду на простого человека (речь идет о землевладельце, о чем сказано автором несколькими строками выше.— *И. Б.*) можно судить о степени благосостояния государства; между тем как множество фабрик, мануфактур, поселений, колоний, заводимых правительством, не дадут никому ясного понятия о богатстве народном»⁴.

Все симпатии Тургенева принадлежат сельскому хозяйству. Последнее в ряде мест рассматривается как основной источник народного дохода⁵. В частности, в своем «Опыте теории налогов» Тургенев в ряде мест подчеркивает, что интересы государства наиболее тесно связаны с капиталами, занятыми в земледелии. Показав, что налог иногда вызывает перемещение денежных капиталов из одного государства в другое, Тургенев делает отсюда следующий вывод: «На сем основывается положение, что капиталы, употребленные на земледелие,

¹ Там же, стр. 51.

² «Архив братьев Тургеневых», вып. 5, т. III, стр. 417.

³ «Опыт теории налогов», стр. 247—248.

⁴ Там же, стр. 256—257.

⁵ «La Russie et les russes», t. III, p. 41.

служат более верной порукой благосостояния государства, нежели капиталы, употребленные в торговле. Помещик земли должен необходимо быть гражданином того государства, к которому он принадлежит: владеющего денежными капиталами можно в сем отношении назвать гражданином целого света»¹.

В связи с этим выпячиванием аграрных интересов Тургенев своеобразно понимает значение уничтожения крепостного строя. Если обычно ликвидация последнего понимается как фактор, который должен значительно усилить промышленное развитие, то Тургенев приходит к диаметрально противоположному выводу. Он полагает, что освобождение крестьян должно быть произведено только в интересах земледелия и что это освобождение может даже (по крайней мере на первых порах) вызвать задержку роста промышленности. «Если б не существовало рабства,— пишет он,— то значительные размеры территории, которая может быть очищена и подвергнута обработке, препятствовали бы крупному расширению мануфактурной промышленности. Рабочие не пошли бы на фабрики, поскольку у них была б возможность получения других работ, поскольку земля доставила б им более легкие ресурсы»². В другом месте он указывает, что в случае эмансипации крестьян «можно ожидать, что много капиталов, применяемых сейчас в индустрии и торговле, будут направлены на приобретение и обработку земель»³. Отсюда Тургенев делает вывод, что эмансипация, вызвав увеличение спроса на земельные участки, вызовет тем самым повышение земельных цен. Таким образом он ожидает непосредственного улучшения дел от ликвидации крепостного строя только в земледелии. Крепостные и посессионные фабрики (о капиталистических фабриках он почему-то умалчивает) Тургенев рассматривает как фактор усиления крепостного строя. Экономические преимущества крестьянской реформы им анализируются прежде всего под углом зрения обеспечения более высокого роста производительности труда в земледелии.

Тургенев иногда отдавал себе отчет в том, что самый факт индустриализации страны мог бы ускорить эмансипацию крепостных или во всяком случае усилить движение в пользу этой эмансипации. В одном месте он ссылается на мнение, согласно которому создание большого числа фабрик и заводов, хотя бы искусственными мерами, должно будет обжикить индустриальную активность русского народа, прежде всего средних классов, а это движение в свою очередь должно в значительной степени ускорить эмансипацию крепостных. В другом месте, в своем дневнике, он отмечает правильность мысли Детю де Трасси о том, что протекционизм, стимулирующий промышленную переработку местного сырья, может быть выгоден рабам. По этому поводу наш автор раздражается следующей сентенцией: «Я всегда то же думал о торговле России. Так рабство делает неверными все расчеты, ложными самые истины. Рабство есть ложь»⁴.

Признавая положительную роль промышленного развития России для ускорения реализации своей заветной мечты — ликвидации крепостного строя, Тургенев тем не менее был решительным противником каких-либо мер поощрения развития русской промышленности. Он был последовательным и принципиальным сторонником фритредер-

¹ «Опыт теории налогов», стр. 87—88.

² «La Russie et les russes», t. II, p. 167—168.

³ Ibidem, t. III, p. 172.

⁴ «Архив братьев Тургеневых», вып. 5, т. III, стр. 262.

ской политики, отвечавшей интересам русского дворянства. В своем «Опыте теории налогов» Тургенев перечисляет ряд случаев, когда можно взимать вывозные и ввозные пошлины. Но эти случаи настолько немногочисленны, правила о взимании пошлин формулируются с такими оговорками, что всякие элементы протекционизма промышленности буквально сводятся на-нет. Тургенев проявляет тут исключительную осторожность. Его основное опасение состоит в том, как бы не получилось некоторого ограничения свободной конкуренции в промышленности и торговле. Так например он формулирует следующее правило: «Пошлина с переработанных иностранных товаров никогда не должна быть так велика, чтобы могла затруднить или даже уничтожить совместничество иностранных товаров с собственными того же рода; иначе сии последние будут издвигаемы хуже, и внутренняя промышленность придет в упадок: истина, неизвестная меркантилистам, которые желают все занятия предоставить исключительно жителям одного государства, отделяя от них совместничество иностранцев»¹. Весьма характерно для Тургенева его положение, что от введения высоких таможенных пошлин и ограничения иностранной конкуренции русская промышленность придет в упадок. В каком смысле понимает Тургенев этот упадок? В том смысле, что промышленность будет выпускать продукцию худшего качества. Это положение весьма отчетливо показывает, что Тургенев прежде всего учитывал интересы дворян, являвшихся в то время основными потребителями продукции целого ряда мануфактур.

5. Социально-политические взгляды Тургенева

Выдвигая в качестве важнейшей задачи развитие России по пути цивилизации, Тургенев понимает последнюю как капитализм с резким преобладанием сельского хозяйства, развивающегося по прусскому пути. Этому социально-экономическому идеалу соответствовала определенная политическая программа. Стержнем этой программы является создание буржуазного правопорядка. Желая подчеркнуть, что он не является непримиримым противником абсолютизма и что сейчас центр тяжести не в борьбе с абсолютизмом, Тургенев все необходимые реформы делил на две категории — совместимые и несовместимые с абсолютизмом. К числу первых, являющихся первоочередными, он относит уничтожение крепостного права, реорганизацию судебных установлений с введением суда присяжных, отменой телесных наказаний и т. д., местное самоуправление, выборное начало для администрации, расширение свободы печати и т. д. Ко второй категории он относит установление равенства всех перед законом, представительную форму правления², ответственное министерство, независимость судебной власти, свободу слова, совести и т. д. Одним словом, в «*Pia desideria*» Тургенева, напечатанных в третьем томе его работы. «*La Russie et les russes*», получила свое выражение программа буржуазного либерализма.

Выдвигая задачу скорейшего перевода русского сельского хозяйства на прусский путь развития капитализма со всеми вытекающими отсюда политическими выводами, Тургенев не мог не поставить перед собой вопроса, как русское дворянство отнесется к этому предложе-

¹ «Опыт теории налогов», стр. 174—175.

² В своей последней работе «Чего желать для России?» Тургенев выдвигает предложение созвать земский собор.

нию. Он отождествляет интересы обуржуазившегося дворянства с интересами всего дворянства. Весьма большой интерес представляет его характеристика особенностей классовой борьбы в России. Основная идея Тургенева состоит в том, что в России нет вражды к дворянству со стороны других классов населения. Это обстоятельство Тургенев объясняет двумя причинами. Во-первых, русское дворянство политически бесправно. При всех преимуществах своего положения над другими классами привилегии русского дворянства значительно уступают тем преимуществам, которыми пользуются привилегированные касты в других государствах¹. Защищая всюду мысль, что в России нет аристократии, Тургенев на этом основании отрицает необходимость введения аристократического элемента в конституцию (по типу, например, английской). Он защищает однопалатную систему и в то же время предлагает чрезвычайно высокий имущественный ценз: на 50 миллионов населения Тургенев намечает всего лишь 1 миллион избирателей. Это тоже весьма показательно для Тургенева. Он отбрасывает всякие сословные различия, всякие различия, связанные с происхождением, но вместе с тем он сильно выпячивает зависимость политических прав от имущественных различий. Как видим, Тургенев весьма далек от требований буржуазной демократии.

Во-вторых (и это очень важно для характеристики всей концепции Тургенева и ее классовых корней), он подчеркивает, что в России «la noblesse n'oblige pas» (благородное происхождение не обязывает). Русское дворянство не гнушается заниматься промышленными и торговыми операциями. «Русские дворяне соглашались заниматься не только продажей продуктов своих земель, они создают фабрики, мануфактуры; они спекулируют землей, домами; они становятся поставщиками, берут с торгов всякие предприятия, производят водку, становятся продавцами лошадей, скота, шерсти и т. д., и никогда ни им, ни кому другому не приходит мысль, что они занимаются тем, чем им не подобает заниматься»². Иными словами, Тургенев подчеркивает проникновение духа капиталистического предпринимательства в закостенелую среду русского дворянства. Он констатирует факт стирания граней между помещичьим классом и капиталистическим классом (включая сельскохозяйственных, промышленных и торговых капиталистов). Отсюда вполне логически вытекает вывод, что специфические интересы русского дворянства, связанные с использованием всех тех преимуществ, которые ему дает феодальная система, должны отступить на задний план по сравнению с общими капиталистическими тенденциями этого класса.

В связи с этим Тургенев выступает против всяких сословных привилегий дворянства³.

Тургенев рисует весьма идиллическую гармонию интересов различных классов русского общества. Единственно враждебной дворянству группой является, по его мнению, интеллигенция, чиновники, учителя, ученые и т. д. «У них имеется чувство недовольства, зависти и ненависти».

¹ «La Russie et les russes», t. III, p. 96.

² Ibidem, p. 100—101.

³ Отсюда понятно, что Тургенев должен был выступить против защитников сословных привилегий дворянства, в частности против Карамзина. По поводу знаменитой записки последнего «О древней и новой России» Тургенев писал: «Что меня особенно неприятно поразило в этой записке, это то, что Карамзин иногда ставит себя как будто органом дворянства. Он забывал приличия, которые должен соблюдать всякий рассудительный, умный человек; он забывает свое собственное достоинство до того, что серьезно говорит о привилегиях (sic), данных государем этому сословию» («La Russie et les russes», t. I, p. 464—465).

висти против этого привилегированного класса, в который они входят по закону, но от которого их отделяет не только происхождение, но и богатство, потому что в большинстве случаев они не являются земельными собственниками»¹. Почему Тургенев считает необходимым выпятить враждебное отношение интеллигенции к дворянству? Возможно, это объясняется тем, что он имел в виду радикальную интеллигенцию, являющуюся в большинстве случаев рупором мелкобуржуазных настроений и исканий. Если это объяснение является правильным, то оно бросает свет на отношение Тургенева к более радикальным элементам, с которыми ему было не по пути.

Тургенев, который имеет все основания числиться родоначальником русского либерализма, проявил ту же политическую робость, нерешительность, которая характерна для всего позднейшего русского либерализма. Это сказалось в его отношении как к революционной борьбе вообще, так и к отдельным, более решительным мероприятиям, ограничивающим деспотизм помещиков².

Уже в «Опыте теории налогов» Тургенев критиковал буржуазно-революционные правительства, которые, «как сие было во Франции и в Гишпании, упредив народ в просвещении, влекут его против воли за собой и за призраком гражданского благополучия и, вознося народ не по его силам слишком высоко, вместе с ним упадают в бездну старого мрака, из коего вторичное освобождение делается тем труднее»³.

Это отрицательное отношение к революции Тургенев пронес через всю свою жизнь. В последней своей работе «Чего желать для России?» мы встречаем слова, выражающие его *profession de foi*. Приведа мнение тех, которые, считают, что свобода не дается, а берется, Тургенев добавляет: «Эта мысль никак не могла войти в мою голову, в мое убеждение. Она мне кажется противной истинному понятию о добре, о силе добра. Как постигнуть, как убедиться, что добро не может быть достигнуто иначе как силой, борьбой, бедствиями, кровавыми революциями?»⁴.

При этих условиях нет ничего удивительного в том, что в его оправдательной записке Николаю I встречаются такие резкие осуждения революционной борьбы⁵. Эта оправдательная записка производит отвратительное впечатление. Можно ли говорить здесь о ренегатстве? Руководствовался ли здесь Тургенев в этом случае чисто эгоистиче-

¹ «La Russie et les russes», t. III, p. 103—104.

² В примечании III к работе «Чего желать для России?» (стр. 208—210) Тургенев всячески старается обосновать свою умеренность многочисленными примерами: он старается доказать, что реформы Александра II в области крестьянского вопроса, судопроизводства, городского и земского самоуправления пошли значительно дальше, чем собственные предложения нашего автора. «Земские учреждения в особенности,— пишет он,— далеко оставляют за собой мои робкие указания на проекты Тюрго, на «Городовое положение Штейна».

³ «Опыт теории налогов», стр. 4—5. Против этого места даже такой умеренный и верноподданнически настроенный писатель, как Жуковский, сделал следующую надпись: «А? Николай Иванович! Вы ли это?» (цитирую по статье проф. Тарасова в «Трудах Самарского государственного университета», вып. 4, стр. 247).

⁴ «Чего желать для России?», стр. XVI.

⁵ Достаточно привести следующую выдержку: «Я принадлежал к тайному обществу. Но как могу я сказать, что я когда-либо питал в душе что-либо похожее на умысел: «потрясти империю, ниспровергнуть коренные отечественные законы, превратить весь государственный порядок»? Как могу я сказать, что я для сего либо, хотя в одну минуту желал: «цареубийства, бунта, мятежа воинского»? Нет! Если бы жизнь моя зависела от такого поклепа на самого себя, предпочел бы смерть: ибо собственное презрение к самому себе не позволило бы мне искать утешения в чувстве собственной невинности» («Красный архив», т. 13, стр. 117—118).

скими мотивами сохранения своей шкуры? Нам представляется, что такое предположение является необоснованным. Тургенев был глубоко удивлен и в известной мере возмущен, когда узнал, что следственная комиссия Николая I обвиняет его в прямом участии в революционном заговоре. Поэтому с его пера вылились такие негодующие строки как против тех, которые организовали революционный заговор, так и против тех, которые заподозрили умереннейшего либерала Тургенева в участии в таком революционном деле. Не входя в обсуждение того, в какой мере справедливы указания Тургенева о его непричастности к Северному обществу, мы отсюда делаем лишь вывод, что и Союз благоденствия и Северное общество представляли собой довольно пеструю массу, охватывавшую весьма разнообразных представителей общественной мысли. Тургенев был ярким представителем правого крыла декабристов, враждебно относившегося к революционной борьбе. Только исключительные обстоятельства могли бросить многих либералов тургеневского типа на революционную борьбу с Николаем I¹. И потому неудивительно, что вступившие под влиянием событий и нажима левых революционных элементов на революционный путь либералы тургеневского толка проявили в этой борьбе такую нерешительность, которая погубила восстание декабристов.

6. Заключение

Из отдельных работ Тургенева внимание читающей публики привлекла и пользовалась большим успехом лишь первая его работа «Опыт теории налогов». Все остальные его работы не получили большого резонанса в России. Они представляют большой исторический интерес для характеристики взглядов и настроений либералов александровской эпохи, но общественная значимость этих работ в свое время была весьма незначительной. Сам Тургенев не обольщался на этот счет. В одной из его позднейших работ, написанной в связи с реформой 1861 г., мы встречаем следующее пессимистическое заявление: «Мы вполне знаем, что мнения и слова наши не могут иметь никакого действия на ход самих дел. Это не помешало нам, однако же, написать с дюжину брошюр, журнальных статей и писем, которые едва ли кто-нибудь читал»².

Тургенев не мог приспособиться к новым веяниям и требованиям эпохи. Его концепция сложилась в 10-х годах XIX столетия и с этого времени не подвергалась сколько-нибудь существенным изменениям. Хотя Тургенев пережил на 10 лет реформу 1861 г., но он с полным правом может быть охарактеризован как законченный либерал эпохи Александра I. Во всех его работах, написанных в 40, 50, 60-х годах, даются лишь новые вариации все той же старой концепции, получившей достаточно отчетливое выражение еще в «Опыте теории налогов». Эту особенность Тургенева правильно отметил Герцен, который вскоре после выхода в свет «La Russie et les russes» писал, что эта книга является интересной автобиографией человека александровской эпохи, не знающего той России, которая развилась после 1825 г.

¹ Нужно отметить, что Тургенев опасался решительных шагов царских сатрапов против крепостников. Когда например он узнал о попытках симбирского губернатора Магницкого (известного впоследствии мракобеса) ограничить произвол помещиков по отношению к крепостным, то он писал в своем дневнике: «Если Магницкий истинно желал добра и умел его сделать, то ему не надобно было явно раздражать против себя помещиков» («Архив братьев Тургеневых», вып. 5, т. III, стр. 133).

² «О новом устройстве крестьян», «Русский заграничный сборник», ч. V, тетрадь I, 1861 г., стр. 45.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Тургенев после 1825 г. был обречен на одиночество, что при всей своей талантливости и большой эрудиции он не мог стать вожаком или хотя бы влиятельным представителем какого-либо крупного направления русской общественной мысли. Тургенев был неприемлем прежде всего для радикальной части русской интеллигенции, которая находилась под влиянием западноевропейской социалистической литературы. Очевидно Герцену и его кружку, петрашевцам и т. д., было не по пути с Тургеневым, для которого до конца его жизни социализм представлялся абсурдной утопией, противоречащей элементарным истинам смитовской политической экономии. Но нужно отметить, что Тургенев не мог попасть в унисон с представителями буржуазно-помещичьего либерализма России 50-х и 60-х годов. Выяснение этого вопроса представляет определенный интерес, ибо это позволяет выявить специфику русского либерализма первых двух-трех десятилетий XIX в.

Все внимание Тургенева было сконцентрировано на борьбе с феодальным строем. Вопрос о пролетариате, как выражались в то время, т. е. вопрос о растущем обнищании рабочего класса, для него не существует. Эта беззаботность и беспечность по отношению к рабочему вопросу понятны для либерализма начала XIX в., когда Россия только вступила на путь капитализма. Но эта беззаботность оказалась неуместной в 50-х и 60-х годах, когда, несмотря на все рогатки царской цензуры, в русскую литературу ворвалась довольно сильная струя революционной критики капитализма (работы Чернышевского), когда социалистическое учение получило довольно сильное распространение. Тогда уже нельзя было отделяться презрительными замечаниями и ссылками на Смита. Русскому либерализму нужно было перестроить прежде всего свою идеологическую базу и в частности заменить грубо откровенного Смита модными экономистами вульгарного направления. Идеиное вооружение Тургенева не отвечало уже потребностям русских буржуазно-помещичьих кругов, выступавших в новой, значительно более сложной обстановке.

Рост капитализма, выявление и обострение его противоречий пролили совершенно новый свет на лозунги освобождения крестьян. Для ряда весьма передовых дворян начала XIX в. (например для целого ряда декабристов) лозунг безземельного освобождения крестьян звучал очень радикально. Для Тургенева и родственных ему писателей и политиков юридическое раскрепощение крепостных имело столь решающее значение, что все остальные вопросы, в том числе и вопросы, связанные с экономическим положением крестьян, отходили на задний план. Стремясь ускорить ликвидацию внеэкономических форм принуждения, Тургенев шел на максимальное урезывание реформы, отказываясь от предоставления крестьянам земли. Экспроприация земли у крестьян для Тургенева не представляла ничего одного, если эта мера сопровождалась бы личным освобождением крестьян. Тут ярко сказалась дворянская ограниченность Тургенева. Он боролся за антифеодальные лозунги, за лозунги буржуазного прогресса. Но к этим лозунгам он подходил как помещик. Буржуазный прогресс он подчинял интересам помещичьего землевладения.

Декабрист Якушкин писал в своих воспоминаниях: «Благомыслящие люди или, как называли их, либералы того времени более всего желали уничтожения крепостного состояния и при европейском своем воззрении на этот предмет были уверены, что человек, никому лично не принадлежащий, уже свободен, хотя и не имеет никакой собственности. Ужасное положение пролетариев в Европе тогда еще не раз-

вилось в таком огромном размере, как теперь, и потому возникшие вопросы по этому предмету уже впоследствии тогда не тревожили даже самых образованных и благомыслящих людей»¹.

В эпоху 50-х и 60-х годов в связи со сдвигами в классовой структуре русского общества (в частности — с ростом удельного веса буржуазии), в связи с изменением общей обстановки русский либерализм должен был «перестроиться». Социальная атмосфера в 50-х и 60-х годах была накалена неизмеримо сильнее, нежели в первые два десятилетия XIX в. Несмотря на весь гнет полицейского режима, возмущение крестьянской массы прорывалось все сильнее и сильнее. Наиболее дальновидные представители русского дворянства прекрасно понимали, какие опасности для господствующих классов несет с собой немедленная пролетаризация русского крестьянства. В изменившейся обстановке лозунг безземельного освобождения крестьян был подхвачен наиболее реакционными, наиболее крепостнически настроенными элементами русского дворянства, которые пытались свести на нет реформу 1861 г. Русский либерализм 50-х и 60-х годов сознавал всю опасность и непопулярность среди русского крестьянства лозунга безземельного освобождения. Вместе с тем и идеологически обосновать этот лозунг на фоне все растущего обнищания рабочего класса и перед лицом растущей критики капиталистических противоречий было нелегко. Откровенность, с которой Тургенев выбалтывал конечную цель реформы — экспроприацию земли у крестьян, не могла не казаться позднейшим либералам чрезмерно наивной и опасной. В этом отношении русский либерализм эпохи Александра II представляет собой значительно более сложное явление, чем грубо откровенный помещичий либерализм, возникший на заре капиталистического развития России.

В частности, экономическое учение Тургенева вступило в противоречие с новыми веяниями и настроениями также в силу своего резко выраженного сочувствия односторонне-аграрному развитию России. Тургенев не был принципиальным противником развития промышленности, но все же придавал последней очень малое значение. В эпоху Николая I в России довольно быстро развивалась промышленность, в значительной мере опиравшаяся на наемный труд. Вопросы промышленного развития становились все более и более актуальными, и они в частности требовали ускорения ликвидации крепостного права. Экономическая теория Тургенева не учитывала этих вопросов, и поэтому она не могла отвечать на назревшие нужды русской промышленной буржуазии, которая выступала в тесном союзе с русским дворянством. Это обстоятельство еще более усилило непригодность программы Тургенева в качестве платформы русского буржуазно-помещичьего либерализма эпохи так называемых «великих реформ».

---

¹ «Записки декабристов», Лондон 1862 г., стр. 40. Цитирую по книге Иконникова «Граф Н. С. Мордвинов», 1873 г., стр. 241.

М. БРОНСКИЙ

А. П. СЕРЕБРОВСКИЙ. На золотом фронте. Издательство Академии наук. М.—Л. 1936 г., 422 стр.. Из серии «Воспоминания хозяйственников» под общей редакцией Б. М. Таля.

Для изучения истории нашего социалистического строительства воспоминания хозяйственников являются источником первостепенной важности, существенным образом дополняющим фактический и цифровой материал.

В этом отношении возникшая по инициативе т. Орджоникидзе книга т. Серебровского — ценнейший исторический документ.

В конце лета 1927 года, пишет т. Серебровский, «вызвал меня товарищ Сталин... и сказал, что нам нужно поднять золотую промышленность, которая находится в совершенно неорганизованном состоянии». Серебровский приводит интереснейший разговор с товарищем Сталиным. Разговор этот показывает, с какой скрупулезностью, с каким знанием исторических фактов товарищ Сталин подходит к изучению вопроса, который он считает важным решить для укрепления мощи Советского государства. Вспоминая спустя 8 лет эту беседу, т. Серебровский передает ее, к сожалению, только в кратком изложении.

«Товарищ Сталин, — пишет Серебровский, — сказал прежде всего о том огромном значении, какое золото имело для укрепления экономики США... Он с обычной научной обстоятельностью прочитал мне целую лекцию о Калифорнии и о том, как после открытия там золота туда хлынула добрая сотня тысяч работников, среди которых было немало авантюристов, и как в течение десяти лет там добыто было огромное количество золота, которое дало решающий перевес в войне Северных штатов против Юга...

«Открытие золота в Калифорнии имело значение не только для усиления валютной мощи США. Оно дало толчок развитию сельского хозяйства северной Калифорнии, а также развитию промышленности всего запада США...

«Не вдаваясь в технические детали, он говорил, что новые районы США поднимались с самого начала именно с золота, затем уже вслед за золотом шло развитие других отраслей промышленности — цинковой, свинцовой, медной и вообще металлической. Наряду с этим оживает район, потому что нужно доставать хлеб и другие продовольственные продукты, одежду, промтовары... Все это возникает с самого начала вокруг золотодобычи, а затем уже начинает развиваться всякая другая промышленность. Тот же процесс, который представляет история Калифорнии в этом отношении, и те же этапы развития должны пройти и наши далекие окраины, которые мы начинаем осваивать, приступая сначала к добыче золота (подчеркнуто мною.— М. Б.); затем уже переходим к добыче и обработке полиме-

таллических руд, с которыми золото связано непосредственно, или, как принято говорить, ассоциировано; переходим параллельно с этим к добыче угля, нефти, железа, к укреплению сельского хозяйства и к развитию других отраслей народнохозяйственной жизни» (стр. 16—17).

В этом кратком изложении «целой лекции», прочитанной товарищем Сталиным о роли золотой промышленности в развитии экономической мощи США, мы имеем классический пример применения диалектического метода в изучении исторического развития целой страны.

Глубокая теоретическая концепция товарища Сталина, которая благодаря прекрасной книжке т. Серебровского доведена до широких масс, сводится к той мысли, что путь развития наших далеких окраин идет через развитие золотой промышленности к добыче и обработке полиметаллических руд, к добыче угля, нефти, к развитию сельского хозяйства и к укреплению других отраслей народного хозяйства. Эта мысль товарища Сталина, высказанная им в 1927 г. и опирающаяся на гениальное обобщение практики развития экономики США, целиком себя оправдала. Развитие нашей золотой промышленности привело фактически к культурному развитию и освоению таких районов нашей великой родины, как отдаленные места Дальнего Востока, Восточной и Западной Сибири, Казахстана,—районов, которые в процессе реализации идей товарища Сталина являются теперь очагами промышленного развития страны и приобщения миллионов населения к социалистической культуре нашей страны.

Вся книга т. Серебровского насыщена описаниями того, как пробуждались к новой социалистической жизни, к труду и культуре самые отсталые уголки нашей страны, как возник, развивался и окреп трудовой энтузиазм местного населения, того «золотого пролетариата», который при царизме, при капиталистической эксплуатации изнемогал от каторжного труда на пользу группы капиталистов и царских мародеров.

Но возвратимся к началу истории развития нашей золотопромышленности. После «ликвидации неграмотности» в незнакомой области золотой промышленности т. Серебровский получил поручение съездить в Америку—в Колорадо, Аляску, Калифорнию и другие штаты для изучения постановки золотодобычи.

Воспоминания об этой поездке, продолжавшейся с осени 1927 г. до весны 1928 г., занимают около четверти всей книги. Это страницы воспоминаний об интереснейших разговорах с инженерами и специалистами золотопромышленности, об условиях современной работы на приисках, об истории открытия месторождения золота в россыпях, в рудах и т. п.

Тов. Серебровский на золотых рудниках в Колорадо осматривал обогатительные фабрики, расположенные в поселках около рудников; познатокомился с разведочными работами в местностях Колорадо, которые «вполне напоминают наш Урал, нашу Сибирь и Дальний Восток; методы разведок также вполне подходят к нашим местам». «Поэтому,— пишет т. Серебровский,—я особенно старался выявить не только, каким путем ведутся разведочные работы и отыскивается золото, но также и значение таких факторов, как топливо, транспорт, наличие воды и пр., одним словом, всего того, что определяет экономическую возможность добычи золота в отдаленных местах». «Геологическая разведка Америки учила меня, что каждый дальнейший шаг, какой мы хотим сделать для развертывания добычи золота, должен быть

обоснован результатами предшествующих работ; только тогда можно развертывать золотодобычу, когда имеется достаточно сведений как о природе месторождения, так и о возможности экономического использования и эксплуатации. Знать нужно не только природу рудного месторождения, но заранее нужно определять способы эксплуатации и стоимость ее в отношении рабочей силы, снабжения техматериалами, продовольствием, энергией, транспортом и т. д.» (стр. 32).

После Колорадо пришла очередь Спокэна, Сиеттля и Аляски. Здесь т. Серебровский познакомился с полиметаллическими месторождениями, где добывается не только золото, но и цветные металлы. «Для нас это месторождение (около Спокэна) чрезвычайно интересно, так как напоминает многие месторождения Забайкалья» (стр. 53). Из Спокэна т. Серебровский направился в Сиеттль (штат Вашингтон), а оттуда в Аляску.

«Климатические условия в Аляске,— пишет т. Серебровский (кстати, при изучении условий добычи золота в Америке он никогда не забывает сравнивать их с соответствующими условиями в СССР, он всегда помнит, что объезжает Америку не как турист, который обогащает свои знания, а с целью постановки золотой промышленности в СССР),— несколько лучше, чем у нас в Сибири. Условия транспорта тоже лучше. Что же касается самих работ, то в отношении стоимости рабочей силы, топлива, воды, снабжения мясом, маслом и пр. Аляска находится в невыгодном положении. Во время сезона, который длится от 3 до 5 месяцев, заработок на золотых россыпях колеблется от 6½ до 8 долл. в день, но зимою заработок значительно меньше, и зимой работы ведутся только подземные» (стр. 65—66).

При изучении условий работы драг в Аляске т. Серебровский задумывается над вопросом, как удлинить их работу, так как благодаря трудным климатическим условиям в Аляске драги работают всего 100—120 дней в году. Были примеры, что драги в Аляске работали 220 дней. Если поставить более сильные моторы и более мощное оборудование, можно бы удлинить работу драг. «Этот вопрос я проконсультировал со специалистами... Этот опыт мы применили у себя, и в некоторых местах мы удлинили период работ до 300 и более дней в году» (стр. 73).

Из Аляски т. Серебровский поехал в Сан-Франциско и в Калифорнию. Он побывал на рудниках, познакомился с предприятиями, разрабатывающими россыпное золото в глубоких россыпях, «так же как это делается теперь у нас на Ленских приисках» (стр. 101). Везде, где побывал наш командир золотой промышленности, он познакомился с людьми, доставал детальные материалы по каждому руднику, «получил (в Калифорнии) данные о стоимости рабочей силы, производственных процессах, данные о разведках, о подготовительных работах, о методе, который там применяется при углубке, об очистных работах и самые подробные сведения по обработке золотых руд» (стр. 101—102).

Очень интересны выводы, сделанные т. Серебровским после изучения калифорнийских рудников.

Калифорния с самого начала работала исключительно на россыпном золоте и очень немного на рудном. Затем разработка россыпного золота почти прекратилась, и вся Калифорния перешла на разработку рудного золота. Золото добывается на целом ряде хорошо оборудованных рудников, где работа ведется все возрастающими темпами. «Очень важно для нас отметить факт, что Материнская жила работает в Калифорнии много десятков лет, а понижения содержания в связи

с ростом глубины до сих пор нет. Правда, при посещении рудников незаметно, чтобы велись какие-нибудь большие работы по рационализации или установке нового оборудования взамен старого, которое было поставлено в 1914—1915 гг. Повидимому возможность к увеличению добычи золота есть».

«Вот это нужно установить для того, чтобы заставить наших советских золотопромышленников обратить все внимание на рудное золото как на устойчивую постоянную возможность получения золота из руд на наших рудных телах и жилах, которые несколько не беднее, чем калифорнийские рудные месторождения, и могут в течение десятков лет давать постоянную добычу золота, не уменьшаясь с углубкой» (стр. 105).

Весною 1928 г. т. Серебровский возвратился в Москву и сделал доклад о своей поездке в Америку товарищу Сталину. Тов. Серебровский получил следующее задание. «Теперь мы знаем,—говорил товарищ Сталин,—как золотая промышленность поставлена в Америке и что от нее можно и должно взять. Теперь нужно поехать на места, ознакомиться с работниками, посидеть на приисках и рудниках. Нужно не только изучить характер работы, но заняться каждым работником; там же на месте нужно узнать, чем этот работник затрудняется, какие он имеет слабые стороны, и тут же на месте помочь ему участием, советом, устранить трудность, прислать подкрепление. Если есть в чем недостаток,—немедленно и сейчас же прислать продовольствие, нужные техматериалы, оборудование. Самое важное то, чтобы никогда ни одна поездка на рудник не была гастролюю: приехал, посмотрел, собрал народ, поговорил с ним и уехал. Это никуда не годится. Нужно обстоятельно, подробно, не жалея времени, переговорить с каждым хозяйственником, инженером, техником, бухгалтером, выяснить все, чем он живет, вникнуть во все мелочи не только его работы, но и его личной жизни. И нужно так сделать, чтобы после отъезда каждый мог сказать — вот был Серебровский, вот чем он нам практически помог, вот что он конкретно сделал и вот какие результаты его поездки: новый копер, новая шахта, электростанция, фабрика и т. д.» (стр. 120).

После этих указаний т. Серебровский взялся за работу по организации золотой промышленности. Необходимо было связать московский центр с местами и самому посмотреть, что делается на местах, познакомиться с людьми, с их работой. И т. Серебровский поехал на места. Он побывал на Дальнем Востоке, где уже шла работа по созданию советской золотой промышленности, познакомился с материалами о «золотом промысле» в царское время — промысле, ибо золотой промышленности тогда, собственно говоря, не было. Был он на Имани, Удыли, Херпучах, в Суторском прииске, был в Дарасуне, был на Урале, посетил Миясс — словом, весь 1928 год был потрачен на обезд Дальнего Востока, Сибири, Урала. Рассказ об этой поездке изобилует интереснейшими эпизодами, которые наш автор приводит с большим юмором. Везде он имел возможность делать двойные сравнения. Так, состояние золотодобычи в 1928 г. он сравнивает с царским временем, о котором автор узнавал из архивных материалов, находившихся на местах и дающих картину невероятного варварства как в отношении людей, работающих на рудниках, так и технических условий добычи золота. Несомненно, положение дел на советских приисках в 1928 г.—далеко еще отстававшее от того, что нужно было сделать и что было

уже сделано к 1935 г.,— было все же несравнимо с тем, что происходило в царское время. С другой стороны, т. Серебровский мог сравнить состояние золотодобычи в 1929 г. с современным положением дел в США.

Из материалов, собранных на местах во время поездки т. Серебровского по рудникам, можно восстановить во всех деталях историю каторжного труда в царское время и хищническую эксплуатацию «своих» и чужих колонизаторов в Сибири и на Дальнем Востоке. Это очень интересный материал как для историков, так и для экономистов. Им могли бы воспользоваться и писатели для восстановления в художественной форме уже исчезнувшего навсегда быта старателей с их временным счастьем и вечной кабалой.

Одной из важнейших задач Советского государства было резкое изменение условий труда старателей, этой первоначально крупнейшей группы работников золотодобычи. Привлечение их к созданию и развитию золотой промышленности, проделанное в последние годы по инициативе товарища Сталина новым руководством Союззолота, является одной из интереснейших страниц в истории советской золотопромышленности. Старатели были как раз той группой тружеников золота, которые, будучи связаны с местными жителями, привлекли все местное население к хозяйственному возрождению отдаленнейших окраин нашей страны и объединились в общей работе по построению социалистического общества.

К 1928 г. был собран материал по обследованию старателей в Забайкалье. «Материал представляет собой огромную ценность и дал основание для целого ряда выводов в налаживании старательского труда в нашей промышленности... Обследованы были 2 326 старателей. Все они были объединены в 220 артелей... Старателей, не связанных с крестьянским хозяйством, 79,3% и 20,7% крестьян из окрестных деревень. Примерно 75—85% этих старателей были семейными. Все это было в большинстве русское коренное население, связанное с местностью, где производились работы... Старательские работы велись тогда совершенно примитивным образом... При организации артели (старателей) обычно появлялась инициативная группа, а еще чаще один «инициатор», так называемый старшина, очень часто не рабочий, а просто эксплуататор мелкого пошиба, извлекающий выгоду из неосведомленности и неграмотности старателей... Заработок старателей зависел прежде всего от того, насколько взятый участок оказывался золотоносным, а также от того, насколько артель смогла осилить добычные работы. Участки часто давались неразведанные, и артель иногда попадала на пустоту, на слабое содержание золота, не имела средств бороться с водоносностью, затапливала работы, и тогда конечно заработок делался ничтожным. Вместо производственного риска... стимулом работы для старателей служил тот же старый «фарт»... (стр. 185—187).

При таких условиях понятно, что помощь старателям только финансовыми мерами, вроде снижения налогов или снижения цен на продовольствие, как это проделывалось в предыдущие периоды по идее буржуазных специалистов от золота из финансового ведомства, не могла дать существенных результатов. Старателям нужно было помогать иначе, а именно давать разведанные участки, помогать техническим оборудованием и материалами и т. п. В этом направлении шли все решения правительства и партии по вопросу о старательском труде. И эта сталинская забота о людях, обеспечение их труда техническим оборудованием, забота об их материально-быто-

вых условиях дали свои блестящие результаты. Были построены жилища, бани, улучшилось снабжение продовольствием и т. п. «Материалами, оборудованием и инструментом снабжались артели из материальных складов приисковых управлений по требованиям, которые выдавались артелям из конторы управлений. За отпущенные материалы, инструменты и продукты плата взыскивалась по себестоимости. В некоторых приисках оборудование первой необходимости — под'емники, станки, канаты, бадьи, тачки, рельсы и американки — выдавалось артелям в бесплатное арендное пользование, за промывные же устройства, конные бутары и т. п. взималась арендная плата» (стр. 189—190).

Весною 1930 г. товарищ Сталин еще раз посылает т. Серебровского в США для изучения производства оборудования для золотой промышленности и для ознакомления с финансирующими золотую промышленность организациями. Нужно было об'ехать золотые и цветные предприятия Северной Америки, изучить организацию геологоразведочной службы в США и ознакомиться с банком братьев Гугенхейм, регулирующим золотую промышленность, а также изучить постановку дела в Массачузетском технологическом институте.

Главы, в которых описаны дела банка братьев Гугенхейм, очень поучительны для экономистов, ибо в них показано, как банк, захватив одну часть производственного процесса золотой промышленности, заграбает всю промышленность в свои руки и эксплоатирует всю работу по добыче золота. «Очень интересно проследить экономический процесс,— пишет т. Серебровский,—...каким образом банкиры Гугенхейм..., построив плавильни, захватили в свои руки всю руду и каким образом они прибрали к рукам старателей и владельцев мелких шахт... Владельцы руд платили плавильным заводам 20% стоимости золота только за плавку. При этом в счет шло только то золото, которое удалось извлечь на обогатительной фабрике и на плавильном заводе. То, что шло в хвосты, то в расчет не бралось и оставалось в пользу заводчика. Это очень важно потому, что эти хвосты обрабатывались впоследствии и извлечение золота оттуда получалось неплохое. Некоторые плавильни вырабатывали таким образом до 50% содержания металла в золотой руде. Такую же систему стали применять и к медным рудам, а также к свинцовым и цинковым» (стр. 252—253).

Чтобы мелким владельцам рудников и россыпей не пришла охота строить мелкие плавильные заводы, банки строят крупные заводы, хотя технической потребности в таких заводах нет и эти заводы загружены всего на 40%. «У нас,— пишет далее т. Серебровский,— где нет капиталистической анархии, нет никакой надобности строить фабрики и заводы чрезмерной мощности. Мы должны на золотых рудниках тут же рядом строить и фабрику соответствующей мощности» (стр. 253).

Этот вывод т. Серебровского чрезвычайно поучителен и подтверждает глубокую мысль товарища Сталина о необходимости изучить связь золотопромышленности с банками и финансирующими ее организациями.

Условия капиталистического хозяйства подчиняют себе технику для целей эксплоатации. Мы должны воспользоваться достижениями капиталистической техники, но нужно уметь очищать ее от развращающего влияния частнокапиталистической формы присвоения при-

были. В наших условиях социалистической плановой организации хозяйства многое из того, что творила капиталистическая техника исключительно в интересах частной капиталистической конкуренции, приходится отбрасывать. Тов. Серебровский иллюстрирует это красочными примерами из американской практики. «Горное дело в США в его развитии,— пишет он,— очень осложняется спекуляцией, перепродажей месторождений, фиктивными заявками и т. д. Все это вредно отражалось на постройке заводов и фабрик, поселков, которые вовсе не нужно было строить в этом месте, если бы существовало разумное плановое хозяйство» (стр. 266). Изучая глазами образованного инженера-техника золотую промышленность США, т. Серебровский приходит к выводу, что финансовый капитал уже в настоящее время является задержкой дальнейшего развития США, этой богатой страны (стр. 272).

Последние главы воспоминаний т. Серебровского (VIII, IX и X) посвящены описанию тех конкретных мер, которые принимались партией и правительством для развертывания советской золотой промышленности. В конце 1930 г. т. Серебровский прибыл в Москву из второй поездки по США. После своего доклада товарищам Сталину и Орджоникидзе он получил дальнейшие указания товарища Сталина.

«Теперь,— говорил товарищ Сталин в феврале 1931 г.,— мы изучили уже американскую технику и ознакомлены с положением нашей золотопромышленности. Дальнейшее ее развитие правительство будет определять своими постановлениями. Нужно будет по крайней мере два раза в год, весной и осенью, заслушивать на заседании правительства о положении с добычей золота. С моей стороны обеспечена поддержка на все сто процентов...» (стр. 289).

1931 год, по мнению т. Серебровского, нужно считать началом быстрого роста золотой промышленности. И с этих пор золотая добыча систематически растет. Все свои годовые планы она досрочно перевыполняет. С четвертого места, которое СССР занимал среди стран, добывающих золото, уже в 1935 г. он стал на второе место, и не далек тот момент, когда он займет первое место, догнав и перегнав Англию. Вся капиталистическая пресса с большим вниманием и с внутренней тревогой следит за успехами нашей золотой промышленности и всеми способами пытается вычислить количество золота, скопленного в подвалах Государственного банка. Но она не учитывает и едва замечает, как вместе с ростом добычи золота, с ростом золоторазведок растут и увеличиваются добыча и разведка других металлов, а вместе с этим растут и крепнут социалистический труд и социалистическая культура в отдаленнейших местах нашего Союза. Об этих достижениях пишет т. Серебровский в последних главах своих воспоминаний.

С переходом Союззолота в ведомство, руководимое т. Орджоникидзе, золотая промышленность получила талантливейшего командира, который на практике, в живом и конкретном руководстве, смело и широко проводит в жизнь сталинские методы заботы о людях, умея поднять до уровня большой политической высоты работу каждого участника советской золотой промышленности, где бы он ни был и на каком бы посту он ни стоял. Это вытекает из всех фактов, приводимых т. Серебровским в последних главах его замечательных воспоминаний. Будет ли это вопрос о кадрах, об организационных

взаимоотношениях, об увязке работы отдельных отраслей тяжелой промышленности с золотой промышленностью — всюду чувствуется опытная рука т. Орджоникидзе, который в каждой, казалось бы, мелочи видит большие вопросы расцвета социалистического общества. Это передается всему «аппарату» золотой промышленности, это и привлекает туда энтузиастов со всех сторон, поднимает героизм тружеников по добыче золота — той самой добыче золота, которая казалась некоторым общественно не необходимым трудом, — на небывалую высоту.

Интересны также те замечания, которые приводит т. Серебровский о положении золотой промышленности в США в период его первой поездки. Эта поездка совпала как раз с высокой конъюнктурой накануне кризиса. Автор приводит жалобы золотопромышленников на нерентабельность золотодобычи, их требования повысить цены на золото, закупаемое банками, требования специальных дотаций от правительства. Эти замечания подтверждают целиком известное со времен Маркса положение, что в период конъюнктурного оживления всех отраслей производства золотопромышленность переживает тяжелые времена, а в период кризиса, когда индекс товарных цен падает, для золотопромышленности наступает повышенная конъюнктура. Было бы очень интересно материал, который собрал в своих поездках т. Серебровский (отчеты золотопромышленных предприятий, обследования сенатской комиссии о положении золотой промышленности в США и т. п.) и о которых упоминает он в своей книжке, разработать и опубликовать для изучения проблемы себестоимости золота в разные моменты конъюнктурного цикла.

★

Воспоминания т. Серебровского богаты интереснейшими фактами и описаниями. Его книга будет читаться не только работниками золотой промышленности. Написана она живо. История американской золотой промышленности, живое описание напряженной борьбы за реконструкцию золотодобычи в СССР и превращение ее в передовую технически оснащенную отрасль промышленности, освещение роли товарища Сталина в деле реконструкции золотой промышленности и наглядный показ сталинских методов руководства — все это делает книгу т. Серебровского документом большого исторического значения.

Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения. Второй полутом второго тома. Под редакцией И. Д. Удальцова. Подготовил к печати и снабдил примечаниями А. Усыкин. Соцэкгиз, 1935 г., 646 стр., ц. 10 р.

Второй полутом Чернышевского состоит из трех последних книг (3, 4 и 5)¹ «Очерков из политической экономии», группы экономических статей, в которую входят такие замечательные работы, как «Капитал и труд», «Тюрго» и ряд других.

В приложении даны «Варианты примечаний к Миллю», «Дополнения к Миллю». «Варианты предисловия к полному переводу Милля» и «Программа чтения Н. Г. Чернышевского по политической экономии». Весь второй полутом за исключением раздела «Экономические статьи» подготовил к печати А. Д. Усыкин.

Большой заслугой составителя — А. Усыкина — является извлечение из неразобранного архива Саратовского дома-музея им. Н. Г. Чернышевского ряда новых, совершенно неизвестных рукописей. Так например, в первые обнаружены и напечатаны «Варианты примечаний к Миллю», «Дополнения к Миллю», которые представляют исключительный интерес. Большая часть вариантов посвящена критике теории Мальтуса, теории компенсации Сэя. Эти варианты вместе с «Дополнениями к Миллю» являются новым вкладом в нашу экономическую литературу.

Произведения Чернышевского вызывали глубокий интерес у лучших людей человечества. Известно, с каким глубоким уважением относился к Чернышевскому Маркс, который изучил русский язык для того, чтобы читать его произведения в подлиннике. Известно, с каким глубоким уважением и любовью относился к Чернышевскому Ленин. В послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс писал, что «великий русский ученый и критик Н. Чернышевский» мастерски выяснил уже в «Очерках политической экономии по Миллю» банкротство буржуазной политической экономии.

Джон Стюарт Милль в трактовке основных вопросов политической экономии пытался примирить «политическую экономию капиталистов с притязаниями пролетариата, которые уже нельзя было более игнорировать»¹. И нужна была гениальность Чернышевского, чтобы в условиях неразвитости буржуазных отношений в России увидеть в лице Милля защитника буржуазных интересов и дать критику буржуазной политической экономии.

Критика Милля Чернышевским чрезвычайно остра и показывает, чьи интересы защищал Чернышевский в политической экономии. Чернышевский приводит огромную выписку из Милля (стр. 13—26), в которой Милль доказывает, что расширение и сокращение производства следует за колебанием прибыли. При этом Милль утверждает, что эти «изменения в количестве производимого товара не требуют, чтобы кто-нибудь изменял свое занятие» (стр. 27, разрядка наша. — Ш.Л.). Последнее утверждение Милля вызвало резкую критику со стороны Чернышевского. Чернышевский писал, что Милль имел в виду капиталистов-предпринимателей, что работники и их интересы находятся вне поля зрения Милля, что работники у него — «никто», что Милль рассматривает этот вопрос глазами капиталиста.

По Миллю производителем выступает капиталист, делающий затраты. Роль рабочего как производителя совершенно не упоминается. И Чернышевский бичует Милля за такую трактовку вопроса: «Да, весь анализ стоимости произ-

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. XIX, изд. 1922 г.

водства. прочтенный нами, замечает только капиталист. который для него все.. между прочим и истинный производитель; работники являются только принадлежностью капиталиста; стоит ли смотреть на дело по отношению к ним! Разумеется, не стоит, «если» капиталист — «производитель» (стр. 28).

Насколько глубока была критика, данная Чернышевским теории Милля, показывают следующие слова: «...анализ (у Милля. — Ш. Л.) ведется с точки зрения капиталиста; для капиталиста труд — только элемент стоимости производства; о стоимости производства сказано достаточно, — следовательно, о труде толковать нечего» (стр. 28).

В книге четвертой Чернышевский разбирает вопрос о влиянии экономического прогресса на рабочую плату, ренту, ценности и цены. Приведа цитату из Милля, в которой говорится, что благосостояние и образование рабочего класса не будут возрастать с прогрессом промышленности, Чернышевский спрашивает: «Должен ли оставаться такой быт, при котором возможна подобная несообразность?» (стр. 121, разрядка наша. — Ш. Л.). В своем дальнейшем анализе Чернышевский приходит к выводу о наличии «тенденции технической стороны экономического прогресса понижать благосостояние рабочего класса при нынешнем устройстве быта» (стр. 132, разрядка наша. — Ш. Л.). Милль также устанавливал, что экономический прогресс не повышает благосостояния рабочего класса. Но между Миллем и Чернышевским огромная пропасть. «То признание, которое он (Милль. — Ш. Л.) делает мимоходом, остается почти без всякого влияния на общий ход его мыслей. Мы, напротив того, постоянно держим в памяти этот факт и выводим из него заключения, чего он не заботится делать» (стр. 149).

Чернышевский критикует Милля и за то, что, по Миллю, главным препятствием к росту благосостояния масс является чрезмерность размножения. Отсюда Милль делал вывод, что бережливость, благоразумие и пр. являются главными средствами улучшения быта масс. Чернышевский пишет, что «принципы нынешнего быта мешают благосостоянию массы совершенно независимо от того, размножается она или не размножается». И Чернышевский призывает к изменению современного ему быта как к единственному условию улучшения положения трудящихся. Чернышевский обрушивается на Милля за его буржуазный объективизм. Милль писал, что политической экономии нет дела до того, как думает о внутреннем достоинстве разных предметов философ или моралист. Чернышевский называет сторонников этих взглядов Молчалиными, скрывающими недостатки капиталистического строя. Он дает следующую характеристику «Молчалиным от политической экономии»: «Молчалин отказывался «иметь свое суждение» только для того, чтобы не навлечь на себя неудовольствие людей, милостью которых дорожил; а в тех случаях, когда его мнение могло быть приятно этим людям, он очень храбро выражал его. Точно так и политико-экономы, устроившие господствующую теорию сообразно интересам коммерческого класса, очень храбро высказывают научные истины о тех предметах, в которых выгоды торговли соответствуют выгодам истины» (стр. 580).

Такова яркая, убийственная характеристика, дававшаяся Чернышевским буржуазной политической экономии.

В своих «Вариантах» Чернышевский дает очень резкую критику теории компенсации Сэя. Сэй, как известно, утверждал, что введение новых машин лишь перемещает доходы и тем самым не ухудшает положения рабочих. «Оптимизм Сэя — неверность логике и фактам», — пишет Чернышевский. Приведа многочисленные факты вытеснения рабочих машинами и ухудшения их положения, Чернышевский говорит: «Я все-таки утверждаю, что экономисты изменяют истине, когда безусловно говорят, что упрощение способов производства машинами нигде не имело результатом уменьшение числа рук, занятых какой бы то ни было промышленн-

ностию. Экономисты должны были бы сказать, что машины подобно разделению труда служат при нынешней экономической системе и источником богатства и с тем вместе постоянною, неизбежною причиною нищеты» (стр. 465).

Говоря о «мнимо-глубокомысленном Бастиа» и других (стр. 279). Чернышевский писал о них, что «не уяснили, а только загрязнили науку все эти Бастиа, Росси, Мишели Шевалье». С особой силой, выступал он против сторонников принципа *laissez faire, laissez paissier*, рассматривающих этот принцип как вечный идеал человеческого общества.

Чернышевский проявляет глубокое понимание так называемых «свобод» в капиталистическом обществе. Он прекрасно понимает, что свобода при капитализме — это свобода сильного угнетать экономически слабого. «Когда, с одной стороны, сильный, с другой — слабый, свобода сильного разве не угнетение слабого?» (стр. 298). «Сколько бедствий избежали бы народы, если бы поняли, что нет свободы там, где слабый остается беспомощным» (стр. 296).

В высшей степени интересна критика, которой подвергает Чернышевский физиократов. В своей рецензии на книгу С. Муравьева «Тюрго» Чернышевский критикует теорию Кенэ, из которой следовало, что повышение хлебных цен вызовет-де соответствующий рост заработной платы и тем самым не ухудшит положения рабочих, «Кенэ забывал, что цифры в его итогах представляют людей и что есть положения, в которых дороговизна хлеба бывает смертным приговором» (стр. 292, разрядка наша. — Ш. Л.).

Страстно бичует Чернышевский теорию Кенэ, согласно которой только класс земельных собственников являлся производительным классом. «Если бы физиократы, по крайней мере, почтили именем производителя страдальца, изнемогающего и умирающего, проводя борозду, на которой созреет колос! Но они боялись бы оскорбить хозяина, нанимающего работников, если бы поставили в один разряд с ними бедного поселянина, им нанимаемого; и в их глазах даже среди сельского населения отличительным признаком производительного класса был не труд, а расходование денег» (стр. 294).

Чернышевский вскрывает всю фальшь лозунга «право работать». Тюрго считал «право работать» неотъемлемым правом человека. И Чернышевский пишет, что Тюрго никогда не доходил до того, чтобы признать за человеком «право иметь работу». «Словом, он допускал право искать работы, а не право иметь ее — различие существенное, до сих пор еще не вполне понятое» (стр. 300).

Являясь последователем экономической теории классиков, Чернышевский не связывает себя их выводами и приходит к некоторым теориям, близким к утопическим теориям французских экономистов. Чернышевский согласен с основными положениями Смита и Рикардо. Он защищает их теорию против «неверных учеников» вроде Сэя, Бастиа и других. Но в то же время Чернышевский считает теорию классиков «только началом экономической науки», не только в том смысле, что дальнейшее развитие выводится из этого начала, но и в том, «что в следующем развитии глубже и полнее исследуется значение формул Рикардо, делаются из них выводы, которых еще не сделано вначале».

Само собой разумеется, что критика апологетов капитализма Чернышевским отличается от критики Маркса. Поэтому его критика не всегда полна, не проникнута научным пониманием законов развития капитализма. «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны

и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹.

В «Дополнениях к Миллю» и других статьях Чернышевский доказывает необходимость отмены невольничества и крепостного строя. В своих произведениях Чернышевский будил и звал трудящиеся массы России к борьбе за освобождение от ига крепостничества.

Мы видели, что Чернышевский на целую голову стоял выше Милля. Но Чернышевский был не только критиком буржуазной политической экономии. Он пытался представить и свой план «преобразования» капиталистического общества. Для этого ему пришлось прежде всего дать попытку критики самого капиталистического строя, основанного на системе эксплуатации наемного труда. И Чернышевский начинает с вопроса: следует ли труду быть товаром и иметь меновую ценность?

Мы здесь не останавливаемся на том, что Чернышевский, вслед за классиками смешивал труд с рабочей силой. В этом вопросе Чернышевский разделял заблуждения представителей классической политической экономии. Но важно, что Чернышевский поставил под сомнение рациональность существования капиталистического строя. «Следует ли труду быть товаром?» И Чернышевский уличает теорию классиков в противоречии с действительностью, которая, вопреки теории, превратила труд в товар. Покупка и продажа труда, указывает Чернышевский, это то же, что покупка и продажа человека, с той лишь разницей, что ограничена продолжительность времени, на которое совершается продажа, и степень власти, какую дает над собой продающийся покупающему. Но это различие — только количественное, только по степени, а не качественное. Продажа труда — это смягченная форма невольничества.

И Чернышевский доказывает, что с точки зрения самой теории классиков труд не должен быть товаром.

В своей критике капитализма Чернышевский исходит из этического принципа «должного». Труд «не должен быть предметом покупки и продажи», «не должен иметь меновой ценности» (стр. 32), а поэтому весь экономический строй зиждется на ложных основаниях. Отрицание капитализма Чернышевский выводит не из развития внутренних противоречий капитализма, а из того факта, что наемный труд противоречит природе человека, который не должен являться товаром. «Приписывать труду меновую стоимость значит сравнивать его с предметами, посторонними для человека» (стр. 32). Чернышевский вскрывает противоречия капитализма, показывая, что эта система приводит к росту неравенства, к росту зависимости одних людей от других и т. д. «Порядок дел, при котором над всем господствуют деньги,— пишет он,— мы находим неудовлетворительным... потому, что при нем слишком плохо удовлетворяется потребность материального благосостояния у огромного большинства людей, что для этого огромного большинства он невыгоден» (стр. 53).

Исходя из теории классиков, Чернышевский часто разделял ошибочные воззрения классиков по отдельным вопросам капиталистической экономики. В рецензируемом полутоме приведена пометка Маркса — вопросительный и восклицательный знаки — на высказывании Чернышевского о деньгах. Чернышевский считал, что от быстроты обращения денег или увеличения количества звонкой монеты должна увеличиться цена товаров. Эту мысль Чернышевский воспринял от классической политической экономии. Этого взгляда придерживались и Монтескье и Юм. Критику этого взгляда Маркс дал в «Критике политической экономии» (см. в главе 2-й «Теория средств обращения и денег»). Что же выдвигал Чернышевский взамен существующего строя? Чем он думал заменить капиталистические производственные отношения? Идеалом Чернышевского являлась система

¹ Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 144.

производства, основанная «прямо на потребностях производителя», или производство для личного потребления производителей. При такой системе производства «характер и количество продукта будут гораздо точнее соответствовать потребностям потребителя в том случае, если производство определяется прямо этими потребностями, чем в том случае, когда это соответствие устанавливается лишь длинным косвенным путем обмена» (стр. 46).

Чернышевский не является абсолютным противником обмена продуктов. Он требует, чтобы главная масса продуктов производилась на внутреннее потребление и лишь «избыток» продуктов, незначительная часть производимого продукта обменивалась.

При системе производства, основанной на потребностях производителей, меновая стоимость не должна быть основным принципом обмена. Вместо категории меновой стоимости Чернышевский выдвигает на первое место категорию «внутренней стоимости», которая должна определяться потребностями людей. Когда труд перестанет быть товаром, внутренняя стоимость и меновая стоимость совпадут, ибо и та и другая стоимость будут определяться потребностями людей.

Признавая, что товар имеет меновую ценность и «внутреннюю ценность», т. е. потребительную ценность, Чернышевский критикует классиков за забвение внутренней стоимости товара и за сосредоточение своего внимания на меновой стоимости.

Труд, затраченный производителями на производство товаров, образует стоимость этого товара, но распределение труда не регулируется стоимостью товара. Регулятором распределения труда является «внутренняя стоимость», определяемая потребностями производителей. Чернышевский предлагает найти «общую норму», которая дала бы прочное основание для определения ценности товаров. Посредством такой нормы, полагал он, цены не смогут спекулятивно возрастать, и тем самым будут уничтожены источники возникновения кризисов. Такой нормой ценности всех товаров должен быть труд, количество затраченного труда на производство продукта.

Чернышевский выдвигал идеал общества, в котором производитель является одновременно и потребителем, но он вовсе не выдвигает идею «самостоятельного», индивидуального производителя. Он не идеализирует индивидуальное хозяйство самостоятельного производителя. «Производительной единицей» хозяйства, по Чернышевскому, должно служить не «маленькое хозяйство», а крупное хозяйство.

В статье «Капитал и труд» Чернышевский описывает преимущество товариществ перед крупными капиталистическими предприятиями. При наличии товариществ общество, по его мнению, будет избавлено от кризисов, интересы производителей будут полностью удовлетворены.

Чернышевский доказывает, «что самостоятельность трудящихся, даваемая только формой товарищества, выгоднее для общества, нежели хозяйство отдельного капиталиста, как свобода выгоднее рабства для общества. Но как при свободе успешнее идет и самое производство, точно так же при форме товарищества оно должно идти успешнее, нежели при хозяйстве отдельного капиталиста» (стр. 376, разрядка наша.—Ш. Л.).

В высказываниях Чернышевского о «внутренней стоимости», о «товариществах» и других чувствуется влияние французских экономистов Прудона, Луи Блана и др., чьи утопические теории были знакомы Чернышевскому. Будучи противником выпуска бумажных денег и займов, он оправдывал их, если эти средства шли на помощь трудящимся.

Чернышевский высказывает твердую уверенность, что изменения в быте нации приведут к тому, что «со временем перестанет быть товаром и труд» (стр. 36). И он развивает свои теоретические положения, несовместимые с современным ему бытом, «чтобы обнаружить это несоответствие действительного положения

с надлежащим положением» (стр. 43). В «Капитале и труде» Чернышевский задается вопросом исключительной важности: какими способами «теория трудящихся» предполагает достичь своей цели. Он пишет, что «способ зависит от нравов народа и обстоятельств государственной жизни его» (стр. 380).

Для России 60-х годов способы преобразования государственной власти, предлагаемые Чернышевским, общеизвестны: это крестьянская революция. Вера в особенности общинного уклада в России, Чернышевский не мог придавать решающего значения назревающим противоречиям между капиталом и трудом в России 60-х годов. План преобразования России — крестьянские общины. Способы — крестьянский топор. В отношении же западных стран Чернышевский распространяет идеи товариществ, идеи, родственные французским социалистам. Чернышевский в своих произведениях выступает как великий ученый и критик. Вместе с тем произведения Чернышевского рисуют его как утописта и революционного демократа.

Нельзя не отметить ряда безобразных фактов, связанных с изданием рецензируемой книги.

Второй том избранных сочинений Н. Г. Чернышевского состоит из двух полутомов. Казалось бы естественным, что в начале должен был быть издан первый полутом, а затем второй. Но Соцэргиз выпустил второй полутом до издания первого полутома. И читателям предоставляется знакомиться с «Очерками из политической экономии» Чернышевского, только начиная с третьей книги: «Обмен».

Недопустимым является сознательный пропуск последних страниц в статье Чернышевского «Капитал и труд». В примечании к этой статье мы читаем следующее: «Статья напечатана здесь без последних страниц... так как эти страницы целиком вошли в «Очерки из политической экономии по Миллю», отдел «Распределение» гл. I—III (стр. 381, разрядка наша.— Ш. Л.).

Кто дал право редактору И. Удальцову так бесцеремонно обращаться с текстом Чернышевского?

Этот факт тем более возмутителен, что читатели фактически лишены возможности прочесть эти страницы, ибо отдел «Распределение» входит в первый полутом второго тома, который до сих пор не издан.

В книге имеется огромное количество опечаток, извращающих подлинный текст Чернышевского: вместо «не нужна» напечатано «нужна» (стр. 63), вместо «налог» — «доход» (77), вместо «равномерность» — «разномерность» (176), вместо «постоянной» — «постепенной» (214), «продукт» превратился в «пункт» (206), «податные списки» — в «поданные списки» (260), «землевладельцы» — в «земледельцев», на стр. 537 выпало слово «общество» и т. д. и т. п.

На стр. 556 вместо «10 тысяч» напечатано «100 тысяч». На стр. 487 приведена нелепая таблица, из которой мы узнаем, что в одно десятилетие 1790—1800 гг. население США увеличилось больше, чем в 2½ раза. В последующие два десятилетия оно сократилось приблизительно на 40%. Затем население вновь удвоилось за одно десятилетие. Эти «чудеса» роста населения объясняются тем, что цифры безбожно перепутаны.

На стр. 471 (предпоследняя строка) фраза оборвана и незакончена и читателю самому предоставляется возможность угадывать ее конец. Чтобы избавить читателя от необходимости самому дополнять конец, приведем недостающие слова. Выпущены следующие слова: «раскрыта ее ошибочность».

Приведенные примеры искажений текста Чернышевского представляют лишь незначительную часть всех искажений. Число их определяется сотнями. И издательство обнаружило большую скромность, приложив к книге список, где указаны только 19 опечаток.

Ф. Ф. ДУНАЕВ. Очерки по экономике социалистической нефтяной промышленности. Часть I. Под ред. Г. И. Ломова и С. В. Дедкова. ОНТИ НКТП. Главная редакция горнотопливной литературы, 1936 г., 185 стр., ц. 4 руб.

Несмотря на то, что в наших вузах и инженерно-экономических вузах отраслевые экономические дисциплины читаются уже около 10 лет, мы до сих пор не имеем ни одного учебника по отраслевой экономике, построенного методологически правильно, на основе учения Маркса — Ленина — Сталина, и содержащего в себе все основные проблемы экономики данной отрасли.

Стахановское движение с исключительной силой поставило ряд совершенно новых экономических задач (в деле организации и планирования производства), решение которых в значительной степени зависит от работы экономистов и инженеров-экономистов. Естественно, что в этих условиях на профессорско-преподавательском составе наших высших учебных заведений лежит большая ответственность за вооружение молодых специалистов остро отточенным оружием марксистско-ленинской теории не только в области общеэкономических наук (политическая экономия и др.), но и в области конкретных экономических дисциплин (экономика отрасли, организация производства, планирование, техно-экономическое проектирование и т. д.).

К сожалению, состояние преподавания отраслевых экономических дисциплин не отвечает задаче повышения идейной вооруженности в области специальных дисциплин. Преподавание ведется в лучшем случае либо по случайным, разрозненным, более или менее правильно трактующим вопрос, но, как правило, устаревшим статьям, помещенным в различных журналах за последнее десятилетие, либо сводится к разбору большого цифрового материала отчетного характера, без каких-либо продуманных, серьезных обобщений.

Запущенное состояние преподавания отраслевых экономических дисциплин становится в настоящее время особенно нетерпимым, превращаясь в ряде вузов в «узкое место» подготовки не только экономистов и инженеров-экономистов, но и инженеров-технологов. Последнее станет понятным, если мы учтем огромную организаторскую роль инженеров на производстве в условиях стахановского движения и необходимость хорошего знания ими экономики своего производства.

Известное пренебрежение к проблемам отраслевых экономик, которое в недалеком прошлом проявлялось у некоторых экономистов, работающих в области общей, теории советской экономики, способствовало протаскиванию в советскую экономическую науку целого ряда вредительских буржуазных теорий, при разработке отдельных вопросов конкретной экономики. Так например в области экономики нефтяной промышленности подвизались экономисты С. Богдановский, Фролов, А. Бондаревский, выпустившие ряд книг, в которых они отрицали руководящую роль диктатуры пролетариата в экономическом развитии нефтяной промышленности, пытались перенести закономерности капитализма в советскую экономику и отразили вредительские установки неизвестных Гинзбурга и Бернштейна-Когана.

Не случайно также в свое время инженеры-вредители (Стрижов, Покровский, Максимович) в своей практической подрывной работе подхватили все эти теории и причинили немало вреда нашей нефтяной промышленности. Достаточно вспомнить предлагавшиеся Стрижовым замедленные системы разработки нефтяных

месторождений и отдельных пластов с соответствующей псевдонаучной «экономической» аргументацией или пропагандирование строительства устаревших нефтеперегонных установок (кубовые батареи и т. д.).

Опубликование книги Ф. Ф. Дунаева «Очерки по экономике социалистической нефтяной промышленности» поэтому более чем своевременен. Своевременно не только с точки зрения узко преподавательской, но и в связи с назревшей необходимостью систематизировать, обобщить разрозненные исследования в области экономики нефти, опубликованные в виде журнальных статей, и решительно двинуть вперед работу над учебником по экономике нефти. Работа Ф. Ф. Дунаева является первой попыткой в этом направлении.

В введении к своей книге автор, характеризуя сущность предмета экономики нефтяной промышленности, считает, что эта задача сводится «к определению перспектив и путей развития нефтяной промышленности, к проектированию темпа развития всей отрасли производства и отдельных ее частей, к установлению соотношения между последними, к планированию путей и методов технического перевооружения рабочей силы, к установлению мероприятий, ликвидирующих «узкие места» (стр. 8).

Автор при этом совершенно правильно показывает во всем последующем изложении, при разборе конкретных экономических вопросов отраслей, преимущества социалистической плановой системы перед капиталистической и разоблачает случаи протаскивания буржуазных установок в экономическую науку, а также в отдельных случаях и в практику работы нашей нефтяной промышленности.

«Очерки» начинаются главой о роли и значении нефтяной промышленности.

Нефтяная промышленность в настоящее время является монопольным поставщиком жидких топлив для автомашин, авиации и других двигателей. Она имеет исключительное значение для всего народного хозяйства и в первую очередь для индустрии, снабжая ее смазочными материалами и специальными маслами.

Естественно, что оценка роли и значения нефтяной отрасли «должна базироваться главным образом на анализе развития средств сношения и транспорта, основанных и выросших на применении бензиновых и керосиновых двигателей внутреннего сгорания» (стр. 23).

На основе данных иностранной литературы и статистики автор проследивает путь развития автотранспорта, торгового и военного морского флота и авиации крупнейших капиталистических держав и связь этого развития с нефтяной промышленностью, отмечая исключительно быстрое внедрение нефти в мировое хозяйство. Достаточно сказать, что к 1934 г. в США 83,4% торгового флота работало на нефти. Англия же почти половину своих торговых судов ориентировала на двигатели внутреннего сгорания и на паровые машины, работающие на мазуте.

В условиях развернутого социалистического строительства, при осуществлении второго пятилетнего плана, основной хозяйственной задачей которого является завершение технической реконструкции народного хозяйства СССР и полное освоение техники, нефтяная промышленность все больше становится одним из важнейших факторов в процессе социалистической индустриализации страны. Огромное увеличение количества автомобилей, тракторов, расширение сети воздушных сообщений, развитие железнодорожного транспорта и дорожного строительства, моторизация армии, рост экспорта и т. д. и т. п. — все это предъявляет к нефтяной индустрии новые повышенные требования и предопределяет дальнейшие пути ее развития.

Ф. Ф. Дунаев, исходя из этой предпосылки, показывает, как развивается нефтяная промышленность за годы первой и второй пятилеток, и дает анализ технической реконструкции нефтяного хозяйства, отмечая неравномерность темпов реконструкции в отдельных отраслях нефтяной промышленности (разведка, нефтедобыча, переработка).

Разведка на нефть в СССР в значительных размерах стала развиваться с 1924 г., причем основное внимание уделялось изучению более глубоких горизонтов в старых районах добычи. В новых районах до 1930 г. разведка велась в небольших размерах, и поэтому прирост эксплуатационных фондов до 1930 г. шел главным образом за счет вскрытия разведкой нижележащих горизонтов и дооконтуривания уже разрабатываемых. Поиски новых месторождений, как правильно подчеркивает автор, тормозились до 1930 г. группой вредителей, работавших в нефтяной разведке, которая направляла разведочные работы преимущественно на старые промыслы, задерживала выявление новых нефтяных площадей, расплывала отпускаемые средства на большое количество объектов.

Кроме того недостаточная обеспеченность разведок кадрами, руководством и снабжением определила низкое качество бурения, частые аварии и забрасывание скважин, которые не достигали проектных глубин.

После полного разгрома вредителей разведка на нефть с 1931 г. испытывает решительный перелом. Геологические партии направляются в большом количестве на Урал, Волгу, в Сибирь, Среднюю Азию, на Камчатку и т. д. Внедрение и широкое применение новых методов разведки (геофизика, электроразведка, комплексные методы изучения материалов) повышают эффективность разведки. За годы 1931—1935 открываются и подготавливаются к эксплуатации в Баку: Кала, Лок-Батан, Кара-Чухур, Пута, Кергез, Сулу-Тепе, Зых; на Эмбе открыто свыше 350 куполов и подготовлены к разработке Южный Искине, Косчагыл; на Урале — Ишимбаево, Чусовские городки; на Волге изучается Самарская лука, в Туркмении — Нефтегаз, Боя-лаг, Чикишляр; в Фергане разведка обнаруживает до 53 благоприятных структур; в Сибири производятся разведки в районе Байкала; поисковые партии направлены и работают в настоящее время в Арктике и т. д.

Другими словами, в настоящее время работники разведки ведут успешную борьбу за реализацию указания товарища Сталина о создании второй нефтяной базы Союза на Востоке. Геологические запасы нефти за последние годы значительно увеличились. В результате открытия новых нефтеносных районов и новых горизонтов общие геологические запасы нефти в СССР к 1 января 1936 г. выросли до 3,4 млрд. т против 2,6 млрд. т на 1 января 1934 г.

Цифра 3,4 млрд. т станет еще более разительна, если мы учтем, что советская нефтяная разведка по существу только приступила к изучению богатейших недр Советского союза.

Интересно, что за все годы существования нефтяной промышленности на территории СССР, с 1870 по 1936 г., добыто всего лишь около 500 млн. т нефти, что составляет незначительную часть наших нефтяных богатств. Основными недостатками разведочных работ, подчеркивает автор, остаются разрывы между поверхностными изысканиями и глубоким разведочным бурением, между вскрытыми грандиозными общими геологическими запасами нефти в недрах и подготовленными к эксплуатации (так называемые промышленные запасы).

Говоря о реконструкции эксплуатации нефтяных скважин, Ф. Ф. Дунаев показывает, как внедрялась механизация нефтедобычи: глубокие насосы, вытеснившие желонку, групповые приводы, компрессоры, газлифт.

Однако т. Дунаев недостаточно подчеркивает тот крайне важный факт, на котором останавливался Совет при наркоме тяжелой промышленности в июне 1936 г., именно — отставание эксплуатации нефтяных скважин от новых условий работы. Несмотря на переход на большие глубины и на разработку сильно насыщенных газом пластов, качество эксплуатационных труб, конструкции насосов и т. д. остались почти без изменений.

Автор совершенно правильно отмечает крупнейшие недостатки работы компрессорного хозяйства. Неудовлетворительно работают и насосные скважины, все еще низок коэффициент наполнения насоса, велики простои скважин, плохо организована работа по ремонту старых скважин (чистка пробок и т. д.). Все это определяется недооценкой работы с малобетными, старыми скважинами, не-

достаточным использованием подъемников, отсутствием учета показателей по скважине и недостаточным развертыванием стахановского движения. Слова т. Орджоникидзе о том, что мы еще не умеем эксплуатировать нефтяные скважины, обязывают ко многому работников промыслов, тем более что нередки случаи, когда скважины, пробуренные буквально в несколько дней со стахановскими скоростями, осваиваются затем эксплуатационниками месяцами, что сводит на-нет эффект работы стахановцев бурения.

Говоря о техническом перевооружении бурения, решающего участка в промышленном хозяйстве, автор правильно подчеркивает задачу перевода бурения на вращательный способ и автоматы. Однако он упускает из виду внедрение твердых сплавов («победит», «вокар» и т. д.), сыгравших исключительную роль в работе долота в забое и в большой степени определивших рост скоростей проходки (см. раздел «Бурение скважин», стр. 52—56).

Характеризуя качественные показатели работы промышленного и нефтезаводского хозяйства, автор не приводит данных о состоянии нашего газового хозяйства. Между тем это было бы чрезвычайно важно, так как газовое хозяйство в целом (газовые фонды, разведка на газ, добыча газа, потребление газа при газлифтной эксплуатации, потери газа на промыслах, переработка и использование газа) является наиболее запущенным участком нашей нефтяной промышленности.

Стахановскому движению автор посвятил специальную главу. Однако во всех других частях книги стахановское движение не получило отражения. Между тем те части учебника по экономике отрасли, которые рассматривают экономику разведок, промыслов, заводов, нефтетранспорта и т. д., должны быть построены с учетом всего того нового, что вносит стахановское движение, совершающее, по выражению товарища Сталина, в нашей промышленности революцию.

В главе «О стахановском движении» автор останавливается на методах работы стахановцев — буровых мастеров (Исмаил-Микаил, Ахад-Али-Махуб, З. В. Парфенов, Шишканов, Юсуф-Заде Бухов), показывая на примерах конкретных буровых, каким образом были достигнуты рекордные скорости бурения скважин — 1 тыс. и выше метров на станкомесяц.

Стахановское движение в бурении достигло к настоящему времени таких успехов, что показатели, приводимые в книге т. Дунаева, уже сильно устарели.

Стахановцы Мехти-Шабан, Поздняков и другие побивают нормы, принятые на отраслевой конференции, и дают скорости бурения скважин порядка 3 500—4 500 м на станок в месяц. А это означает, что скважины, которые бурились раньше 5—10 месяцев, теперь бурятся 10—25 дней. Скважины же до 1 000 м глубиной бурятся 8—10 дней.

Если в 1933 г. средняя скорость эксплуатационного бурения по Баку равнялась 187 м на станок в месяц, в 1934 г. — 216 м, в 1935 г. — 300 м, то в первом полугодии 1936 г. скорость бурения в среднем по бакинским промыслам составила 500 м, а по тресту Азизбековнефть — 707 м на станок в месяц.

Автор не дает ни одного примера стахановской работы в эксплуатации нефтяных скважин. Между тем в области эксплуатации нефтяных скважин уже есть стахановцы-мастера, инженеры, стахановцы-бригадиры по подземному ремонту скважин, есть даже целые стахановские группы эксплуатации, которые, не получив ни одной новой скважины, дают рост нефтедобычи из старых скважин, внося таким образом стахановские «поправки» в кривые производительности нефтяных скважин. Однако в целом в области эксплуатации нефтяных скважин стахановское движение развертывается чрезвычайно медленными темпами. Не случайно т. Орджоникидзе в своей речи на заседании Совета при наркомате (5 июня 1936 г.) призывал инженеров и хозяйственников взяться по-серьезному за стахановское движение в эксплуатации: «Беритесь смелее за дело, и результаты в эксплуатации будут не хуже, чем в бурении. Разве в эксплуатации у нас не будет стахановцев, да еще сколько будет, вы только возьмитесь за дело».

В нефтепереработке стахановские методы получили широкое распространение. Автор приводит ряд примеров прекрасной работы бригадиров очистки, сгонщиков, рабочих и инженеров бакинских заводов, отмечая случаи саботажа и скрытого сопротивления работе стахановцев.

Как известно, т. Орджоникидзе еще на декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) отмечал, что в нефтяной промышленности есть отдельные стахановцы, но нет стахановского движения. Низкие темпы развития стахановского движения в нефтяной промышленности показывают, что коллектив нефтяников и в первую очередь инженерно-технический персонал, призванный возглавить работу стахановцев, перестраивается медленнее, чем в других отраслях. Автор останавливается на недостатках организации производства, тормозящих развитие стахановских методов работы, в частности на оставании подсобного хозяйства промыслов и заводов, выделяя кроме того как важнейший фактор значение правильно построенной системы оплаты труда.

Слабой стороной этого раздела книги являются недостаточная систематизация фактического материала и недостаточная конкретность выводов. Например автор не уделяет должного внимания основному, что тормозит стахановское движение на нефтепромыслах. Автор не анализирует создавшиеся разрывы между работой по выбору точек для бурения, строительством вышек, с одной стороны, и бурением — с другой, между бурением скважин и освоением законченных скважин группами эксплуатации, между основным производством и подсобным хозяйством.

Кроме того совершенно не рассмотрены системы заработной платы. Между тем существующая система заработной платы в эксплуатации нефтяных скважин страдает многими недостатками. Она не стимулирует работу по повышению механизированной добычи нефти из старых скважин, работу по пуску простаивающих скважин, не стимулирует бережного отношения к недрам, к газу и т. д.

Следующий раздел «Очерков» — экономика промыслового хозяйства. В этом разделе дается представление о политике разведок, достаточно полно рассматриваются основные принципы плановой разработки нефтяных месторождений в СССР. Ф. Ф. Дунаев, анализируя разработку нефтяных месторождений в СССР и в США, доказывает, что правильная, технически обоснованная разработка многопластового месторождения и отдельного пласта возможна только в социалистических условиях.

Работы лучших американских ученых — Герольда и Юрена — по классификации режимов, по коэффициенту отдачи недр, по определению наиболее целесообразного темпа разбуривания и расстояний между скважинами использованы советскими специалистами, которые добились блестящих успехов в области разработки нефтяных недр. Прежде всего здесь следует отметить аналитические работы геолога В. В. Билибина, систему разработки «снизу вверх», разработанную геологом М. Никитиным и внедренную в Баку. Анализируя системы разработки, предлагавшиеся в свое время вредителем Стрижовым («ползущую с контура пласта концентрическими кругами» и системы «сверху вниз»), автор останавливается на характеристике всех существующих систем разработки, определяя их достоинства и недостатки с точки зрения ряда техно-экономических показателей (выполнение плана нефтедобычи, коэффициент отдачи недр, эффективность капиталовложений, себестоимость нефти, производительность труда и т. д.).

Книга заканчивается краткой характеристикой основных техно-экономических показателей работы промысла в весьма общем виде.

Остановимся на общих недостатках книги. Прежде всего несколько слов относительно ее схемы. Построение книги — роль и значение нефтяной промышленности, техническая реконструкция, экономика промыслового хозяйства — показывает, что автор вначале рассматривает общие, комплексные вопросы отрасли в историческом разрезе, а затем переходит к исследованию современной эконо-

мики промыслов; вторая часть (которая еще не вышла) посвящается экономике нефтеперерабатывающей промышленности и нефтетранспорта.

Если это так, то неясно, почему в первых двух главах отсутствуют общие для отрасли вопросы — географическое размещение, политика капитальных вложений, труд, подготовка кадров, себестоимость, которые необходимо рассматривать в целом по отрасли.

Следующий раздел, посвященный экономике промышленного хозяйства и являющийся основным в книге, также страдает неполнотой. Целый ряд важнейших вопросов экономики промышленного хозяйства (например вопросы амортизации оборудования и нефтяных скважин, себестоимости бурения и нефтедобычи, вопросы планирования и организации промышленного хозяйства и др.) не получили здесь отражения. Все эти вопросы должны быть разработаны на основе изучения большого фактического материала промышленной деятельности с полным отражением того обстоятельства, что в настоящее время все вопросы использования основных фондов нефтяной промышленности решаются в совершенно новом свете. Стахановское движение в корне изменяет оценку производственных мощностей, по-иному решает задачи расстановки и использования рабочей силы.

Учебник по экономике промышленного хозяйства будет только в том случае актуален, если он поднимет на основе опыта стахановского движения новые вопросы экономики отрасли, положительная разработка которых будет способствовать организации борьбы за дальнейший рост производительности труда и снижение себестоимости. Книга т. Дунаева не является таким учебником. Однако при всех ее недостатках она несомненно может быть использована в качестве учебного пособия при изучении экономики нефтяной промышленности.

Институт экономики Академии наук СССР

Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 8 февраля с. г. было признано нецелесообразным одновременное существование двух академий — Академии наук СССР и Коммунистической академии при ЦИК СССР. В соответствии с этим постановлением Коммунистическая академия была ликвидирована, а все ее институты и учреждения, так же как и состав основных работников, переданы в Академию наук СССР.

Обсудив в своем заседании от 15 февраля с. г. постановление Совнаркома и ЦК партии, президиум Академии наук СССР принял ряд конкретных решений по вопросу о претворении его в жизнь, в том числе и решение об образовании в системе отделения общественных наук Академии Института экономики. Этот Институт организован путем слияния нескольких бывших в системе Комакадемии родственных по целевым установкам институтов: экономики и аграрного в Москве, экономического и аграрного институтов Ленинградского отделения Комакадемии. Институту экономики Академии наук передан также журнал «Проблемы экономики». Директором Института утвержден академик М. А. Савельев.

Тотчас после образования Института экономики дирекция последнего приступила к выработке профиля института, его структуры и плана работы. Прежде всего следовало пересмотреть и заново перестроить намеченную к проработке в 1936 г. тематику бывшего экономического и аграрного институтов Комакадемии и тех же институтов ее ленинградского отделения, оставив в новом плане лишь наиболее актуальные проблемы, ввести ряд новых разделов работы, связанных с общей программой работ Академии наук СССР.

В порядке самокритики здесь уместно отметить (в особенности это относится к Институту экономики Комакадемии), что планы работ, полученные Институтом экономики Академии наук в наследство от прежних институтов, страдали многотемностью и недостаточно были увязаны с насущными потребностями социалистического строительства. В связи с этим при просмотре планов институтов дирекцией Института экономики Академии наук было снято 15 тем, которые были в производстве и должны были развернуться в 1936 г.

Новый устав Академии наук СССР основной целью работы всех своих институтов и учреждений ставит «содействие общему подъему теоретических, а также прикладных наук в СССР, изучение и развитие достижений мировой научной мысли. В основу своей работы Академия наук полагает планомерное использование научных достижений для содействия строительству нового социалистического бесклассового общества».

На мартовской сессии Академии наук вице-президент Академии академик Г. М. Кржижановский в своем докладе о программе работ Академии в целом на 1936 г. и непрерывный секретарь Академии академик Н. П. Горбунов в своих выступлениях рассматривали проблематику групп институтов и других учреждений Академии наук именно с точки зрения ее актуальности и соответствия требованиям, предъявляемым к науке практикой социалистического строительства. В связи с этим в программу работ Академии наук 1936 г. вводится ряд ведущих научных проблем, тесно связанных с задачами народнохозяйственного плана. Основной экономической темой в программе работ Академии наук была выдвинута проблема баланса народного хозяйства СССР. Настоятельную необходимость и своевременность ее разработки вряд ли можно оспаривать. Вопрос о включении в порядок дня изучения проблемы баланса народного хозяйства был поставлен товарищем Сталиным совершенно конкретно еще в 1929 г. на конференции аграрников-марксистов.

Противопоставляя марксову теорию воспроизводства так называемой теории «равновесия» секторов нашего народного хозяйства и разоблачая антимарксистскую сущность последней, товарищ Сталин в своей знаменательной речи на этой конференции указывал на необходимость популяризации марксистской теории воспроизводства и разработки вопроса о схеме построения баланса народного хозяйства. Говоря о вредительской трактовке проблемы баланса народного хозяйства Базаровым и Громаном, товарищ Сталин указывал, что «схему баланса народного хозяйства должны выработать революционные марксисты».

О важности глубокой социально-экономической и технико-экономической

проработки теории и методологии баланса народного хозяйства говорил академик Кржижановский на мартовской сессии Академии наук. Отмечая огромность и трудность этой задачи, академик Кржижановский констатировал, что мы только еще подходим к составлению развернутого народнохозяйственного баланса. Базируясь на проработке баланса народного хозяйства уже истекшего периода, можно будет, говорит Г. М. Кржижановский, «нащупать и отправные пункты для исследования и наметить те обобщения структуры сдвигов, которые произошли в нашем народном хозяйстве за последние годы».

В соответствии с этими указаниями основным разделом работы Института экономики является разработка вопросов, связанных с балансом народного хозяйства СССР.

Кроме этой ведущей проблемы Институт экономики работает над рядом других актуальных экономических проблем.

Развитие стахановского движения в нашей стране, указания товарища Сталина и решения декабрьского пленума ЦК ВКП(б) с особой настойчивостью ставят перед Академией наук и ее Институтом экономики задачу изучения производительности труда на базе освоения новейшей техники в разных отраслях промышленности и сельского хозяйства. В отношении сельского хозяйства эта задача тесно связана с изучением проблемы урожайности. Исторический лозунг, выдвинутый товарищем Сталиным, — добиться в ближайшие 3—4 года 7—8 миллиардов пудов хлеба — ставит на очередь не только перед агрономами, но и перед экономистами исследование путей и факторов повышения урожайности зерновых культур с учетом опыта достижений стахановцев — мастеров высокого урожая.

В связи с этим в тематику Института экономики включены следующие две проблемы: «Производительность труда в промышленности в ее историческом развитии» и «Урожайность и производительность труда в сельском хозяйстве».

Институт предпринял кроме того к 20-летию Великой социалистической революции издание коллективной работы «Развитие советской экономики за 20 лет».

Таким образом основная часть всех сил Института занята актуальнейшими вопросами советской экономики. Небольшая часть сотрудников Института работает над проблемами политической экономии капитализма и истории экономической мысли, выполняя на этом участке очень важную функцию помощи в перестройке преподавания политэкономии в соответствии с указаниями партии и правительства.

Из тематики бывших институтов Ком-академии Институт экономики Академии наук взял на себя выпуск ряда уже сданных в производство работ и завершение нескольких монографических исследований, среди которых следует отметить «Очерк истории и экономики колхозов» — на примере Кирсановского района Воронежской области, а также работу Ленинградского отделения Института «Из потребляющей полосы в производящую» — на примере сельского хозяйства Ленинградской области.

В связи с установленными разделами работы в Институте экономики образованы пять самостоятельных секторов.

I. Сектор баланса народного хозяйства (руководитель доктор экономических наук проф. А. С. Мендельсон) имеет своей ближайшей задачей разработку ряда отдельных вопросов баланса, главным образом методологического порядка. Вся эта работа должна быть построена на конкретном материале в тесном единении с Госпланом СССР и ЦУНХУ.

В работу сектора входит в первую очередь разработка вопроса о схеме баланса народного хозяйства. Здесь имеется в виду для начала осветить историю попыток построения баланса и те основные моменты, на которые необходимо обратить внимание при построении схемы баланса.

Второй темой, подлежащей разработке в секторе, являются проблема воспроизводства в хозяйстве СССР и методология баланса народного хозяйства в советской литературе.

Следующие темы — «Исчисление народного дохода СССР», «Основные фонды народного хозяйства СССР», «Товарная продукция сельского хозяйства», «Социалистическое воспроизводство и народное потребление» и наконец разработка одного из отраслевых балансов — баланса черного металла.

В итоге разработки методологических тем будет издан соответствующий сборник, в итоге других работ предположен выпуск ряда книг размером в 15—20 печатных листов. Завершение большинства работ намечается на середину и конец 1937 г.

II. Сектор промышленности (во главе с академиком Струмилиным) занимается вопросами изучения производительности труда в промышленности СССР в историческом разрезе.

Сектор имеет в виду показать динамику производительности индустриального труда в СССР (и дореволюционной России) применительно к основным отраслям промышленности и с перенесением центра внимания на историю советского периода и опыта стахановского движения, с обязательным сопоставлением с достижениями передовых капита-

листоческих стран. План работы сектора охватывает черную и цветную металлургию, машиностроение, каменноугольную, нефтедобывающую, химическую, хлопчатобумажную, льняную, пищевую, лесную промышленность и др.

III. Сектор сельского хозяйства в а (руководитель проф. доктор экономических наук М. И. Кубанин) занят разработкой проблемы производительности труда в зерновом хозяйстве и урожайности пшеницы. Цель этой работы — установить на основе изучения опыта передовых колхозов и МТС пшеничной зоны экономические и агротехнические факторы, влияющие на уровень урожайности пшеницы, изучить процесс роста производительности труда и стахановского движения в зерновых колхозах, произвести сравнительный анализ сдвигов, происшедших в урожайности и посевных площадях основных зерновых культур в разных зонах Советского союза, анализ данных по урожайности в дореволюционной России и в капиталистических странах (Германия, США, Канада).

Помимо использования массовых материалов — отчетов МТС и колхозов — сектором организуются выборочные экспедиционные обследования, причем объектом избраны два гнезда в зоне яровой и озимой пшеницы (Днепропетровская и Челябинская области).

IV. Сектор истории советской экономики за 20 лет имеет целью издать к 20-летию Октября коллективную работу размером в 40—45 печатных листов, характеризующую экономику страны за 20 лет советской власти. Сборник должен представлять собой целостную работу, а здесь перед авторским коллективом стоит большая и ответственная задача. Работа будет строиться по периодам, а за период первой и второй пятилеток и по основ-

ным отраслям хозяйства (промышленность, транспорт, сельское хозяйство, реконструкция городов, финансы). Особые главы посвящены партийному руководству хозяйственным строительством СССР, а также истории планирования.

Сектор работает под руководством зам. директора Института проф. Лурье. В разработке истории отдельных этапов нашего хозяйственного строительства и отдельных отраслей принимают участие академики Савельев и Струмилин, проф. Квиринг, Гатовский, Бронский и др.

V. Сектор политэкономии капитализма (руководитель доктор экономических наук проф. К. В. Островитянов) имеет в виду создание серии монографий в помощь перестройке преподавания политэкономии в вузах, разработку истории политэкономии по западным странам и Америке и по истории экономической мысли в России («Развитие экономической мысли в России в первой половине XIX в.», «Чернышевский как экономист»). Работой по истории экономической мысли руководит проф. Д. И. Розенберг.

Сектором предусмотрено также переиздание работ ряда классиков политэкономии и в первую очередь предшественников марксизма. Ввиду того что этой работе Институт придает очень большое значение, дирекция Института сочла целесообразным создание при секторе под руководством проф. Д. И. Розенберга специального бюро по изданию классиков.

Ленинградское отделение Института во главе с проф. Берзтыс работает по общему плану с основным Институтом в Москве и участвует в разработке тематики отдельных его секторов.

И. Мильграм

Экономические взгляды В. А. Милютина

(Доклад И. Г. Блюмина в секторе политической экономики
Института экономики Академии наук)

В июне состоялось заседание сектора политической экономики капитализма Института экономики Академии наук, на котором обсуждался доклад И. Г. Блюмина об экономических взглядах деятеля 40-х годов прошлого столетия, сотрудника «Современника» и «Отечественных записок» В. А. Милютин. Мы не будем здесь останавливаться на докладе

т. Блюмина: докладчик вкратце повторил содержание своей статьи «Экономические взгляды В. А. Милютин», напечатанной в № 2 нашего журнала за текущий год.

Перейдем к прениям. Основными вопросами, вокруг которых развернулись прения, были следующие: о месте В. А. Милютин в развитии уто-

пического социализма, о классовой характеристике В. А. Милютин, о сущности утопического социализма.

Оппонентом т. Блюмину была т. Эйдельмант. Она выступила с содокладом, дающим совершенно противоположную оценку Милютин. Прежде всего она отрицает оценку Милютин как умеренного реформиста, подчеркивая его революционно-демократические настроения.

Тов. Эйдельмант критикует два основных тезиса т. Блюмина: 1) Милютин не идет дальше утопического социализма и 2) он не делает различия между классической и вульгарной политической экономией. Содокладчица дает следующую оценку взглядам Милютин:

1. Милютин интересен тем, что он одновременно критикует все современные ему направления политической экономии: классиков, утопистов-социалистов, Сисмонди и представителей вульгарной политэкономии.

2. У Милютин есть стремление превратить политическую экономию в руководство к действию пролетариата.

3. Милютин указал на двойственность политической экономии Смита, наличие в ней элементов научной и вульгарной политической экономии, показал, как из последней развилась школа Сэя, и показал ее апологетический характер.

4. Политическую экономию будущего он мыслил как сочетание научных элементов классической политической экономии с прогрессивными элементами утопического социализма и сисмондизма.

5. Милютин выдвигает идею изменчивости общественных формаций как ключ к построению научной политической экономии, тщетно пытаясь найти хоть проблески этой идеи у классиков, на авторитет которых он хочет опереться.

6. Доказывая изменчивость общественных формаций, Милютин обнаруживает материалистическое понимание истории. Точно так же развитие экономических идей он рассматривает в их исторической обусловленности, давая блестящую для своего времени критику старой и современной ему политической экономии.

7. Основу антагонизма буржуазного общества Милютин выводит из отделения труда от капитала и неполной оплаты труда, но в отличие от мелкобуржуазного утопизма он не является противником крупного машинного производства.

8. Милютин понимает, что радикальное переустройство общественных отношений возможно только на определенной ступени развития производительных сил, и в этом смысле он оценивает историческую миссию капитализма.

9. Вместе с тем уже тогда Милютин понимал, что при всей своей прогрессив-

ности капиталистический способ производства служит оковами для развития производительных сил.

10. Милютин высказал ряд ценных мыслей о предмете и методе политической экономии, хотя сам и не внес почти ничего нового в анализ экономических категорий. Правда, у него есть очень интересные высказывания относительно анализа издержек производства.

11. Этот пробел (то, что Милютин не внес ничего нового в анализ экономических категорий) объясняется тем, что в период господства вульгарной политической экономии в поле зрения Милютин стояла проблема предмета и метода политической экономии, что нужно было поставить политическую экономию на новые рельсы, а уже потом ее развивать.

После т. Эйдельмант выступает т. Реуэль.

Если кратко резюмировать выступление т. Эйдельмант, говорит т. Реуэль, то получается, что Милютин — основоположник марксизма и даже не только в России, но и в международном масштабе; такая позиция совершенно неприемлема.

Тов. Реуэль не согласен с выдвинутым здесь положением, будто Милютин понимал противоположность классовых интересов. Наоборот, Милютин говорит об общности интересов капитала и труда. Дальше т. Реуэль останавливается на отношении Милютин к рабочим коалициям, на его отношении к тому, как уничтожить бедствия рабочего класса, и отмечает, что у Милютин речь идет об общности интересов всех классов. Тов. Реуэль не согласен с т. Блюминым, который находит у Милютин материалистические моменты, возвышающие его над утопистами. Эти нотки материализма, говорит т. Реуэль, мы имеем и у Герцена, и у Сен-Симона, и у Фурье. Милютин не возвышается над социалистами-утопистами, и если говорить о русском утопическом социализме, то нет ни одной идеи, которая бы возвышала его над Герценом как экономистом.

Тов. Соболев говорит, что Милютин выделяется своей радикальной постановкой вопроса (в статье «Пролетариат и пауперизм»), что он был начинающим экономистом, не дошедшим до зенита своего развития. Он был учеником утопистов и от них воспринял идею радикального общественного переустройства. Он социалист радикального толка. Тов. Соболев не соглашается с т. Блюминым в оценке дальнейшего развития Милютин и считает, что он не перешел бы к реформизму, а, скорее, развивая и углубляя свое мировоззрение, стал бы учеником Маркса. Его заслуга двояка: 1) он резко представил картину неудовлетворительности социального строя — это самая яркая статья, которая имеется в

русской литературе 40-х годов, 2) он впервые познакомил русскую публику с Мальтусом: Милютин дал изложение его теории, дал критику и свои соображения.

Тов. Кафенгауз считает, что т. Блюмин препарировал Милютину как естественный цветок, который кладет живой цветок в книгу и потом рассматривает, во что он превратился. У т. Блюмина Милютин превратился в свою тень. Милютин не просто теоретик, каким его считает т. Блюмин. Его статьи представляют значительный интерес не только с точки зрения теоретической. Необходимо было дать о Милютине представление не только как о теоретике, а как о писателе, который интересовался живой действительностью. Тов. Кафенгауз предлагает привлечь добавочный материал для характеристики Милютину, использовать переписку и мемуарную литературу.

Тов. Усыскин замечает, что т. Эйдельмант о Милютине сказала то же, что Стеклов о Чернышевском: назвать, мол, Милютину утопистом — значит оскорбить его. Это совершенно неверная точка зрения. Нельзя Милютину причислять к научным социалистам только потому, что мы относимся к нему с уважением. Милютин не стоял выше утопистов, хотя в отдельных вопросах у него имеются зачатки материализма.

Тов. Усыскин отмечает далее неправильное противопоставление т. Эйдельмант рикардианского социализма утопическому социализму: рикардианский социализм сам является определенной ступенью утопического социализма. По мнению т. Усыскина, Милютин скорее революционный демократ, чем либеральный реформист. Близость его к «Современнику» говорит больше о его революционно-демократических взглядах, чем о либеральных. Нужно дать классовую характеристику его взглядов: в чьих интересах были его работы. Милютин по тем материалам, которые имеются на сегодняшний день, являлся выразителем интересов крестьянства. Его работы, так же как и работы Чернышевского, по существу направлены против крепостного права.

Тов. Розенберг начинает свое выступление возражением против неправильной трактовки утопического социализма, который, как замечает оратор, здесь превратился чуть ли не в бранное слово. Если находят у Милютину более или менее правильные мысли, то отсюда делается вывод, что он выше социалистов-утопистов. Неверно, будто у социалистов-утопистов не было правильных мыслей.

Тов. Розенберг не соглашается с т. Эйдельмант и считает, что более правильно подошел к вопросу т. Блюмин, но его основной недостаток — недооценка

утопического социализма. Милютин — социалист-утопист России 40-х годов, он не выше даже французских социалистов типа Консидерана и Леру. Тов. Эйдельмант ставит в заслугу Милютину то, что он понимал значение развития крупной промышленности. Но является ли это новостью, не находим ли мы это и у других социалистов-утопистов?

Тов. Розенберг приводит слова Маркса, который говорит о Р. Оуэне, что он исходил из крупной промышленности; он полагал, что, именно опираясь на последнюю, можно реорганизовать общество. Даже Каба, который был теоретически более слабым, доказывал, что благодаря новой технике будет легче осуществить социализм. Следовательно это положение Милютину совершенно не выходит за рамки утопического социализма.

Дальше т. Розенберг останавливается на вопросе об отношении Милютину к рабочему классу. И здесь, говорит он, нет ничего нового, ничего возвышающего Милютину над социалистами-утопистами. Как и последние, Милютин видит в рабочем классе страдальца, но вместе с тем, так же как и утописты, резко отзывается о рабочих выступлениях («бунты»). Тов. Блюмин находит у Милютину зачатки материализма и этим возвышает его над социалистами-утопистами. Но, возражает т. Розенберг, ведь зачатки материализма мы находим и у последних. Следовательно говорить о превосходстве Милютину над социалистами-утопистами не приходится. Если сравнить Милютину с русскими социалистами-утопистами, которые модифицировали утопический социализм применительно к русским условиям, то о Милютине приходится сказать, что он быть может благодаря молодости не успел развернуть, конкретизировать концепцию утопического социализма применительно к русским условиям. Милютин ничего не писал о русских условиях; сваливать это полностью на цензурные условия нельзя. Писали же другие, например Чернышевский. Он просто не освоил вопроса настолько, чтобы применить его к определенным конкретным условиям. Тов. Эйдельмант ставит в заслугу Милютину, что он был сторонником переворота. Но это еще не говорит о том, что он стоял выше утопистов. Мы знаем, что и Фурье говорил о перевороте. У Милютину имеются высказывания о прибыли, но эти высказывания, говорит т. Розенберг, находим мы и у Фурье. По существу Милютин дает перефразировку идеи Фурье о делении дохода на три части.

Тов. Розенберг останавливается на значении Милютину и говорит, что он в 40-х годах, годах полнейшего мрака среди буржуазных экономистов, высту-

пает с резкой критикой против школы Сэя. Он выделяет Смита из всей школы Смита, а Сэй и Рикардо у него на одном уровне. На этой же точке зрения стояли и Сисмонди и другие мелкобуржуазные социалисты Франции. У Милютина нет ничего оригинального. Но ценно то, что в России в ту эпоху нашелся экономист, который дал резкую критику социального строя. Если мы хотим выявить действительное историческое значение Милютина, мы должны это значение искать не в новых теориях, а в яркости изложения, в яркости характеристики противоречий. Нет сомнений, что Милютин влиял на современников, в особенности на молодежь. В этом отношении его значение громадно. Заслуга его еще в том, что он познакомил русского читателя с утопическим социализмом.

Тов. Блюмин в своем заключительном слове критикует выступление т. Эйдельмант. Возьмем, говорит он, резюме т. Эйдельмант. Она указывает, что политическая экономия рассматривается Милютиным как руководство к действию пролетариата. Получается, что, по Милютину, освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Получается, что Милютин признавал всемирноисторическую роль пролетариата. По Эйдельмант, Милютин признавал изменимость общественно-экономических формаций как ключ к построению научной политической экономии. Получается, что у Милютина мы имеем признание историзма

экономических категорий, что у Милютина мы находим материалистическое понимание истории. Тов. Эйдельмант утверждает, что у Милютина мы находим понимание основного классового антагонизма, что он выводит этот классовый антагонизм из отделения капитала от труда, т. е. что он вскрыл основное противоречие капиталистического общества. В статье Милютина дается, мол, правильное определение предмета и метода политической экономии. Но дать метод политической экономии — это значит дать все основы для построения научной политической экономии. Возникает вопрос, что тогда сделал Маркс, если у Милютина имеется историзм, как указано в резюме т. Эйдельмант, материалистическое понимание истории, если он дает метод политической экономии, если он вскрыл противоречие капитализма?

Возражение против своего тезиса о том, что Милютин стоит выше социалистов-утопистов, т. Блюмин принимает. Он соглашается с тем, что материалистические нотки в работах Милютина не говорят еще о его преимуществах по сравнению с утопическим социализмом. О реформизме Милютина т. Блюмин, по его словам, говорил как о некоторой тенденции. Он склонен думать, что Милютин был скорее писателем с известной тенденцией в сторону либерально-реформистского направления, чем революционным демократом.

Е. Яковлева

Маска с врага сорвана

(Собрание научных работников Института экономики Академии наук)

Статьи «Правды», призывающие в связи с разоблачением акад. Лузина к заострению бдительности и широко ставящие вопросы о советском патриотизме и подготовке научных работников, встретили живой отклик среди научных работников Института экономики Академии наук.

Обсуждение этих статей состоялось 11 июля на собрании научных работников Института.

В своем докладе доктор экономических наук т. Кубанин дал развернутую картину всех вредительских приемов врага в советской маске — Лузина. Когда советские ученые (Лузин в это время был профессором Московского университета) обратились к иностранным ученым с протестом против вредительства промпартии, подписи Лузина под обращением не оказались — он был «болен». Вся вредительская деятельность Лузина направлена была к одному — задержать

развитие научной мысли в СССР. Для этой цели пускались в ход и неправильная оценка работ, способствующая движению на научную работу неподготовленных людей, и печатание трудов некоторых из талантливых учеников под его фамилией, и печатание своих трудов за границей даже в таких странах, которые никогда не являлись центром математической мысли. В то же время Лузин говорил о наших изданиях, что они загружены «белибердой». Но советская научная общественность, как пишет «Правда», срывает с Лузиных маску, выставляет их такими, каковыми они являются.

Тов. Кубанин отмечает большую роль, которую сыграла в деле разоблачения Лузина «Правда». Разоблачение Лузина как классового врага поставило перед всеми институтами Академии наук, в частности и перед Институтом экономики, серьезную задачу — очиститься от

негодных в научном отношении кадров.

Говоря о вредительской деятельности Лузина, т. Кубанин остановился и на той традиции, которую «Правда» назвала «традицией рабелепии». «Мы должны, — говорил т. Кубанин, — исходить в отношении буржуазной науки из критического отношения к ней. Печатать научные труды на иностранных языках надо только после того, как они опубликованы у нас в СССР. Это значит поднять авторитет научной литературы нашей страны, поднять авторитет советских ученых, ибо только в нашей стране при исключительном внимании партии и правительства к науке обеспечен рост научных сил. Люди, печатающие свои труды только или в первую очередь за границей, это — не друзья СССР.

В обсуждении вопросов, поставленных в докладе т. Кубанина, приняли активное участие как старые научные работники — проф. П. И. Лященко, П. П. Маслов, так и молодые — тт. Меренков, Либкинд, Михеев и др. Все выступавшие единодушно оценили деятельность Лузина как вредительскую, как деятельность разоблаченного классового врага, направленную на подрыв растущей советской науки.

Интересные вопросы были поставлены проф. П. П. Масловым. Отмечая значение поднятых «Правдой» вопросов, т. Маслов указывает, что традиция, названная в «Правде» дворянским рабелепием перед границей, восходит еще к А. Чапанову и др., которые публиковали многие из своих работ на иностранных языках и только потом переводили их на русский язык. Такое отношение к советской науке т. Маслов считает абсолютно недопустимым, наносящим крупный ущерб советской науке и социалистическому строительству. Тов. Маслов подчеркивает, что печатание за границей крупной научной работы, которая имеет практическое значение и которая еще не издана в СССР, равносильно продаже за границу изобретений. Это измена Советскому союзу. При том отно-

шении к науке, какое имеется только в Советском союзе, у нас нет никаких оснований печатать свои труды за границей.

Совещание единогласно приняло резолюцию, в которой коллектив научных сотрудников Института экономики Академии наук полностью и целиком солидаризируется с «Правдой», разоблачившей деятельность врага в советской маске акад. Лузина, направленную во вред советской науке. Общее собрание квалифицирует акад. Лузина как политического двурушника, замаскированного врага. Коллектив научных сотрудников клеймит презрением деятельность акад. Лузина и позором каждого, кто лишен чувства уважения к великой социалистической родине и рабелепствует перед наукой и научными учреждениями гнивающего капитализма. Коллектив призывает всех работников советской науки к усилению политической бдительности и к дальнейшему повышению научной квалификации. Вместе с тем научные работники Института экономики поставили перед Президиумом Академии наук вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания Лузина в составе действительных членов Академии наук СССР. Совещание приветствовало «Правду», которая вскрыла «одно из позорных явлений в нашей советской науке — стремление некоторых научных работников опубликовывать свои работы в зарубежных изданиях, пренебрегая возможностью печатать их на русском языке в научных изданиях Академии наук и ее институтов».

Одновременно совещание в своем решении отметило необходимость просить Президиум Академии наук обсудить план работ издательства Академии наук под углом зрения задач, выдвинутых «Правдой», и высказалось за более скоренное опубликование научных трудов и за необходимость организовать переводы наиболее ценных работ по всем отраслям знания на иностранные языки и их издание.

М. Мискина

Об академике Н. Н. Лузине

Постановление Президиума Академии наук СССР от 5 августа 1936 г.

Победа советской власти и громадные успехи социалистического строительства в кратчайший исторический срок подняли страну нашу из неслыханного разорения и векового прозябания до уровня первоклассной мировой державы. С надеждой и упованием смотрят трудящиеся всего мира на страну Советов, ибо они справедливо видят в ней свою основную цитадель в борьбе за высшие формы человеческой культуры.

На путях этого исторического подвига трудящиеся нашей страны всегда проявляли свою горячую уверенность в том, что наука и лучшие ее представители являются сильнейшим оружием во всей их освободительной борьбе. Каждый советский гражданин знает, что ни в одной стране мира наука и ее передовые борцы не пользуются среди широчайших народных масс такими заботами, вниманием и уважением, как в нашей стране. Каж-

дый советский гражданин знает, в какой степени все наше движение вперед было связано с использованием научных достижений, с нашим сотрудничеством в мировом научном прогрессе.

Советское правительство и коммунистическая партия обеспечили советской науке невиданные возможности для ее под'ема и развития, не жалея средств на организацию первоклассных научных учреждений и на создание наиболее благоприятных условий для работы людей науки. Лучшие ученые страны вместе со всем коллективом научных работников и научной молодежи сделали немалый вклад для под'ема на высокий уровень теоретических и практических знаний в СССР. Своей деятельностью, преданной интересам советской науки, и своим моральным обликом они завоевали всеобщие любовь и уважение трудящихся.

Включаясь в мощный поток советской жизни, некоторые из ученых не сразу приходили к пониманию идей советской власти. Однако, идя к ним своим путем, открыто и честно высказывая свои сомнения, они в конце концов делались подлинными советскими людьми, патриотами своей социалистической родины. Совершенно иначе вел себя Н. Н. Лузин.

Относясь по существу нелояльно к советской власти и пренебрежительно к советской науке, принося ей тем прямой вред, он тщательно прикрывался маской крайне угодливой лояльности. Об этом неопровержимо свидетельствует и факт его полной политической и общественной самоизоляции во время острой борьбы в Московском университете, и его насквозь фальшивый восторг перед успехами математического преподавания в советской школе при одновременном заявлении наркому просвещения в специальной делегации о крайне тяжелом положении преподавания в средней школе, его льстивые хвалебные отзывы не имеющим ценности научным работникам, помещение им в советской печати лишь своих второстепенных работ, в то время как более ценные труды помещались

только в иностранной печати, его недостойное отношение к собственным ученикам, крупным советским ученым, при одновременном крайне подобоострастном отношении к иностранным ученым. Такое лицемерное и двуличное поведение Лузина не только недостойно советского ученого, но и свидетельствует об отсутствии у него элементарного чувства достоинства как гражданина СССР.

Президиум Академии Наук констатирует, что в обсуждении дела Лузина приняли участие самые широкие круги общественности СССР, которые единодушно заклеили его антисоветскую деятельность, его лицемерное и двуличное поведение, совершенно недопустимое для советского ученого.

Президиум Академии Наук приветствует выступление «Правды» и считает, что обсуждение и осуждение поведения Лузина должно послужить серьезным уроком для всей научной общественности, помогая ей разоблачать людей, пятнающих своим поведением звание советского ученого.

Президиум Академии Наук полагает, что поведение акад. Н. Н. Лузина несовместимо с достоинством действительного члена Академии Наук и что наша научная общественность имеет все основания ставить вопрос об исключении его из состава академиков.

Однако, учитывая значение Н. Н. Лузина как крупного математика, взвешивая всю силу общественного воздействия, выявившегося в столь широком, единодушном и справедливом осуждении поведения Н. Н. Лузина и исходя из желания предоставить Лузину возможность перестроить все его дальнейшее поведение и его работу, президиум считает возможным ограничиться предупреждением Н. Н. Лузина, что при отсутствии решительного перелома в его дальнейшем поведении президиум вынужден будет неотложно поставить вопрос об исключении Н. Н. Лузина из академических рядов.

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР.

Еще одно проявление раболепия перед буржуазной наукой

На заседании дирекции Института экономики Академии наук СССР под председательством директора Института акад. М. А. Савельева 29 августа рассматривалось поступившее на заключение Института предисловие, написанное проф. П. И. Лященко для иностранного издания 2-го тома его книги «Социальная экономика сельского хозяйства».

Доктор экономических наук М. И. Кубанин доложил содержание предисловия, по существу явно антимарксистского.

В предисловии сочувственно цитируется Зомбарт, ныне являющийся одним из апологетов фашистского строя, совершенно не упоминается ни СССР, ни роль Маркса и Энгельса в создании теории развития сельского хозяйства, ни роль Ленина и Сталина, продолживших и углубивших вопросы теории развития сельского хозяйства, совершенно не упомянуто о том, как был разрешен аграрный вопрос в СССР.

Профессор П. И. Лященко признал

свое предисловие грубо ошибочным, объясняя это случайностью—тем, что он торопился к отъезду и переписал вводную часть книги издания 1908 г.

На заседании выступили зам. директора Института Д. Г. Лурье, М. Г. Бронский, Л. М. Гатовский, В. С. Немчинов, Я. Ф. Бумбер и др. Все выступавшие единодушно и резко критиковали содержание предисловия и указывали, что П. И. Лященко недостаточно раскритиковал свою ошибку.

В заключение акад. М. А. Савельев дал развернутую критику предисловия. Единогласно принята следующая резолюция:

«Рассмотрев предисловие, написанное проф. П. И. Лященко, предназначенное для иностранного издания его книги «Социальная экономия сельского хозяйства», и заслушав объяснения проф. П. И. Лященко, дирекция Института экономики Академии наук постановляет:

1. Предисловие, написанное проф. П. И. Лященко, является политически грубо ошибочным и недостойным советского ученого. В нем ни слова не сказано о всемирно-исторических успехах Советского союза в разрешении аграрного вопроса. История развития направлений в экономике сельского хозяйства представлена так, что из нее совершенно выпал марксизм—ленинизм. При этом проф. Лященко сочувственно цитирует в данном предисловии Зомбарта, являющегося ныне одним из апологетов фашизма.

Появление подобного предисловия в иностранном издании книги проф. Лященко несомненно принесло бы вред развитию идей марксизма—ленинизма среди иностранной интеллигенции, проявляющей интерес к советской научной литературе.

2. Дирекция считает, что политически ошибочное предисловие, написанное проф. П. И. Лященко, является выражением его теоретической неустойчивости и беспринципности, а также вытекает из пережитков того раболопного отношения к иностранной буржуазной науке, которое решительно осуждено советской общественностью.

3. В своих письменных объяснениях и в выступлении на заседании дирекции проф. П. И. Лященко признал грубые политические ошибки написанного им предисловия. В новом варианте этого предисловия он частично исправил эти ошибки. Однако проф. П. И. Лященко не проанализировал корней допущенной им ошибки, характеризуя ее как случайность.

4. Дирекция считает необходимым, чтобы проф. Лященко полностью осознал свою ошибку, вскрыл ее настоящие корни, подверг критике с точки зрения советского ученого и в дальнейшей своей работе на деле проявил себя достойным этого высокого звания.

5. Дирекция поручает гг. Лурье и Кубанину выступить в печати с освещением ошибки проф. П. И. Лященко».

От редакции

В статье т. Э. Локшина «Формы заработной платы на современном этапе» напечатанной в № 3 журнала «Проблемы экономики» пом. ответственного редактора т. Арутиняном при редакционной правке была допущена грубейшая политическая ошибка троцкистского характера. Вместо фразы: «Это улучшение материальных условий будет возможно лишь тогда, когда рост производительности труда будет опережать рост заработной платы» напечатано: «Это улучшение материальных условий будет возможно лишь тогда, когда рост заработной платы будет опережать рост производительности труда». Это изменение было произведено т. Арутиняном после утверждения первоначального текста статьи ответственным редактором.

Тов. Арутинян снят с работы в редакции.

Редакция считает совершенно правильной критику допущенной ею ошибки, данную в статье «Правды» от 6 августа с. г.

Содержание

	<i>Стр.</i>
Г. Крумин — Выше революционную бдительность	3
М. Кривицкий — Право на труд	11
Э. Квиринг — Советская Конституция и формы собственности в СССР	21
М. Азарин — Распределение при социализме и колхозный трудовой день	31
Л. Телятников — Новейшие тенденции в развитии станкостроения	49
М. Ильин — Блестящая победа ленинско-сталинской национальной политики	69
Ю. Винцер — Государственные долги в капиталистических странах	89

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И. Блюмин — Экономические взгляды Н. И. Тургенева	105
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. Бронский — А. П. Серебровский, На золотом фронте	125
Ш. Лиф — Н. Г. Чернышевский, Избранные сочинения	133
Н. Николаевский — Ф. Ф. Дунаев, Очерки по экономике социалистической нефтяной промышленности	139

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

И. Мильграм — Институт экономики Академии наук СССР	145
Е. Яковлева — Экономические взгляды В. А. Милютина (Доклад И. Блюмина в секторе политэкономики Института экономики Академии наук)	147
М. Мискина — Маска с врага сорвана	150
Об академике Н. Н. Лузине (Постановление президиума Академии наук СССР)	151
Еще одно проявление раболепия перед буржуазной наукой	152
От редакции	153

Адрес редакции — Волхонка, 14. Тел. 1-25-81.

Сдано в производство 1/VIII—15/IX 1936 г.
 Подписано к печати 16/X 1936 г.
 Уполн. Главлита Б—24597
 Формат 72 × 105¹/₁₆—Союзгиз № 34 (п)
 Заказ типографии № 1022.
 Объем 9³/₄ п. л.
 Тираж 13925
 Выпускающий А. Г. Налимов.

РЕДАКЦИЯ

Г. И. Крумин (отв. редактор)
Л. М. Гатовский
Э. И. Квиринг
М. М. Кривицкий
М. М. Шурыгин

П О П Р А В К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует
63	11	этих	некоторых
66	17	таких	специальных

«Проблемы экономики», № 4

1022